

Л. В. Суни
Великое княжество Финляндское

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY
PRESS

Л. В. Суни

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ

Первая половина XIX в.
Становление автономии

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. В. Суни

**Великое княжество Финляндское
(первая половина XIX в.).
Становление автономии**

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2013

УДК 94(4)''15/19''
ББК 63.3(4)5
С898

Рецензенты:

И. Р. Такала, кандидат исторических наук, доцент;
И. М. Соломещ, кандидат исторических наук, доцент;
Е. Ю. Дубровская, канд. ист. наук

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета

Издаётся в рамках реализации комплекса мероприятий
Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Суни, Л. В.

С898 Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.).
Становление автономии / Л. В. Суни. — Петрозаводск : Изд-во
ПетрГУ, 2013. — 137 с.

ISBN 978-5-8021-1625-8

Монография «Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии» посвящена изложению событий, связанных с присоединением Финляндии к Российской империи в начале XIX в. и с рождением автономного статуса Великого княжества Финляндского. В монографии, написанной с привлечением опубликованных источников, отечественной и зарубежной исследовательской литературы, характеризуются причины и результаты особого политического курса в отношении Финляндии, роль Боргского сейма в этом процессе. Помимо становления системы административного управления в книге рассматривается также финансовая и таможенная политика центральной власти, заложившая основы национальной экономики в княжестве.

УДК 94(4)''15/19''
ББК 63.3(4)5

ISBN 978-5-8021-1625-8

© Суни Л. В., 2013

© Петрозаводский государственный
университет, 2013

Оглавление

От автора	4
Глава 1. Присоединение Финляндии	
к Российской империи	5
Война 1808—1809 гг.	5
Высочайшие манифесты и собрание сословий в Борго	14
Глава 2. Формирование административной системы	
по управлению Великим княжеством Финляндским	28
Правительствующий совет	28
Генерал-губернатор	32
Комиссия финляндских дел	34
Финляндия и наполеоновское вторжение в Россию	40
Сеймовые ожидания	43
Генерал-губернатор А. А. Закревский	49
«Повинуюсь и еду в Гельсингфорс...»	49
Централизация управления в руках А. А. Закревского	60
А. А. Закревский и общественная жизнь Финляндии	66
Генерал-губернатор А. С. Меншиков	
и финляндская автономия	83
Глава 3. Экономика автономной Финляндии	91
Экономическая политика в русле умиротворения	
Финляндии	91
Основные этапы экономической политики Сената	99
Аграрная Финляндия	101
Мир финского крестьянина	101
Финский крестьянин и петербургский рынок	115
Промышленная Финляндия	119
Металлургия	119
Лесопиление	122
Текстильная промышленность	125
Заключение	129
Список источников и литературы	131

От автора

Предлагаемая читателю книга представляет собой первую часть систематического изложения истории Финляндии XIX в., с момента ее присоединения к Российской империи в результате русско-шведской войны 1808—1809 гг. На страницах данного издания речь идет, по сути, об одной проблеме — о становлении финляндской автономии, само рождение которой и ее дальнейшая трансформация диктовались соображениями большой политики. При этом речь не ограничивается сферой административного управления Финляндским княжеством, немалое внимание уделено характеристике экономического курса официального Петербурга, объективно содействовавшего формированию национальной экономики Финляндии.

Сюжеты, связанные с изложением общественно-политических и культурных процессов в Финляндии первой половины XIX столетия, станут содержанием второй части данного проекта, выполняемого в рамках Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета.

Л. В. Суни

Глава 1

Присоединение Финляндии к Российской империи

Война 1808—1809 гг.

Последняя русско-шведская война¹, в ходе которой Финляндия оказалась присоединенной к Российской империи, была естественным и логичным порождением той сложной международной обстановки, которая сложилась на европейском континенте в начале XIX столетия. Наполеону I, одержавшему к 1807 г. победы над всеми своими противниками, для установления окончательного господства в Европе оставалось сокрушить лишь самого грозного врага — Великобританию. Не имея возможности одолеть ее в морских сражениях, Бонапарт намеревался подорвать базировавшуюся на внешней торговле экономическую мощь Британии установлением континентальной блокады, которая была провозглашена еще в 1806 г.

В ходе Тильзитской встречи Наполеона и Александра I, проходившей в июле 1807 г., была достигнута договоренность о том, что Россия возьмет на себя роль посредника во франко-шведском примирении. Но если дипломатические усилия России не приведут к положительному результату, то Александр I должен был силой склонить Стокгольм к прекращению торговых отношений с Англией и присоединению Швеции к числу стран-участниц континентальной блокады. После того как осенью 1807 г. к ней примкнули Пруссия, Австрия и Дания, Швеция оставалась единственной страной, выпадавшей из общего антибританского фронта. Несмотря на оказываемое из Санкт-Петербурга дипломатическое давление и рекомендации своих советников, шведский король Густав IV Адольф упорно отказывался пойти на сближение с Францией². Настойчивые требования Наполеона всеми силами склонить Швецию к участию в антианглийской коали-

¹ В финской историографии принято название Финляндская война.

² Подробное изложение мотивов шведского правительства см.: Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805—1815 гг. М., 2012. С. 129—132; Смусин Л. С. К вопросу о характере внешней политики Швеции 1800 — весны 1808 годов // Скандинавский сборник. Таллинн, 1978. Т. 23. С. 81—95.

ции заставили Александра I, явно не спешившего начинать полно- масштабную войну, предпринять шаги, которые должны были демонстрировать готовность России «идти до конца». В российской столице стали проводиться смотры войск, к финляндской границе были переброшены регулярные части, распространялись слухи о готовившейся войне против Швеции и т. д. Эти свидетельства «решимости» России пойти на крайние меры, тем не менее, результата не возымели.

Однако после отвергнутого шведами российского предложения о создании общего антианглийского фронта (ноябрь 1807 г.) и договоренности с Наполеоном по вопросу о турецких проливах ситуация для них стала принимать все более угрожающий характер. В начале 1808 г. главнокомандующим русских войск, дислоцированных на российско-финляндской границе, был назначен генерал от инfanterии Фридрих Вильгельм фон Буксгевден, разработавший план военной кампании³. Согласно ему, русская армия должна была продвигаться в Финляндию по трем направлениям. На южном фланге войскам (под командованием генерал-лейтенанта князя Горчакова) предстояло овладеть Гельсингфорсом и Свеаборгом; задача армии в центре (князь Багратион) заключалась в продвижении на Тавастгус с последующим выходом к побережью Ботнического залива. Северный фланг армии (генерал-лейтенант Тучков) имел задачу воспрепятствовать соединению шведских сил в центре страны и оттеснить шведов на север Финляндии. Поскольку Швеция отвергла российский ультиматум от 17 февраля 1808 г. о присоединении к антианглийской коалиции, в Санкт-Петербурге было объявлено о том, что Россия временно устанавливает свою власть в Финляндии, но военные действия будут немедленно прекращены, как только Швеция присоединится к континентальной блокаде⁴.

Военные планы России исходили из того, что начавшаяся в зимний период военная кампания не позволит английскому флоту помешать русской армии установить контроль над южным побережьем Фин-

³ В своих основных положениях этот план покоялся на предложениях, высказанных еще в январе 1808 г. Г. М. Спренгтпортеном, шведским эмигрантом, находившимся на службе в России.

⁴ *Osmonsalo E. Suomen valtion perustaminen // Suomen historian käsikirja. Helsinki, 1949. Osa II. S. 3; Кяйвяряйнен И. И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965. С. 151.*

ляндии, который имел огромное значение для обеспечения безопасности Санкт-Петербурга. Помимо этого в зимние месяцы Англия была не в состоянии оказать необходимую помощь Швеции.

Приготовления Стокгольма к войне начались в январе 1808 г. с создания тайного военно-подготовительного комитета, который дал стратегическую оценку оборонительным возможностям шведской армии на финляндском театре военных действий. Особенно неблагоприятным для обороны Финляндии считался зимний период, поскольку из-за ледовой обстановки на Балтике Швеция не могла оказывать действенную помощь финляндским войскам. Поэтому рекомендации комитета, во главе которого стоял престарелый и слабовольный генерал-лейтенант Вильгельм Мориц Клингспур (1742—1820), сделавший карьеру на интендантской службе⁵ и в немалой мере благодаря «придворной опытности», сводились к тому, чтобы, «уступая превосходству неприятельских сил, отступать и не вовлекать Финляндскую армию в неровную битву»⁶. Нужно было сохранить войска до летних месяцев, пока из Швеции не начнут поступать подкрепления.

В начале февраля 1808 г. в Финляндии была объявлена мобилизация, в крепостях были усилены гарнизоны. Перед войной Финляндия имела 7 пехотных поселенных полков, резервные части, а также 600 человек финской гвардии. Насчитывающая около 14 тыс. солдат действующая армия была рассредоточена в восточных районах Ньюландской и Кюмменегордской губерний.

Российские войска без объявления войны перешли границу Финляндии 21 февраля 1808 г. В декларации Александра I по этому поводу цели военной кампании были сформулированы в крайне расплывчатых выражениях, совершенно не связанных, как уже указывалось выше, с присоединением Финляндии к Российской империи⁷.

Финляндские части, командование которыми осуществлял В. М. Клингспур, в соответствии с разработанной им же стратегией, начали отступление сначала в район Тавастгуса, а затем и далее на

⁵ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 58.

⁶ Сухтелен П. К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну в 1808—1809 гг. СПб., 1832. С. 10.

⁷ Подробнее о содержании Декларации см.: Рогинский В. В. Указ. соч. С. 136—137.

север страны, в Эстерботнию. Русские войска, не встречая сопротивления, быстро продвигались вглубь финляндской территории. На южном фланге 2 марта под их контролем оказался Гельсингфорс, 6 марта финляндскими войсками был оставлен Тавастгус, 23 марта — Або, расположенный на западном побережье Финляндии. В конце месяца русские части вторглись на Аландские острова. Продвижение русских войск на северном фланге было столь же успешным: уже в конце марта, преследуя Саволакскую бригаду, они достигли района Улеаборга. В центральной Финляндии шведские войска, избегая столкновений с русской армией, также быстро отходили на север, стремясь соединиться с находившимися там частями, отступившими из района Саво. По сути, на протяжении полутора месяцев войны между воюющими сторонами не было ни одного крупного сражения⁸.

Тем неожиданнее оказалась капитуляция двух крепостей — Свартхольма и Свеаборга, которые, по замыслу Клингспура, должны были связывать русские силы на юге Финляндии в весенне-летний период, когда планировалось начать контрнаступление шведских войск из северных районов страны.

Исходя из этого общего замысла, в крепостях Свартхольм и Свеаборг были усилены гарнизоны, заблаговременно завезено значительное количество боеприпасов и продовольствия; все это должно было позволить крепостям выдержать многомесячную осаду русских войск. Для осады Свартхольма русское командование выделило усиленный полк в 1700 человек. Вскоре после того как была занята Ловиза, начался обстрел крепости, который, однако, не причинил ей никакого урона. Тем не менее комендант Свартхольма уже после первых bombardировок вступил в переговоры о перемирии, и 17 марта 1808 г., посчитав дальнейшее сопротивление бесполезным, он сдает крепость, находившуюся, по свидетельствам современников, «в прекрасном оборонительном состоянии»⁹.

⁸ Из новейших работ по истории русско-шведской войны см.: *Lappalainen J., Ericson L., Pylkkänen A. Suomen sodan historia 1808—1809*. Helsinki, 2008. 400 s., а также: *Луото Р., Талвите Х., Висури П. Русско-шведская война 1808—1809*. Эспоо, 2009. 288 с.

⁹ Сухтелен П. К. Указ. соч. С. 21—22. Противоположная оценка состояния крепости приводится в истории войны, составленной в шведском генеральном

Выдержки из акта капитуляции крепости Свартхольм

«По повелению главнокомандующего в Финляндии армиею Е. И. В. генерала от инфантерии и кавалера графа Буксгевдена, комендант города Ловиза генерал-майор и кавалер Муханов с начальником крепости Швартгольм майором и кавалером Грипенбергом заключили капитуляцию на нижеследующих условиях:

1. По соизволению Е. И. В. крепость Швартгольм через 24 часа после принятия капитуляции будет сдана в настоящем положении своем с пушками, знаменами, амунициею и прочими вещами, принадлежащими Его Величеству королю шведскому...

3. Всем офицерам, штатным чинам иunter-офицерам в гарнизоне с их семействами позволяетя с законным удостоверением вывезти их имущество в Ловизу, для чего генерал Муханов снабдит их надлежащими лошадьми и подводами. Духовые инструменты, употребляемые в Бьернеборгском полку, как принадлежащие ротным командирам, остаются в их распоряжении. При выступлении из крепости солдаты будут нести на себе пятидневную пропорцию провианта, полный мундир, снабзаки и манерки.

4. Офицерам, родившимся в Финляндии, тотчас отдадут шпаги... Офицеры из финляндцев получат позволение и снабдятся российскими паспортами для жительства по своему выбору в завоеванной теперь части Финляндии...

7. Офицеры Швартгольмского гарнизона во время плена получат на содержание годовое их жалование

11. Комендант Швартгольмской крепости может беспрепятственно отправлять к королю шведскому, своему государю, подробную реляцию о всем том, что было предпринято к защщению крепости и что понудило сдать оную крепость Швартольм 5/17 марта в 9 часов утра 1808 года».

Документ, хранящийся в РГА ВМФ, воспроизведен в монографии: *Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире. СПб., 2008. С. 58—59.*

штабе: Шведская война 1808—1809 гг. Сост. Военно-историческим отделом Шведского генерального штаба. Ч. 2. СПб., 1907. С. 299.

Падение Свартхольма, который имел огромные запасы пороха, снарядов и продовольствия на много недель вперед, имело огромный резонанс в шведском обществе, где звучали голоса о национальном позоре, предательстве интересов Швеции со стороны Военного совета, принявшего решение о капитуляции, и т. д.¹⁰

Еще большее потрясение на шведское и финляндское общество произвела капитуляция Свеаборга, представлявшего собою мощную цитадель, прикрывавшую морские подступы к Гельсингфорсу. Королевский приказ готовить крепость к обороне поступил еще до начала войны, 14 февраля 1808 г. В нем говорилось: «Если неприятель перейдет границу в настоящее зимнее время, а наши полевые финские войска должны будут отступить, — повелеваем вам отстаивать крепость до последней капли крови, и если невозможно будет уже противостоять, сжечь находящийся в крепости флот и все запасы, а не допустить их попасть в руки неприятеля»¹¹.

Во главе обороны крепости стоял прославленный вице-адмирал К. О. Кронстедт, в распоряжении которого находилось около 7 тыс. солдат, мощная крепостная артиллерия и большое количество иного вооружения. Ни о каком штурме крепости не могло быть и речи.

Начавшиеся бомбардировки не наносили ей серьезного ущерба. И, тем не менее, в начале апреля начались затяжные переговоры, в ходе которых Кронстедт предложил перемирие до 3 мая. Именно этот день должен был определить судьбу крепости: если к означеному сроку не прибудет помощь из Швеции, Кронстедт сдает крепость. Что, в конечном итоге, и произошло в соответствии с достигнутой договоренностью.

Русскому командованию досталось 2 тысячи орудий, весь шведский гребной флот, насчитывавший более 100 судов. Гарнизон крепости был разоружен и распущен по домам. Без сомнения, овладение Свеаборгом, этой мощной военно-морской цитаделью, имело стратегическое значение, этот успех был отмечен в Санкт-Петербурге военным парадом. После майской капитуляции весь юг Финляндии оказался под полным контролем русской армии, которая могла, не опасаясь за свои тылы, свободно оперировать в центральных и северных районах Финляндии.

¹⁰ Juvelius E. W. Suomen kansan aikakirjat. Osa VI. Helsinki, 1932. S. 610.

¹¹ Шведская война 1808—1809 гг. Т. 2. С. 220.

Падение Свеаборга было сильным и неожиданным ударом по всему стратегическому плану ведения войны, разработанному в Стокгольме. Но потеря двух мощных военных плацдармов на юге страны, тем не менее, не изменила общий замысел шведского командования. В первой половине мая 1808 г. Саволакская бригада под командованием полковника И. А. Санделса начала контрнаступление в южном направлении и через несколько дней (12 мая) овладела городом Куопио в центральной Финляндии. На протяжении всего летнего периода в этом районе происходили мелкие стычки между шведами и русскими войсками, которыми командовал генерал-лейтенант Барклай де Толли, тогда как основные шведские силы под командованием Клингспура продолжали оставаться на севере Финляндии, ожидая подкреплений из Швеции.

Но в этот летний период основные неприятности русским войскам в центральной Финляндии доставляли не регулярные шведские и финские части, а начавшееся партизанское движение. Правда, о проблемах, вызванных ростом крестьянского сопротивления, Буксгевден докладывал в Санкт-Петербург уже в мае 1808 г. В небольшом, малоизвестном описании военных действий говорится о вспыхнувшей народной войне, в ходе которой «отдельные партии этих добровольных воинов... разрушали переправы, перехватывали курьеров, сжигая запасы и набирая новые толпы. Число врагов росло с каждым днем, а вместе с тем росли и наши затруднения в борьбе с ними»¹².

По вопросу о масштабах партизанской войны в Финляндии в исторической литературе нет достоверных данных. В силу этого оценки народного сопротивления исследователями заметно разнятся. Финские авторы отмечают тот факт, что крестьянские отряды, достигавшие иногда до 3 тысяч человек, несмотря на эпизодическую поддержку регулярных войск, не могли противостоять русской армии в открытом сражении. Единственный существенный результат подобных стычек, как отмечает Э. Ювелиус, заключался в том, что русское командование стало рассматривать и мирное население как своего противника («У бунтующих жителей жечь их селения»: Распоряжение Аракчеева от 25 мая 1808 г. // *Тиркельтауб С. В. Аланы в войнах и мире. С. 68.*).

¹² Подвиги русских солдат в войну 1808—09 гг. в Финляндии. СПб., 1886. С. 12.

Незначительный масштаб народной войны отмечал и советский исследователь И. И. Каявяряйнен. Но его аргументация строилась не на анализе фактического материала, а на отрицании господствовавшей в финской исторической литературе 1930-х гг. концепции об извечной вражде финнов и русских.

Einar W. Juvelius. Suomen kansan aikakirjat. Osa VI. Helsinki, 1932. S. 640.

Каявяряйнен И. И. Международные отношения на севере Европы... С. 190—191.

На западном театре все усилия Стокгольма перебросить на финляндский театр дополнительные части оказались безуспешными: в июне русские войска без особого труда отбили две попытки высадить шведские десанты на финском побережье Ботнического залива.

Основным силам шведской армии удалось, тем не менее, одержать в июле несколько побед над русскими войсками в западных районах Финляндии, но с августа 1808 г. инициатива вновь полностью переходит в руки русского командования. Решающее сражение состоялось 2 (14) сентября при местечке Оравайс (Ботническое побережье Финляндии), в котором шведская армия потерпела крупное поражение¹³, после которого, будучи полностью деморализованной, уже не смогла оправиться. И Саволакская бригада Санделса, оперировавшая в районе Саво, и основные части под командованием Клингспура в западной Финляндии начали отступление на север, где 7 (19) ноября 1808 г. в Олкиёки графом Каменским и бароном Адлеркрейцем было подписано перемирие¹⁴. По его условиям шведская армия получала возможность уйти на территорию Швеции, и последние части покинули Финляндию в канун Рождества 1808 г.

Но эти победы русского оружия все же не достигли основной цели: Швеция по-прежнему упорствовала в присоединении к континентальной блокаде, принуждение к которой потребовало от России продолжения военной кампании, но уже на собственно шведской территории.

¹³ Шведы потеряли убитыми свыше 1 тысячи человек, ранеными более 4 тысяч, пленными 365 человек.

¹⁴ Текст соглашения: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1965. Сер. 1. Т. 4. С. 399—400.

В марте 1809 г. русские части под командованием П. И. Багратиона овладели Аландскими островами и совершили кратковременную диверсию на шведский берег неподалеку от Стокгольма, а М. Б. Барклай де Толли начал тяжелейший переход из г. Ваза через пролив Кваркен в направлении г. Умео, который 22 марта оказался в руках русских войск. Одновременно корпус графа П. А. Шувалова вступил на территорию Швеции в районе Торнео, где к середине марта вынудил сложить оружие шведские части под командованием генерала Гриппенберга¹⁵.

Неудачи шведской армии породили в стране всеобщее смятение и недовольство королем Густавом IV Адольфом, который был не способен вывести Швецию из глубокого экономического и дипломатического кризиса. Некоторые группы чиновничества и офицерского корпуса начали подготавливать государственный переворот, завершившийся арестом короля 13 марта 1809 г.¹⁶ После того как Александр I отклонил предложение новых правителей в Стокгольме о перемирии, вновь развернулись военные действия, но усилия шведов изгнать русские войска со шведской территории успеха не имели.

2 (14) августа 1809 г. во Фридрихсгаме между Швецией и Россией начались переговоры, завершившиеся 5 (17) сентября подписанием мирного договора, который закончил последнюю русско-шведскую войну.

По условиям договора шведский король «как за себя, так и за преемников его престола и Королевства шведского отказывается неотменяю и навсегда в пользу Его Величества Императора Всероссийского и преемников Его престола и Российской Империи от всех своих прав и притязаний»¹⁷ на шесть финляндских губерний. Фридрихсгамский договор лишь закрепил те решения официального Санкт-Петербурга о вхождении Финляндии в состав Российской империи, которые были сделаны еще в разгар военной кампании.

¹⁵ Майков П. Финляндия, ее прошедшее и настоящее. СПб., 1905. С. 296.

¹⁶ Андерссон И. А. История Швеции. М., 1951. С. 308.

¹⁷ Текст договора: Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 117—124.

Последняя русско-шведская война достаточно хорошо исследована в отечественной литературе. Об этапах и результатах этой работы историков см.: *Такала И., Соломеc И.* «Неизвестная война? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808—1809 годов // Отечественная история. 2009. № 3; *Takala I. Suomen sota — tuntematton sota // Carelia. 2007. № 11. S. 92—96; Solomeshch I. Suomen sota 1808—1809 Venäjän imperiumin historian osana // Carelia. 2008. № 5. S. 151—153; Приходько Н. И.* Исследовательские периоды в изучении русско-шведской (финляндской) войны 1808—1809 гг. в отечественной историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 117—123.

Следует отметить, что в общественном мнении России эта победа не вызвала привычного для подобного рода событий ликования. Впервые наступательная война против традиционного российского противника, которая привела к новым территориальным приобретениям, «была всеми русскими громко осуждаема и успехи наших войск почитаемы бесславием», — отмечал Ф. Ф. Вигель в своих «Записках». Александр I в этих событиях выглядел как подручный Наполеона, который позволил России взять Финляндию. Когда орудия Петропавловской крепости возвестили о заключении Фридрихсгамского мира, «все спрашивали друг у друга, в чем состоят условия. Неужели большая часть Финляндии отходит к России? Нет, вся Финляндия присоединяется к ней. Неужели по Торнео? Даже и Торнео с частью Лапландии. Неужели и Аландские острова? И Аландские острова. О, Боже мой! О, бедная Швеция! Вот что было слышно со всех сторон»¹⁸.

Высочайшие манифести и собрание сословий в Борго

Несмотря на то что первоначальная цель русско-шведской войны заключалась в принуждении шведов к участию в континентальной блокаде и оккупации Финляндии, согласно тогдашнему международному праву, объявлялась лишь «временным военным завладением» (*occupatio bellica*), тем не менее уже 20 марта (1 апреля) 1808 г. официальный Санкт-Петербург заявляет о присоединении Финляндии к Российской империи¹⁹.

¹⁸ Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2000. С. 224.

¹⁹ «Страну, сию оружием Нашим таким образом покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской империи, и вследствие того повелели Мы

Это решение, означавшее кардинальное изменение целей войны в отношении Финляндии и продиктованное, прежде всего, событиями международного характера, существенно расширило содержание финляндской проблемы. Теперь, наряду с планированием и проведением военных операций, предстояло озабочиться организацией гражданского управления, во главе которого был поставлен главнокомандующий русскими войсками Ф. В. фон Буксгевден, а начальником его гражданской канцелярии стал бывший аньялец Густав Ладо. Ландсгевдинги (губернаторы), в отличие от периода Северной войны и войны 1741—1743 гг., в Швецию не ушли и, оставаясь на месте, содействовали умиротворению населения²⁰.

Густав Вильгельм Ладо (1766—1833). Участник Аньяльского заговора против Густава III. В 1789 г. бежал в Россию. Во время войны 1808—1809 гг. руководитель гражданской канцелярии при штабе Ф. В. фон Буксгевдена. С 1810 г. начальник созданной почтовой службы Великого княжества Финляндского, член Правительствующего совета (с 1812 г.).

Особые усилия в этом направлении предпринимал Г. М. Спренгт-портен, который предлагал созвать в Або представителей финляндских сословий для обсуждения условий вхождения Финляндии в состав Российской империи. Эту идею, против которой выступили и Ф. В. Буксгевден, и министр граф Н. П. Румянцев («чины из разных губерний собранные... не только не будут способствовать к восстановлению порядка и устройства, но умножат к тому затруднения»²¹), Александр I не поддержал²². В Манифесте от 5 (17) июня 1808 г. к финскому народу еще раз подтверждался факт «невозвратного» вхождения Финляндии в состав Российского государства. Основной смысл документа сводился к быстрейшему умиротворению обще-

принять от обывателей ее присягу на верное престолу Нашему подданство»: Манифест о присоединении Финляндии // Шиловский П. Акты, относящиеся... С. 127; *Osmonsalo E. Suomen valtion perustaminen // Suomen historian käsikirja*. Helsinki, 1949. Osa II. S. 19.

²⁰ *Pohjolan-Pirhonen H. Kansakunta löytää itsensä // Kansakunnan historia*. Osa 3. Helsinki: WSOY, 1973. S. 140.

²¹ Бородкин М. М. История Финляндии 1801—1825. Время императора Александра I. С. 169.

²² У этой идеи в тот момент не было поддержки и в самой Финляндии.

ственных настроений²³. Были обещаны развитие земледелия, торговли и промыслов, а также защита местного населения от внешней угрозы. Из этого манифеста следует, что ни о каком особом положении Финляндии в составе Российского государства Александр I еще не помышлял. Сообщая обывателям Финляндии, что вступив «в состав империи Нашей», где «под сению престола Нашего покоются многочисленные народы», Александр I подчеркивал, что они приобретают равные права с ними.

Но к исходу лета 1808 г. позиция Александра I по финляндскому вопросу стала претерпевать изменения. В условиях, когда на горизонте вновь стала просматриваться возможность противостояния с Францией, полное и быстрейшее умиротворение Финляндии становилось важнейшей задачей внутренней политики на северо-западных рубежах империи. Предстояло в самые сжатые сроки продемонстрировать обывателям Финляндии, что в отличие от шведского периода их положение в составе Российского государства будет иметь целый ряд преимуществ, и это должно было удержать финляндцев от какой-либо оппозиции Санкт-Петербургу в случае международного кризиса. На последующих решениях имперской администрации заметно влияние рекомендаций Г. М. Спренгтпортена и М. М. Сперанского, выступавших за предоставление Финляндии особого положения в составе Российской империи.

Георг Магнус Спренгтпортен (1740—1819). Финляндский генерал-губернатор, генерал от инфантерии, граф. Шведский военачальник, участник государственного переворота 1772 г. в пользу шведского короля Густава III, командующий Саволакской бригадой в Восточной Финляндии. Идеолог самостоятельного финляндского государства под защитой Российской империи. Сторонник антикоролевской оппозиции на сессии риксдага 1786 г. В этом же году перешел на российскую службу. В ходе русско-шведской войны 1788—1790 гг. вдохновлял финских офицеров (участников неудавшегося Аньядльского заговора против Густава III) к борьбе за независимость Финляндии. В 1790 г. надворным судом в Або заочно приговорен к смертной казни за государственную измену. Во время русско-шведской

²³ Манифест о присоединении Финляндии. 5 (17) июня 1808 г. // Шиловский П. Акты, относящиеся... С. 133—134.

войны 1808—1809 гг. принимает активное участие в судьбах Финляндии.

Сюрьё Вели-Матти. Георг Магнус Спренгтпортен // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / Под ред. Тимо Вихавайнена; Перевод — Илья Соломещ. Хельсинки, 2004. С. 622—629.

Еще в конце июля 1808 г. главнокомандующий русскими войсками Ф. В. фон Буксгевден потребовал от ландсгевдингов (губернаторов)²⁴ южной и восточной Финляндии, т. е. территории, которые находились под контролем русских войск, сформировать отправляемую в Санкт-Петербург делегацию. Она двинулась в путь в середине сентября, но получив в Выборге известие о том, что Александр I отбыл в Эрфурт на очередную встречу с Наполеоном, значительная часть делегатов вернулась домой. Прибыть в российскую столицу делегаты смогли лишь в конце октября.

Александр I выразил желание принять эту делегацию, которая донесла бы до него чаяния новых российских подданных. Сформированная из представителей сословий²⁵ от большинства финляндских губерний (кроме губерний Куопио и Оулу, неподконтрольных в тот момент русским войскам) депутация 17 (30) ноября получила аудиенцию у императора, который заверил финских посланников в том, что он будет свято соблюдать все дарованные финляндским жителям права и преимущества «сходно с прежними их постановлениями».

В представленной на имя Александра I мемории финляндские делегаты посчитали необходимым подчеркнуть, что они не являются представителями всего народа, в связи с чем было высказано пожелание о созыве «общего собрания сословных представителей». На эту просьбу было получено высочайшее соизволение. Делегатами выра-

²⁴ В тексте будет использован более привычный термин «губернатор», хотя административная реформа, заменившая лены на губернии, ландсгевдингов на губернаторов, была проведена только в 1837 г. Николай I: «Что касается названия губерний, то к этому я имею одно и то же побуждение... чтобы даже в самых названия мест и лиц не было различия с Россиею» // Архив князя Воронцова. Кн. 38. М., 1892. С. 393.

²⁵ Делегация состояла из частично выбранных и назначенных 22 членов: по четыре представителя от дворян и духовенства, семи членов бургерского и пяти крестьянского сословий. Помимо них в состав делегации входили представитель Або Академии Г. Е. Гартман и член надворного суда Р. Х. Ребиндер.

жались пожелания, связанные, прежде всего, с сохранением сословных привилегий и прав. В своей ответной речи Александр I обещал оставить в Финляндии прежние шведские законы, старую лютеранскую религию и привилегии сословий, особо отметив, что финскому крестьянству не угрожает крепостничество.

Александр I поручил подготовить перечень вопросов, которые в первую очередь подлежали решению в присоединенной Финляндии. В течение некоторого времени делегация под руководством бывшего аньальца Карла Эрика Маннергейма (1759—1837) занималась составлением соответствующего документа, который в итоге насчитывал 17 позиций. Важнейшим среди них было стремление финнов обеспечить в стране мир и законность. Количественно преобладали, однако, предложения экономического характера, что вполне объяснимо для страны, переживавшей серьезные, вызванные войной трудности²⁶.

В это же время были сделаны шаги, которые положили начало формированию будущего особого статуса Финляндии в составе Российской империи. Согласно разработанному Г. М. Спренгтпортеном проекту об организации административного управления Финлядией, который подвергся правке и дополнениям со стороны военного министра А. А. Аракчеева и генерала Б. фон Кнорринга, родилось «Положение об учреждении главного управления в Новой Финляндии». По этому проекту планировалось создать Комитет главного управления, который, будучи высшим административным органом во главе с генерал-губернатором, должен был состоять из 12 членов с местопребыванием в г. Тавастгус²⁷.

Разработанный вариант предполагал, что все финляндские дела должны были передаваться на утверждение императора после их предварительного рассмотрения российскими министерствами, но своей резолюцией от 19 ноября (1 декабря) 1808 г. Александр I, одобрав проект в целом, постановил представлять их непосредственно ему, минуя Комитет министров²⁸. Этим самым закладывался один из краеугольных камней финляндской внутренней автономии, поскольку ме-

²⁶ Подробное описание и анализ этой программы см.: *Jussila O. Suomen suuri ruhtinaskunta. 1809—1917. S. 62—69.*

²⁷ Местное правительство начало заседать в октябре 1809 г. в г. Або.

²⁸ *Torvinen T. Autonomian ajan senaatti // Valtioneuvoston historia. 1917—1966. Osa I. Helsinki, 1977. S. 14.*

стная финляндская администрация выводилась из-под контроля российского правительства и напрямую подчинялась только императору.

Докладчиком финляндских дел был назначен граф М. М. Сперанский, принимавший деятельное участие в формировании параметров финляндского автономного статуса²⁹, а его помощником — Роберт Ребиндер (1777—1841), чиновник Абосского гофгерихта. В этот же день Финляндия получила своего первого генерал-губернатора, которым стал Г. М. Спренгтпортен, находившийся в этой должности до мая 1809 г., а 25 декабря 1808 г. (6 января 1809 г.) Александр I расширил список своих официальных титулов, став Великим князем Финляндским³⁰. Эти решения, закладывавшие основу будущего автономного статуса Финляндии, были дополнены манифестом от 7 (20) января 1809 г. о созыве в марте представителей финляндских сословий «на общий ландтаг» в городе Борго³¹.

Как М. М. Сперанский, так и представители финляндской стороны, которые под руководством Маннергейма занимались подготовкой собрания сословий, понимали, что далеко не все шведские законы соответствовали новому положению Финляндии в составе Российской империи. Большинство членов, занятых подготовкой собрания, полагали, что в условиях продолжавшейся войны не следует заниматься каким-то реформированием. Однако на рассмотрение Александра I в начале февраля 1809 г. был все же представлен достаточно радикальный проект, подготовленный аньальцем И. А. Егергорном. Он предлагал полную ревизию шведских законов, в результате которой права представителей сословий расширялись, сам институт представительства должен был приобрести постоянный характер³². Против этого плана выступили влиятельные представители финляндской

²⁹ См.: Корнилов Г. Д. М. М. Сперанский и Финляндия // Вопросы истории Европейского Севера. Россия и Финляндия от Средневековья до середины XX века. Петрозаводск, 2007. С. 50—56.

³⁰ Номинальный статус Великого княжества в составе Шведской монархии Финляндия имела с 1581 г.

³¹ Шиловский П. М. Акты, относящиеся... С. 135—136. Первоначально рассматривалась возможность проведения сейма в Ловизе, Або и даже в Выборге, с 1721 г. находившемся в составе России.

³² Halila A. Porvoon valtiopäivät ja autonominan alkuaika // Suomen kansanedustuslaitoksen historia. Osa I. Helsinki, 1962. S. 479.

элиты Я. Тенгстрём, К. Маннергейм и Роберт де Геер, что предопределило и позицию Александра I, отклонившего план И. А. Егергорна.

Якоб Тенгстрём (1755—1832). Видный деятель начального периода финляндской автономии, поддерживавший политику центральной власти в Финляндии. Руководитель духовного сословия на Боргоском сейме. Инициировал назначение Николая Павловича (будущего императора Николая I) канцлером университета. Один из основателей Библейского и Евангелического обществ в Финляндии. В связи с созданием в 1817 г. Абосского архиепископства стал первым архиепископом Финляндии. Автор литературных произведений и трудов по истории.

Начались спешные приготовления к открытию сейма. Сложности возникали в связи с тем, что российские чиновники плохо представляли шведский церемониал, которому предстояло следовать в подобных случаях. В Санкт-Петербург, где общее руководство по подготовке к сейму было возложено на М. М. Сперанского, срочно были вызваны кандидат на пост ландмаршала сейма Роберт де Геер, епископ Якоб Тенгстрём и временный канцлер юстиции Тандефельд, которые и разработали необходимую церемонию. В Борго были доставлены императорский трон с балдахином, ландмаршальский жезл и мундиры для герольдов, стало приводиться в порядок здание местной гимназии, где должно было состояться собрание сословий, началось возведение триумфальной арки, купцов обязали заготовить впрок большое количество кваса и всевозможной снеди.

Роберт Вильгельм де Геер (1750—1820). Граф, майор. Сочувствовал участникам Аньяльского движения, но активного участия в нем не принимал. Губернатор Кюмменегордской губернии в 1785—1789 гг. Ландмаршал Боргоского сейма. С 1809 г. член хозяйственного департамента Правительствующего совета и руководитель его военной экспедиции.

Александр I, сопровождаемый высокопоставленной свитой, в которую входили министр иностранных дел граф Н. П. Румянцев, государственный секретарь М. М. Сперанский, военный министр А. А. Аракчеев и другие царедворцы, прибыл в Борго 15 марта и на следующий день в торжественной обстановке открыл заседание сейма. В своей речи, произнесенной на французском языке и тут же зачитанной

Г. М. Спренгтпортеном в переводе на шведский, Александр I обещал сохранить «коренные законы» Финляндии, заявив, что «это собрание составит эпоху в вашем политическом существовании»³³.

После ответных благодарственных выступлений от имени финляндских сословий, принятия присяги на верность «Императору и Самодержцу Всероссийскому, Великому князю Финляндскому» Александр I в своем манифесте 15 марта 1809 г. подтвердил свое решение «утвердить и удостоверить Религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества и все подданные оное населяющие ... по конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии»³⁴.

Затем сейм, в работе которого принимало участие 134 делегата, приступил к повестке дня. Следует подчеркнуть, что прерогативы сейма, проводившего свои заседания в «закрытом режиме», уже заранее были четко очерчены. Он был лишен права принимать какие-либо постановления, полномочия депутатов сводились к вынесению рекомендаций, которые представлялись на высочайшее рассмотрение. В повестке дня было четыре вопроса, решение которых считалось наиболее спешным в тогдашних условиях. Делегатам сейма предлагалось высказать свое мнение относительно военного устройства в княжестве, о взимании податей, о монетной системе, а также об учреждении Правительствующего Совета, высшего органа административного управления княжеством.

Карл Эрик Маннергейм (1759—1837). Видный деятель начального периода финляндской автономии, граф (1824). Участник Аньяльского союза, выступившего против Густава III. Приговорен к смертной казни, но был помилован. Руководитель финляндской депутатии 1808 г., изложившей Александру I пожелание созвать сословный сейм. С 1809 г. член хозяйственного департамента Правительствующего совета. В 1816 г. назначен губернатором губерний Турку и Пори. В 1822—1826 гг. вице-председатель хозяйственного департамента финляндского сената.

³³ Бородкин М. М. История Финляндии 1801—1825. Время императора Александра I. С. 237.

³⁴ Манифест Александра I Марта 15-го дня 1809 г. // Шиловский П. Акты, относящиеся... С. 10.

Представители сословий сформировали из 15 членов две комиссии, одна из которых (по гражданским и экономическим делам, председатель барон И. Р. Ребиндер) занялась рассмотрением вопросов, связанных с военной организацией и налогообложением, другая — финансовая, под руководством К. Э. Маннергейма — проблемами денежного обращения в княжестве.

Тема о Правительствующем Совете делегатами сейма была временно отложена, поскольку вопрос о создании правительства в это время стал предметом обсуждения в специальном комитете, сформированном Сперанским во главе с епископом Я. Тенгстрёмом. Работа над проектом структуры Правительствующего Совета продолжалась около трех месяцев, и лишь 14 июля 1809 г. он был представлен на рассмотрение сейма.

Наибольшее внимание делегаты сейма уделили вопросу о военной организации Великого княжества. Комиссия единодушно высказалась за ликвидацию «на все времена» в уставшей от войн Финляндии старой поселенной системы, которая была унаследована со шведского времени³⁵. Это радикальное предложение получило полную поддержку делегатов духовного сословия. Но дворянская курия заняла иную позицию, предложив освободить Финляндию от военного бремени лишь на 50 лет, после чего формирование собственных вооруженных сил должно было происходить постепенно и поэтапно. В итоге именно это решение легло в основу сеймового ходатайства, при этом высказывалось пожелание, чтобы восстанавливаемые в будущем национальные войска комплектовались только финляндскими уроженцами и воинские части не выводились бы за пределы Финляндии.

Особую озабоченность делегатов дворянского сословия вызывала судьба финляндских солдат и офицеров, сражавшихся против российской армии, большинство из которых окончательно сложило оружие в марте 1809 г. Делегаты от дворянского сословия планировали сохранить личному составу «старой армии» источники дальнейшего существования: солдатам — их довольствие и служебные жилища (торппы), но только до конца 1809 г., офицерам — прежние пожизненные льготы и привилегии.

³⁵ В период войны 1808—1809 гг. Финляндия содержала 7 пехотных поселенных полков, резервные части, а также 600 человек финской гвардии.

Эти предложения были неоднозначно встречены в непривилегированных сословиях, которые посчитали предоставление пожизненных льгот для командующего состава всех уровней мерой несправедливой и вредной. Представители духовенства, горожан и крестьянства соглашались лишь на выплату офицерам единовременной компенсации. Расхождения между сословиями оказались столь непримиримыми, что сейм не смог выработать единой позиции по этому вопросу³⁶.

И. Ф. Аминофф (1756—1842), густавианец, в русско-шведской войне 1808—1809 гг. находился при штабе главнокомандующего Клингспура, в военных действиях участия не принимал. Перешел на российскую службу. В 1811—1814 гг. являлся членом Комиссии финляндских дел в Санкт-Петербурге, в 1821—1827 гг. был вице-канцлером Абоской Академии (университета).

Эта история имела, однако, дальнейшее продолжение. После окончания войны финляндские офицеры бывшей шведской армии составили депутацию во главе с генерал-майором Аминоффом, которая отправилась в Санкт-Петербург, где рассчитывала получить аудиенцию у Александра I для того, чтобы решить вопрос о сохранении прежних окладов и привилегий.

Приняв депутацию 21 января (2 февраля) 1810 г. и ознакомившись с меморандумом, в котором офицеры просили о роспуске всех финских войск и о сохранении при этом прежнего жалованья, Александр I предложил им перейти на русскую службу. Но на это предложение последовал отказ, поскольку офицеры прежней шведской армии опасались участия в возможной войне против своих бывших «братьев по оружию», а также не желали прохождения службы за пределами Финляндии³⁷. Казалось, что решение вопроса зашло в тупик. Но после некоторых колебаний, вызванных настойчивостью депутатации, 15 (27) марта 1810 г. Александр I издает манифест, сохранявший за финскими офицерами все их прежние права и оклады. Этим же манифестом Александр I, приняв во внимание заключение сейма и мнение Комиссии финляндских дел, объявлял о «замораживании» посе-

³⁶ Halila A. Op. cit. S. 511—516.

³⁷ После войны в Швеции оставалось 2400 финских солдат, продолжавших служить в шведских войсках.

ленной системы в Финляндии «пока благосостояние края не изглаждит следов опустошения войны»³⁸.

Второй вопрос, рассматривавшийся на Боргоском сейме, касался взимания податей. Источниками финансовых поступлений государственной казны в шведский период являлись земельный и подушный налоги, доходы от винокурения и отступные, которые выплачивались лицами, не желавшими нести бремя по содержанию поселенного войска. Комиссия по гражданским и экономическим делам высказывалась за отмену так называемой «малой таможенной пошлины», которую платили крестьяне, привозившие свои товары на городской рынок. Комиссия также была против взимания акцизов на табак и иностранные алкогольные напитки. Значительные суммы испрашивались депутатами сейма для содержания планировавшихся центральных административных учреждений — таможенного ведомства, землемерной и почтовой контор³⁹.

К проблеме налоговых поступлений тесно примыкал вопрос о денежном обращении, который рассматривался комиссией под председательством Я. Тенгстрёма. В результате войны финансовая система Финляндии оказалась расстроенной. В стране продолжали хождение шведские риксталеры, к которым теперь прибавились еще и русские ассигнации. По рекомендации сеймовой комиссии единственным платежным средством в княжестве следовало иметь русский серебряный рубль, значение которого должно было возрастать в связи с ожидавшимся расширением российско-финляндской торговли. Но резкий и полный отказ от шведского талера был невозможен. Поэтому делегаты дворянской курии, согласившись с мнением Я. Тенгстрёма о нецелесообразности полного уравнения талера и рубля, ограничили дальнейшее использование шведской денежной единицы только сферой частного предпринимательства. Это мнение, поддержанное депутатами духовного и крестьянского сословий⁴⁰, легло в основу сеймового заключения по финансовому вопросу.

³⁸ Бородкин М. М. История Финляндии 1801—1825. Время императора Александра I. С. 425—426; Майков П. М. Указ. соч. С. 322.

³⁹ Примечательно, что депутаты от крестьянского сословия выступали против поспешного создания новых чиновничих вакансий.

⁴⁰ Бюргерское сословие выступило против каких-либо ограничений в отношении риксталера.

Помимо этого депутаты высказали пожелание учредить в Або «Банк Финляндского сейма», который должен был аккумулировать средства государственного сектора экономики и находиться под контролем сословий. Для его основания сейм просил Александра I предоставить Финляндии беспроцентный заем в один миллион рублей сроком на 20 лет.

Роберт Хенрик Ребиндер (1777—1841). Видный государственный деятель Финляндии первой половины XIX в. Граф (1826). В 1809—1811 гг. помощник М. М. Сперанского, являвшегося докладчиком по делам Финляндии. Член подготовительного комитета по учреждению Правительствующего совета. В 1811—1826 гг. статс-секретарь Комиссии финляндских дел, с 1834 г. министр статс-секретарь по делам Финляндии. В 1826 г. поддержал нереализованную на практике идею о передаче части Карельского перешейка (с преобладающим православным населением) в состав России. В 1826 г. канцлер Абосского университета.

Как уже указывалось выше, сословия временно отложили рассмотрение вопроса о создании Правительствующего совета, ожидая рекомендаций специально образованного для этой цели комитета. Помимо епископа Я. Тенгстрёма, возглавившего его работу, в него вошли К. Э. Маннергейм, Р. Х. Ребиндер, советник надворного суда К. Э. Гюльденстолпе и профессор Г. Гадолин. Проект комитета «План общего управления Финляндии», доработанный известным финляндским правоведом Матиасом Калониусом, прошедший предварительную экспертизу в Санкт-Петербурге, 2 (14) июля 1809 г. был вынесен на рассмотрение сейма, который, высказав пожелание иметь членами создаваемого совета только финляндских граждан лютеранского вероисповедания, его одобрил⁴¹.

Помимо этого делегаты Боргского сейма, опираясь на старое шведское законодательство, по которому сословия имели право непосредственных обращений к монарху, составили несколько ходатайств на имя Александра I. Они касались условий развития горнодобывающих отраслей производства, школьного дела и некоторых других вопросов. Однако эти предложения были расценены центральной

⁴¹ *Halila A.* Op. cit. S. 522—525.

властью как отклонение от заранее утвержденной программы работы сейма и в силу этого не имели каких-либо последствий. Сперанскому пришлось разъяснить депутатам, что кроме утвержденных четырех вопросов ничто «не будет допущено к обсуждению, таковы всегда были намерения Его Императорского Величества»⁴².

Торжественное закрытие сейма, проходившее по особому церемониалу и в присутствии Александра I, состоялось 7 (19) июля 1809 г. В своей речи, произнесенной на французском языке, Александр I отметил, что созывая сословия Финляндии на общий сейм, он «хотел узнать желания и мысли народа насчет истинных его интересов». «Мнения, которые вы теперь изложили, — продолжал он, носят характер мудрости и любви к отечеству. Я приму их в соображение в важном деле, мною обдумываемом, в видах вашего преуспеяния. Занятия ваши с этой минуты прекращаются»⁴³.

Боргский сейм в исторических судьбах Финляндии — это та тема, которая на протяжении многих десятилетий являлась центральной при изложении российско-финляндских отношений периода автономии. Главный тезис национальной финской историографии (начиная со второй половины XIX в. и до 70—80-х гг. XX столетия) сводился к тому, что на Боргском сейме родилось свое финляндское государство. Этот тезис проходил красной нитью не только через все научные и публицистические издания, но и через школьные учебники по истории. Копья исследователей ломались лишь в спорах о том, каким было это государство, в какой связи оно находилось с Российской империей и т. д.

Монополия подобной концепции была нарушена в финской исторической науке работами О. Юссила, который подверг развенчанию «мифологизированную историю» о роли Боргского сейма по данному вопросу. Тщательное знакомство с документами позволило ему аргументированно утверждать, что «сословный сейм в Порвоо (Борго. — Л. С.) не был мероприятием по учреждению финляндского государства». Эта оценка, которая во многомозвучна с выводами российских исследователей, находит все большее признание в историческом сообществе Финляндии.

⁴² См.: Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. С. 253.

⁴³ Майков П. М. Указ. соч. С. 318.

Мнение современников о сейме было далеко не однозначным. Некоторые депутаты, недовольные ограничениями полномочий сейма, вынуждены были появиться на его заседаниях под воздействием откровенного принуждения. Тот факт, что программа работы не предусматривала каких-либо конкретных сеймовых решений, а сводилась лишь к изложению мнения сословий, вызывал критику даже со стороны таких влиятельных и пророссийски настроенных деятелей, как Я. Тенгстрём и К. Маннергейм.

На общую атмосферу оказывала влияние продолжавшаяся война, мир еще не был заключен, и многие представители сословий стояли перед трудным моральным выбором, поскольку они были связаны присягой на верность шведскому королю. Показательно, что представительство финляндского дворянства на заседании риксдага в Стокгольме, которое происходило в это же время, было значительно выше, чем в первые дни на сейме в Борго.

Ситуацию, правда, скрашивали обещания Александра I сохранить для Финляндии прежнюю религию и старые шведские законы. По сути, эти обязательства, повторенные теперь в торжественной и церемониальной обстановке *urbi et orbi* — а жителям Финляндии в первую очередь, и составляли истинный смысл созыва Боргского сейма. Его главная задача сводилась к быстрейшему замирению и успокоению населения присоединенной территории.

После окончания заседаний сейма будущее Финляндии представлялось современникам тех событий весьма туманным. Высочайшие указы по заключениям сословий ожидались позднее. Оставался непроясненным главный вопрос — о параметрах и конкретных формах административного управления княжеством, его месте в иерархической структуре имперской власти, а также положение с финансами, налогообложением, материальным обеспечением финских солдат и офицеров и т. д. Все это предстояло сделать в самое ближайшее время. Финляндия стояла на пороге серьезных решений, которые должны были определить характер ее дальнейшего развития в составе Российской империи.

Глава 2

Формирование административной системы по управлению Великим княжеством Финляндским

Статус Великого княжества предполагал образование в Финляндии собственной административной системы управления. Унаследованную структуру местного и губернского правления следовало расширить созданием центральных органов власти, отсутствовавших в Финляндии в шведский период ее истории. Все последовавшие после Боргогоского сейма постановления центральной власти были (как и все предыдущие заявления Александра I) продиктованы политикой скорейшего умиротворения общественных настроений. Необходимость такого политического курса определялась в тот момент прежде всего соображениями стратегического характера. При строительстве особой системы управления бывшей шведской территорией предстояло сблюсти баланс властных полномочий. С одной стороны, у Финляндии сохранялись старые шведские законы и привилегии сословий, с другой — необходимо было сохранить за центральной имперской властью контроль над финляндскими делами. Поиск этого баланса представлялся наиболее сложной проблемой, вызывавшей в столичных кругах империи неоднозначные суждения.

Правительствующий совет

Первая критика сеймового проекта о Правительствующем совете последовала со стороны Г. М. Спренгтпортена, который на протяжении последних месяцев играл заметную роль в устройстве финляндских дел. Стремясь еще более усилить свое влияние на принятие решений¹, он испортил отношения с некоторыми влиятельными лицами империи, получил внушение со стороны М. М. Сперанского и самого Александра I, и в итоге, подав прошение об отставке, 5 (17) июня 1809 г. был освобожден от должности генерал-губернатора Финляндии. Но уже через несколько дней в особом письме на имя Алекса-

¹ См. подробнее: *Killinen K. Sprengtportenin linja. Suomen turvallisuuspolitiikan alkuvaiheita*. Loviisa, 1988. S. 133.

сандра I он предложил свой проект организации финляндского правительства.

По мнению Спренгтпортена, Правительствующий совет должен был быть лишь техническим кабинетом при начальнике края и мог находиться на территории Финляндии только до тех пор, пока во главе этого учреждения стоял «природный» генерал-губернатор, каковым являлся сам Г. М. Спренгтпортен. Теперь же, когда генерал-губернатором княжества стал Барклай де Толли (назначенный после Б. фон Кнорринга также главнокомандующим русских войск в Финляндии), местопребыванием совета должен стать Санкт-Петербург. Приветствуя сосредоточение гражданской и военной власти в одних руках, Спренгтпортен (в ведении которого были только гражданские дела) предлагал также уравнять полномочия финляндского генерал-губернатора с правами военных губернаторов в Российской империи².

Еще более жесткой критике сеймовый проект Правительствующего совета подвергся со стороны нового генерал-губернатора Финляндии Барклая де Толли. Он вообще исходил из ненужности такого правительственного органа для Финляндии, полагая, что вся полнота власти должна быть сосредоточена только в руках начальника края. «Авторитет и власть генерал-губернатора должны быть, по моему убеждению, в интересах края — безграничны», — отмечал Барклай де Толли в своем заключении. Генерал-губернатору достаточно было иметь при себе небольшую канцелярию, тогда как «Совет содействовал бы только замедлению дел, а не их движению; большое количество людей, — утверждал Барклай де Толли, — более рассуждает, нежели действует»³. Он считал необходимым полностью подчинить контролю генерал-губернатора местную полицию, финансовое управление, таможенное дело, сосредоточить в его руках предварительное следствие, при этом «высшее судилище» княжества следовало перевести в Санкт-Петербург, где оно должно возглавляться русским министром. По убеждению Барклая де Толли, генерал-губернатор Финляндии должен был иметь право непосредственных докладов императору, отстранения от должности чиновников и губернаторов финляндских провинций⁴.

² Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. С. 265.

³ Там же. С. 302; Korhonen K. Suomen asiaain komitea. Helsinki, 1963. S. 35.

⁴ Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen senaatti. 1809—1909. Edellinen osa. Helsinki, 1915. S. 27—28; Torvinen T. Op. cit. S. 17.

Эти радикальные взгляды на устройство управления княжеством, которые в корне расходились с планами быстрейшего умиротворения Финляндии, не были поддержаны М. Сперанским, и Барклай де Толли в результате быстро отказался от своих первоначальных взглядов. Высочайший реескрипт о регламенте Правительствующего Совета увидел свет 6 (18) августа 1809 г.

Согласно этому регламенту, Правительствующий совет состоял из двух департаментов — хозяйственного, который осуществлял управление внутренней жизнью княжества, и правового, наблюдавшего за исполнением законов и являвшегося высшей судебной инстанцией Финляндии. Правительствующий совет из 14 членов — половина из них была представлена дворянами — выносил свои постановления от имени императора (великого князя), который олицетворял собою верховную власть в Финляндии.

Правительствующий совет не мог инициировать принятие нового закона и даже издавать постановления, относящиеся к экономической сфере, назначать новые налоги. Его права по распоряжению казенными финансами были ограничены расходными статьями бюджета⁵. В сферу Правительствующего совета не входили также вопросы, связанные с назначением на высшие административные посты и церковные должности, с пожалованием земель, освобождением от налогов, предоставлением привилегий.

Не имея законодательной инициативы, Правительствующий совет мог, тем не менее, представлять на высочайшее рассмотрение предложения о необходимых преобразованиях, которые получали законную силу только после их утверждения со стороны императора.

Из полномочий местного правительства были изъяты дела, относившиеся непосредственно к компетенции высшей власти: вопросы внешней политики, обороны и созыва сейма.

Император (великий князь) по представлению генерал-губернатора назначал на трехлетний срок членов Правительствующего совета (которыми могли быть только финляндские граждане), обладал правом помилования, возведения дворян в графское и рыцарское достоинство. Он имел широкие полномочия в сфере экономической жизни княжества: своими указами, без согласия сейма, мог распоря-

⁵ Osmonsalo E. Itsevaltiuden kausi // Suomen historian käsikirja. Helsinki, 1949. Osa 2. S. 66.

жаться т. н. регулярными доходами, которые формировались из налоговых поступлений от населения, таможенных сборов, ставшими с течением времени важнейшей статьей пополнения местного бюджета. Следует отметить, что все доходы, собиравшиеся в княжестве, не вливались в общеимперскую казну и полностью оставались в распоряжении Правительствующего совета Финляндии. Нормы регламента, таким образом, ставили деятельность созданного Правительствующего совета в полную зависимость от верховной власти Российской империи.

Вместе с тем император — великий князь не мог без согласия сейма изменять т. н. «основные законы» Финляндии, уходившие своими корнями в шведское законодательство предыдущих столетий и затрагивавшие такие его разделы, как привилегии сословий, общий закон 1734 г., вооруженные силы и организация церковной жизни.

Вопросы, имевшие общефинляндский характер, рассматривались на совместных заседаниях обоих департаментов Правительствующего совета. Но, как правило, основная управленческая нагрузка ложилась на хозяйственный департамент, который состоял из пяти экспедиций: гражданской, камеральной, милицейской, финансовой и духовных дел. Во главе каждой из них стоял один из членов указанного ведомства.

Хозяйственный департамент руководил деятельностью формируемых центральных учреждений Великого княжества, которые в системе административного управления являлись промежуточным звеном между собственно правительством и чиновниками на местах. Первое из них — Коллегиум Медикум, членами которого являлись профессора Абосского университета, — было создано в 1811 г. В следующем году были образованы Главные управления межевого ведомства, лоцманского и маячного ведомства, а также таможенной и почтовой дирекций. Созданное еще в 1799 г. управление по расчистке порогов с 1816 г. стало отвечать также и за строительство каналов.

Отсутствие подходящих помещений было причиной того, что заседания обоих департаментов происходили в разных зданиях. Рабочим языком заседаний был шведский. По инициативе К. Маннергейма Правительствующий совет в это же время основал свою газету «Åbo Allmänna Tidning», редактор которой должен был следовать предписаниям официальных властей.

Губернские правления на местах не претерпели практически никаких изменений по сравнению со шведским периодом.

Торжественная церемония, посвященная вступлению Правительствующего совета в свои права, состоялась в Або 2 октября 1809 г. Праздничное шествие «лучших людей» во главе с генерал-губернатором, военный парад, сотни экземпляров отпечатанного на трех языках регламента о Правительствующем совете, которые распространялись среди присутствующих, — все должно было свидетельствовать о значимости происходившего события.

Генерал-губернатор

Личным представителем императора, «оком государевым» в Финляндии являлся генерал-губернатор. Пребывание первых двух «начальников края» (Г. М. Спренгтпортена и М. Барклая де Толли) на этом посту было непродолжительным⁶. После окончания работы Боргосского сейма определение полномочий генерал-губернатора затянулось. Первоначальный проект, составленный Барклаем де Толли, подвергся в Санкт-Петербурге кардинальной ревизии, после чего началась продолжительная череда согласований, пока соответствующий манифест, подготовленный новым генерал-губернатором Ф. Штейнгелем (1810—1823) и М. М. Сперанским, не был подписан императором в феврале 1811 г.

Уже сформировавшаяся к этому времени финляндская правящая элита усмотрела в этом документе положения, которые не вполне согласовывались с основными законами княжества. Наибольшую озабоченность вызывали пункты, согласно которым генерал-губернатор становился над Правительствующим советом, мог приостанавливать исполнение его постановлений (до их утверждения императором) и отстранять чиновников от занимаемых должностей. Назначенный в 1809 г. прокурором М. Калониус и специально сформированный для юридической экспертизы этого документа комитет конкретно указали, в каких частях он противоречит «Форме правления 1772 г.» и «Акту единения и безопасности 1789 г.».

Назревал первый конфликт, который был преодолен благодаря обращению Г. М. Армфельта к Александру I, в котором тот напоминал императору о его обещании сохранять в силе старые шведские

⁶ Спренгтпортен (декабрь 1808 г. — июнь 1809 г.), Барклай де Толли (июнь 1809 г. — январь 1810 г.).

законы. В результате новая, доработанная инструкция была подписана Александром I в феврале 1812 г., в которой все озабоченности финской стороны были сняты.

Густав Мориц Армфельт (1757—1814), барон, густавианец. В войне 1788—1790 гг. сражался против участников аньянельского движения. После смерти Густава III стал вынашивать планы свержения регентского кабинета Швеции, бежит от преследований в Россию. Амнистирован в 1800 г., принимает участие в борьбе против Наполеона в Померании. С утверждением Бернадота на шведском престоле удаляется в свое имение в Финляндию, откуда в 1811 г. был призван Александром I на российскую службу в Санкт-Петербург.

Согласно новому регламенту, генерал-губернатор являлся председателем Правительствующего совета, высшим должностным лицом в системе исполнительной власти княжества, начальником полиции и находившихся в Финляндии вооруженных сил. Под его контролем находились губернаторы (ландсгевдинги) финляндских провинций.

Генерал-губернатор не имел права непосредственных докладов императору, но мог, в случае расхождений с решениями Правительствующего совета, представить на высочайшее рассмотрение собственное мнение. Оно, однако, не приостанавливало исполнения принятых Правительствующим советом постановлений⁷.

Поскольку назначаемые из России генерал-губернаторы не владели шведским языком, их официальная обязанность вести заседания Правительствующего совета вскоре превратилась в пустую фигцию, на практике эту роль взяли на себя вице-председатели местного правительства, должности которых были созданы в 1822 г.

Непосредственным помощником генерал-губернатора в работе по соблюдению законности в княжестве являлся прокурор. Составленный в 1811 г. первым прокурором М. Калониусом (1809—1816) перечень полномочий этого должностного лица вызвал критику со стороны местной бюрократической элиты. Она посчитала непомерно широкими права прокурора, который, находясь в непосредственном

⁷ *Torvinen T. Autonomian ajan senaatti // Valtioneuvoston historia. 1917—1966. Osa I. S. 27.*

подчинении от начальника края, получал возможность даже приостанавливать исполнение решений Правительствующего совета. Высочайше утвержденная 31 января (12 февраля) 1812 г. инструкция приняла во внимание эту критику, и в обязанности прокурора отныне входило, помимо общего надзора за состоянием законности, лишь присутствие на заседаниях Правительствующего совета и проведение юридической экспертизы его постановлений.

Комиссия финляндских дел

Еще в декабре 1808 г. при разработке проекта управления при соединенной Финляндией Александр I постановил, что все финляндские дела должны представляться на рассмотрение непосредственно ему, минуя Комитет министров. Это решение положило начало формированию еще одного административного органа, существование и функции которого заметно выделяли финляндское княжество из других национальных окраин империи.

Впервые идея создания особого комитета для связи между императором и финляндскими органами власти была изложена Г. М. Спренгтортеном еще летом 1808 г., когда в российских правительственные кругах вопрос о предоставлении завоеванной территории какой-либо автономии вообще серьезно не рассматривался. Это соображение, высказанное им в записке на имя графа Румянцева, возглавлявшего министерство иностранных дел, однако, не было детализировано и не получило в то время дальнейшего развития⁸.

Предметом обсуждения этот вопрос стал в ходе работы Боргоского сейма, когда Р. Ребиндер (выступивший, видимо, по указанию своего шефа М. М. Сперанского) предложил учредить для этой цели специальный комитет с местопребыванием в Санкт-Петербурге. Надо отметить, что ни Я. Тенгстрём, ни К. Э. Маннергейм не оказали этому предложению поддержки, полагая вполне достаточной ту функцию, которую уже исполняли М. М. Сперанский и Р. Ребиндер. Рождение нового комитета отложилось еще на несколько лет, на протяжении которых М. М. Сперанский продолжал выполнять обязанности докладчика по финляндским делам. Правда, в помощь ему монаршим

⁸ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. С. 319—320.

указом от 18 октября 1809 г. была создана Комиссия финляндских дел, на которую возложили чисто технические обязанности по подготовке разного рода финляндских материалов⁹. Предшественницей вновь созданного органа была Комиссия для рассмотрения финляндских дел, образованная еще в 1802 г. для изучения проблем Выборгской губернии¹⁰. Через некоторое время эта комиссия была ликвидирована, и возложенные на нее задачи, относившиеся ко времени Старой Финляндии, а также проблемы вновь присоединенной территории вошли в компетенцию комиссии 1809 г.¹¹

Однако реформированная комиссия не оправдала возложенных на нее ожиданий. Работала она медленно, заседания для рассмотрения преимущественно текущих дел¹², среди которых преобладали хозяйственные и уголовные, проводились нерегулярно. Материалы заседаний зачастую терялись, взаимоотношения между русскими и финскими членами комиссии оставляли желать лучшего¹³.

Поэтому М. М. Сперанский, сверх меры загруженный всевозможными государственными проектами¹⁴, вновь вернулся к идеи создания новой комиссии, которая должна была стать одним из центральных органов в административной системе княжества. В одном из своих отчетов Александру I о финляндских делах (февраль 1811 г.), сообщая о том, что «комиссия финляндских дел едва успевает пересматривать дела уголовные и заниматься собиранием сведений...», М. М. Сперанский предлагает первый набросок плана по учрежде-

⁹ *Korhonen K. Suomen asiaain komitea. Helsinki, 1963. S. 36.*

¹⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. СПб.: Наука, 2001. Т. 2. С. 106—107.

¹¹ Об учреждении особенной Комиссии для Финляндских дел, вместо прежней, указом 1802 мая 19 назначеннной // ПСЗ. XXXI. № 24.302. С. 276.

¹² Участие в подготовке императорских Манифестов о финансовой и военной системах княжества являлось единственной серьезной работой комиссии. *Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen senaatti. 1809—1909. Helsinki, 1915. S. 56.*

¹³ *Korhonen K. Suomen asiaain komitea. S. 38—41.*

¹⁴ По свидетельству барона М. А. Корфа, М. Сперанский жаловался Александру I в феврале 1811 г.: «Следовать за сими предметами среди множества текущих дел, кои по званию моему в Государственном Совете и по управлению Финляндии непременно меня заботят и отрывают, поистине нет никакой возможности». См.: *Минаева Н. В. Сперанский в воспоминаниях современников. Конец XVIII — первая половина XIX в. М., 2009. С. 261—262.*

нию такового органа. Во главе этой новой комиссии должен встать чиновник «высшего разряда», статс-секретарь, обладающий довольно широким полем деятельности. В его обязанности входило бы поддержание постоянного контакта с генерал-губернатором и Правительствующим советом, наблюдение за общим состоянием дел в Финляндии, и самое главное — представлять финляндские дела на высочайшее рассмотрение. Помимо должности статс-секретаря в комитет планировалось ввести двух членов от Финляндии и двух — от России.

Инициатива М. М. Сперанского нашла полную поддержку со стороны барона Г. М. Армфельта¹⁵, перешедшего к тому времени на российскую службу. По поручению Александра I он также (к 31 мая 1811., когда Сперанский уже находился в ссылке) подготовил проект подобной комиссии. Ее единственное существенное отличие от первоначального плана М. М. Сперанского заключалось лишь в том, что все члены комиссии, включая председателя и статс-секретаря, должны были быть финляндскими подданными.

Именно в такой редакции регламент Комиссии финляндских дел и был утвержден Александром I в ноябре 1811 г. Г. М. Армфельт был назначен ее председателем, а Р. Ребиндер — статс-секретарем¹⁶. Комиссия по своему авторитету и политическому влиянию в Санкт-Петербурге (где она находилась) вскоре оттеснила Правительствующий совет княжества на вторые позиции. Превратившись в важный центр подготовки и проведения в жизнь постановлений по делам Финляндии, она, в отличие от Правительствующего совета, который зачастую «клал под сукно» важные проекты, брала на себя инициативу в решении многих вопросов. Комиссия на долгие годы стала своеобразным «политическим правительством» Великого княжества, тогда как Правительствующему совету выпала доля «технического кабинета», который исполнял решения, принимавшиеся в имперской столице.

¹⁵ Соперничавшего, как пишет М. И. Богданович, со Сперанским по делам Финляндии: *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. С. 182.

¹⁶ Остальными членами комитета стали Й. Ф. Аминофф, Я. В. Хизингер, К. Й. Валлеен и Г. А. Розенкампф: *Korhonen K. Suomen asiain komitea.* S. 57; *Pohjolan-Pirhonen H.* Op. cit. S. 230.

В этом, без сомнения, немалую роль сыграли блестящие личные качества Г. М. Армфельта, позволившие ему войти в число самых доверенных лиц императорского окружения. Прекрасно образованный, знатный к тому же русский язык, прошедший хорошую школу придворного этикета в густавианской Швеции и европейских столицах, «блестящий Армфельт», «Северный Алквиад», он быстро стал заслуженным и любимцем высшего света Санкт-Петербурга. Свои служебные обязанности, попирая формальности и нормы неповоротливой бюрократической машины, он исполнял с завидной энергией и напористостью. Влияние Армфельта возросло еще более после того, как в феврале 1812 г. по указу Александра I все чиновники при решении финляндских вопросов должны были обращаться именно к нему, а не в Правительствующий совет.

Успеху Г. М. Армфельта на посту председателя Комиссии способствовали не только прямые контакты с Александром I¹⁷, но и его политическая линия, принимавшая во внимание имперские интересы России и ее стремление всячески ослабить прошведские настроения в княжестве. Г. М. Армфельт отлично осознавал, что проводившаяся императором политика умиротворения Финляндии, в свою очередь, должна быть подкреплена проявлениями лояльности и верноподданства со стороны финляндцев.

Статс-секретарь Р. Ребиндер, консерватор по политическим убеждениям, противник, по его собственным словам, «решения важных проблем кавалерийскими насоками», напротив, был приверженцем традиционного бюрократического стиля управления. Если принять во внимание существовавшие механизмы выработки государственных постановлений, то надо признать, что этот дуэт, органичным образом дополняя друг друга, в немалой мере способствовал успешному продвижению «финляндского дела».

К числу заметных инициатив и достижений Комиссии финляндских дел следует отнести перенос столицы из Або в Гельсингфорс, включение так называемой «Старой Финляндии» (отошедшей к Российской империи по итогам русско-шведской войны 1741—1743 гг.) в состав Великого княжества, а также формирование финских воинских частей

¹⁷ В одной из бесед Александр I сказал Армфельту: «Когда Вы увидите, что Вам противоречат, то скажите мне, у меня хорошие шпоры». См.: Бородкин М. М. История Финляндии. Время Александра I. С. 334.

для совместной борьбы с наполеоновскими войсками во время Отечественной войны 1812 года. Наибольшим влиянием при решении финляндских дел Комиссия пользовалась в то время, когда ее председателем был Г. М. Армфельт. Но и после его смерти в 1814 г. Комиссия оставалась важнейшей административной структурой в системе управления Великим княжеством Финляндским до ее ликвидации в 1826 г. Созданная двумя годами ранее «старая» Комиссия финляндских дел, работавшая крайне неэффективно, была в ноябре 1811 г. ликвидирована. Ее архивы были переданы в «новую» комиссию финляндских дел.

Таким образом, к исходу 1811 г. завершился первоначальный этап выстраивания административной системы управления Финляндией в составе Российской империи. События этих лет отражены в большом количестве исследовательской литературы, которая по-разному оценивает значение присоединения Финляндии к России и принятых решений для исторических судеб страны.

Традиционные для финской историографии оценки, сложившиеся в XIX в. и первой половине прошлого столетия, акцентировали мысль о том, что на Боргоском сейме между Александром I и финляндскими сословиями был заключен некий договор, который и привел к рождению в 1809 г. отдельного финляндского государства. Эта трактовка событий предполагала равенство государственных субъектов, объединенных под одним скипетром.

Однако в послевоенные десятилетия усилиями, прежде всего, О. Юссила эта концепция подверглась серьезной и аргументированной критике, которая, в свою очередь, породила оживленную дискуссию по названной проблеме. Разнотечения связаны с толкованием терминов «основные законы» и «конституция», которые использовались как в документах, так и в выступлении императора. Следует ли сословное собрание в Борго по своему статусу приравнивать к местному ландтагу, который и в шведское время собирался в отдельных областях Финляндии, или же это был общефинляндский сейм, символизировавший собой рождение финляндского государства?

Конечно же, ни о каком государственном договоре, заключенном на Боргоском сейме, тем более о равенстве сторон, речь не идет. Рождение государства представляет собой достаточно долгий исторический процесс, в ходе которого вырастают внутренние предпосылки для его появления. Но в финляндском случае ситуация была иной. В шведский период своей истории Финляндия, несмотря на статус

Великого княжества, не обладала теми атрибутами государственности, которые она обрела в составе Российской империи. В составе Швеции у нее не было центрального правительства, общефинляндского сейма, отдельного от метрополии законодательства, собственного гражданства, таможенной границы и финансовой системы. Все эти элементы государственности были «спущены» на Финляндию сверху после ее вхождения в состав Российской империи. Но она получила их не в результате единовременного акта в ходе работы Боргосского сейма, они стали итогом растянувшейся во времени финляндской политики центральной власти и формировавшейся политической элиты княжества¹⁸.

Если вернуться к Боргоскому сейму, то вся его история свелась к тому, что:

- представители сословий присягнули на верность новому монарху;
- Александр I дал обещание «хранить и оберегать» в Финляндии старые шведские законы, религию и привилегии сословий;
- депутаты сейма, обсудив некоторые вопросы, требовавшие, по их мнению, первоочередного решения¹⁹, представили по ним свои соображения Александру I.

Автономный статус княжества формировался в процессе исторического развития. Принципиальные решения принимались как до Боргосского сейма (декабрь 1808 г.), в ходе его работы (обещано сохранять законодательство, религию и привилегии сословий), так и после его окончания. Боргоский сейм — один из этапов этого процесса. Но в силу того что ему был придан торжественный, церемониальный характер, который должен был подтвердить как перед европейскими столицами, так и населением Финляндии ее особое положение в составе Российской империи, Боргоский сейм стал наиболее зримым символом происходивших перемен, значение которого, тем не менее, не стоит преувеличивать.

Следует отметить, что современники тех событий, в отличие от юристов, историков и публицистов конца XIX в., когда со всей острой встал вопрос о защите автономного статуса Финляндии, соверши-

¹⁸ См., в частности: *Juntunen A. Olette saaneet meiltä kaiken // Kanava. 2008. № 1. S. 37.*

¹⁹ Эти вопросы суть: воинская организация в Финляндии, подати и монета, а также рекомендации по персональному составу Правительствующего совета.

но не задумывались о природе и значении принимавшихся в Борго решений. Один из участников сословного собрания характеризовал его как обычную рутину: «Велели отправляться на собрание в Борго, принесли присягу на верность Императору, рассмотрели некоторые вопросы и вернулись домой»²⁰.

Все решения, в результате которых Великое княжество Финляндское стало постепенно обретать элементы государственности, восходили в конечном итоге к Александру I.

Поскольку лишь императору, верховному правителю княжества принадлежала инициатива созыва финляндского сейма (а его очередная сессия состоялась только в 1863 г.), то без всякого преувеличения можно сказать, что вся первая половина XIX в. была временем единоличного правления русских монархов в Финляндии. Тот факт, что Александр I старался в своей политике 1809—1811 гг. принимать во внимание интересы и пожелания финляндской элиты, свидетельствует лишь о том, что подобная линия была продиктована серьезными причинами, которые, прежде всего, лежали в сфере военно-стратегических и политических интересов России.

Русско-шведский союз весны 1812 г., обезопасивший накануне наполеоновского вторжения северо-западные рубежи империи от возможного шведского вмешательства, еще не был заключен, и Александр I требовалось срочно продемонстрировать жителям Финляндии все преимущества ее вхождения в состав новой метрополии.

Финляндия и наполеоновское вторжение в Россию

К исходу 1811 г., когда система административного управления княжеством стала обретать первые очертания и были реализованы рекомендации Боргского сейма в экономической области, современники тех событий стали отмечать наступившее в высших слоях финляндского общества удовлетворение своим положением в составе новой метрополии.

С тем чтобы еще более усилить эффект от проводившегося политического курса, Александр I, несмотря на глухой ропот в высших сферах Санкт-Петербурга, принимает решение о включении Выборгской губернии в состав Великого княжества Финляндского.

²⁰ Хентия С. От власти сословий к власти народа // Парламент Финляндии. Хельсинки, 2000. С. 20.

Территориальные границы Выборгской губернии сформировались по итогам двух русско-шведских войн XVIII столетия. По Ништадтскому миру 1721 г. к России отошли Карельский перешеек с Выборгом, а также земли Северного Приладожья. Заключенный в 1743 г. Абоский мир расширил российские владения на запад вплоть до реки Кюмиёки.

Идея возвращения потерянных территорий в состав Финляндии стала обсуждаться в некоторых кругах финляндского общества еще с конца XVIII столетия, когда аньальцы, финские офицеры, безуспешно пытались реализовать собственные планы по отделению своей страны от Швеции.

С началом русско-шведской войны 1808—1809 гг. Г. М. Спренгтпортен вновь возвращается к этой теме. По мысли Г. М. Спренгтпортена, России выгодно иметь на своих северо-западных границах лояльную, воссоединенную в старых границах Финляндию²¹, которая в результате станет надежным форпостом на подступах к российской столице. Подготовка к возможной реализации этих планов началась сразу после создания Комиссии финляндских дел (1809 г.), которой был поручен сбор материалов по так называемой «Старой Финляндии», а последняя фаза этой истории была связана с именем Г. М. Армфельта, начавшего осенью 1811 г. активно продвигать идею о соединении Старой и Новой Финляндии. Высочайший указ о включении Выборгской губернии в состав Великого княжества был обнародован 11 (23) декабря 1811 г.²², в результате чего финляндская административная граница на Карельском перешейке стала пролегать по реке Сестре (Раяёки), в непосредственной близости от Санкт-Петербурга.

Символика политических решений была продолжена рождением новой столицы княжества. Древний Або на протяжении многих столетий являлся тем центром Финляндии, который своими экономическими, административными, церковными и духовными связями был в сильнейшей степени ориентирован на Швецию. Новая geopolитическая реальность требовала всенародного ослабления этой зависимости.

²¹ Г. М. Спренгтпортен видел Финляндию в качестве автономного государства, во главе которого стоит один из представителей императорского дома Романовых.

²² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 31. 1810—1811. СПб., 1830. С. 1025.

Еще в октябре 1810 г. Г. Ф. Шернваль, являвшийся в то время губернатором провинции Нюланд — Тавастгус, предлагал перенести столицу в Гельсингфорс. В то время он представлял собой заштатный городишко, совершенно не приспособленный для выполнения столичных функций, к тому же сильно пострадавший от недавно закончившейся войны. Но сама идея переноса столицы «подальше от Швеции, поближе к России» нашла своих приверженцев как в княжестве, так и в Санкт-Петербурге. Превращение Гельсингфорса в столицу княжества помимо чисто символического значения имело и военно-стратегическую подоплеку. Свеаборг с его мощными укреплениями должен был стать не только базой балтийского флота России, но и оборонительным редутом на подступах к новой столице.

После того как в поддержку этой идеи активно выступила Комиссия финляндских дел во главе с Г. Армфельтом, которому пришлось преодолевать обструкцию со стороны влиятельных лиц в Або²³, а также генерал-губернатор Ф. Штейнгель (Правительствующий совет к обсуждению этого вопроса не привлекался), высочайшим указом главным городом финляндского княжества был объявлен Гельсингфорс (апрель 1812 г.). Его планомерная и целенаправленная застройка в качестве столицы Финляндии велась под руководством фортификационного инженера И. А. Эренстрёма, а создателем величественного городского облика в духе неоклассицизма, отвечающего представительским функциям столицы, являлся немецкий архитектор К. Л. Энгель²⁴.

Новое строительство, естественно, требовало времени и крупных казенных затрат, поэтому первые административные учреждения стали переводиться из Або в Гельсингфорс только после победы над Наполеоном. Правительство Финляндии перебралось в новую столицу княжества осенью 1819 г.

С вторжением наполеоновских войск в Россию в июне 1812 г. и превращением войны в общенародную борьбу за спасение Отечества ключевые фигуры политической жизни финляндского княжества стали остро осознавать тот факт, что Финляндия не должна оставаться в стороне от происходивших событий. Необходимо было не только

²³ Император Александр I и граф Армфельт // Русская старина. 1896. Октябрь. С. 152—153.

²⁴ См. подробнее: Клингэ М. Хельсинки город мира и моря. Хельсинки, 1999. 155 с.

заявить о своей лояльности центральной власти, но и предпринять какие-то реальные шаги, свидетельствовавшие о единении княжества и империи. Эти соображения исподволь питались опасениями того, что волна поднявшихся в российском обществе антифранцузских и в целом антizападных настроений может неблагоприятно сказаться и на особом положении Финляндии.

В связи с выводом из княжества русских войск²⁵ стали обсуждаться варианты воссоздания финляндских вооруженных сил, но такое решение требовало созыва сейма и в силу этого не имело реальных перспектив. Поэтому пошли по пути формирования вербованных егерских полков, дееспособность которых (амуниция, вооружение, оклады офицерам и пр.) планировали обеспечить за счет средств, собранных по подписке. В одном из своих писем статс-секретарь Р. Ребиндер отмечал в связи с этим, что «здесь в Петербурге все лица просветлели после того, как и финны надумали что-нибудь сделать»²⁶. Подписка, однако, не оправдала надежд, и основные расходы были возмещены из казны финляндского княжества. К весне 1813 г. формирование последнего полка было закончено и созданные подразделения, насчитывающие около 3 тысяч «охотников», готовы были влиться в состав действующей армии. Но распоряжением Александра I финляндским полкам предстояло нести караульную службу в Санкт-Петербурге и его окрестностях, освободив тем самым от этой обязанности русскую гвардию, которая отправилась на борьбу с Наполеоном²⁷.

Сеймовые ожидания

Победа России над Францией привела к кардинальным изменениям на европейском континенте. Рождение Священного союза, в котором Россия наряду с Австрией и Пруссией играла ведущую роль, должно

²⁵ Перед наполеоновским вторжением в Россию все русские войска из Финляндии были переброшены на главное — польское направление: Письмо графа Ф. Ростопчина к императору Александру I // Исторические документы из времен царствования Александра I. СПб., 1880. Т. 24. С. 71.

²⁶ Бородкин М. М. История Финляндии. Время Александра I. С. 437.

²⁷ Немногочисленные вербованные финские войска сохранились и после победы над Наполеоном, претерпев в конце 1820-х гг. некоторые структурные изменения.

было обезопасить европейские страны от рецидивов революций, угрожавших основам монархического милюстроя. Уставшая от разорительных войн Европа мечтала о мире и безропотно приняла те условия, которые были выработаны на Венском конгрессе в 1815 г. Россия находилась в зените своего могущества, и произошедшие перемены не могли не сказаться на положении национальных окраин империи и Финляндии в частности.

Отошедшее к России по решению Венского конгресса Варшавское герцогство обрело статус Королевства (Царства) Польского, получившего 27 ноября 1815 г. собственную конституцию, а также народное представительство в виде двухпалатного сейма. Несмотря на сословный характер этого представительства, высокий имущественный ценз при выборах нижней палаты, отсутствие у сейма права законодательной инициативы, конституция все же гарантировала полякам равенство перед законом, неприкосновенность личности, свободу печати и иные свободы. Царство Польское получило одну из самых демократических конституций в тогдашней Европе. В марте 1818 г. состоялось торжественное открытие сейма, на котором Александр I не исключил возможности создания конституционных учреждений на территории остальной империи²⁸.

Эта речь, опубликованная в «Московских ведомостях» и некоторых журналах, стала предметом живого обсуждения в российском обществе.

Естественно, что польские события подтолкнули и финляндских политических деятелей, как в Санкт-Петербурге, так и в самом княжестве, к непосредственным действиям, направленным к упрочению автономного положения княжества. В первую очередь, необходимо было законодательно закрепить его юридические основы в виде за конченного свода конституционных актов и более четко определить характер государственной связи империи и княжества²⁹.

В Финляндии понимали, что в правовом отношении автономия зиждилась на весьма зыбком фундаменте. Одни лишь монаршие обещания «сохранять и оберегать» ее особое положение в составе импе-

²⁸ Еще в 1813 г. Армфельт полагал, что Польшей и Финляндией нельзя управлять одинаковым образом, считая подобную унификацию «величайшей бессмыслицей» // Император Александр I и Армфельт // Русская старина. 1896. Октябрь. С. 147.

²⁹ См. подробнее: *Jussila O. Maakunnasta valtioksi*. Helsinki, 1987. S. 42—53.

рии были не вполне надежной гарантией существования финляндского княжества³⁰, тем более что никто не мог гарантировать подтверждение автономных прав Финляндии последующими правителями империи. Эта автономия не была гарантирована также международными соглашениями. Во время Венского конгресса, когда перекраивалась карта Европы, вопрос о присоединении Финляндии к Российской империи в повестке дня не стоял.

Финляндская правящая элита осознавала уязвимость автономного статуса княжества. Один из наиболее высокопоставленных деятелей того времени К. Э. Маннергейм писал в 1819 г.: «Было бы желательным обсуждение нынешнего положения Финляндии и ее будущего с тем, чтобы подвести под него твердое основание... Сейчас наше здание стоит на песке и возможная буря может его легко опрокинуть»³¹. В Финляндии понимали, что унаследованные шведские основные законы уже не в полной мере соответствовали изменившемуся положению страны. Но, с другой стороны, правящие круги также понимали, что те же самые законы могли стать последним рубежом обороны в случае возникновения политического кризиса в российско-финляндских отношениях³². Поэтому речь шла не о каких-то кардинальных изменениях в финляндском законодательстве, а лишь о его частичном пересмотре в духе получивших распространение идей дворянского либерализма.

К работе над скорректированной Формой правления приступила Комиссия финляндских дел. В своем заключении, подготовленном к июню 1819 г., она предлагала придать сессиям сейма регулярный характер, т. е. изменить основные законы, согласно которым до сих пор инициатива в созыве сейма принадлежала только императору — ве-

³⁰ Первая серьезная угроза возникла уже в 1825 г., когда Финляндия присягнула на верность Константину по обычному присяжному листу, в котором ни словом не говорилось об особом автономном статусе Великого княжества в составе империи.

³¹ Цит. по: *Jussila O. Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaisen tulkintojen mukaan. 1808—1863*. Helsinki, 1969. S. 131.

³² Примечательно в этом плане замечание финского историка и дипломата Х. Талвите: «Представляется парадоксом то, что не найдено никаких положений времен автономии о применении шведских законов в Финляндии. Их нахождение в силе подтверждается тем, что старинные законы были аннулированы только конституцией независимой Финляндии, принятой в 1919 г.»: *Луото Р., Талвите Х., Висури П.* Указ. соч. С. 198.

ликому князю. Комиссия рекомендовала ввести институт пожизненных сенаторов и отказаться от их назначения на трехлетний период, а также обязать сенат³³ отчитываться в расходовании государственных средств перед депутатами сословий. Комиссия считала необходимым ввести в Финляндию свободу печати, а также восстановить национальные вооруженные силы³⁴.

Принятие поправок в основные законы было возможно только на сейме, о необходимости которого все громче велись разговоры в высших кругах финляндского общества и даже строились опасливые, вызванные возможной утечкой информации проекты по реорганизации его структуры и полномочий³⁵.

После 1809 г., как уже указывалось выше, впервые о созыве сейма заговорили в связи с планами воссоздания финских войск, которые должны были принять участие в борьбе против наполеоновской армии. Как отмечал в своей частной переписке Г. М. Армфельт, Александр I был крайне заинтересован в финском войске «в значительном количестве», но был против созыва сейма, в компетенции которого, согласно основным законам Финляндии, находились вопросы военной организации княжества.

Идея, тем не менее, не умерла, и польские события 1815—1818 гг. послужили новым сигналом к тому, чтобы провести этот план в жизнь.

Некоторые косвенные признаки говорили об обоснованности сеймовых ожиданий, поскольку в первые послевоенные годы Александр I, судя по всему, был готов продолжать линию на укрепление автономных институтов княжества. Еще в феврале 1816 г., преобразовав Правительствующий совет в Финляндский императорский сенат («...дать Финляндскому Вышнему Правительству название Финляндского Сената Нашего»), Александр I подтвердил его независимость от центральных административных учреждений страны³⁶, кото-

³³ Правительствующий совет в 1816 г. был переименован в Финляндский императорский сенат.

³⁴ *Pohjolan-Pirhonen H.* Op. cit. S. 302.

³⁵ *Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen senaatti. 1809—1909. Edellinen osa.* Helsinki, 1915. S. 143—146.

³⁶ «Избирать впредь в члены сего Финляндского Сената Нашего, как и до сего времени было, одних только коренных финляндцев или водворившихся там и Финляндское гражданство приобретших...». См.: *Борениус Г. Акты для выяснения политического положения Великого Княжества Финляндского.* Гельсингфорс, 1890. С. 30.

рые предпринимали неоднократные пополнования распространить свою власть на финляндское княжество. Эта «смена вывески», поднимавшая статус финляндского правительства в управлении иерархии империи, реально укрепляла автономное положение Финляндии. Помимо этого Александр I не раз заявлял о своей готовности созвать сейм в Финляндии.

По просьбе статс-секретаря Р. Ребиндера член Комиссии финляндских дел К. И. Валлен в феврале — марте 1819 г. составил обширную записку о необходимых изменениях, которые надо было внести в Форму правления и законодательство по управлению княжеством, и затем вынести эти вопросы на обсуждение сейма. Соображения К. И. Валлена, равно как и протокол заседания Комиссии, в котором также имелись аналогичные предложения, были переданы Александру I в августе 1819 г.

В обоих документах красной нитью проходила мысль о неразрывной связи Российской империи и Финляндии, которая имела для России, по мнению авторов, прежде всего «государственное», т. е. геополитическое значение. Подчеркивалось, что преуспеяние Финляндии могло строиться лишь на прочной основе предоставленных ей особых прав, которые вместе с тем требовали постоянной корректировки с учетом изменявшихся обстоятельств.

В связи с этим Комиссия отмечала необходимость и важность воссоздания собственной финляндской армии, которая, по мнению авторов документа, является символом и гарантией внутренней самостоятельности всякого конституционного государства. При этом особо оговаривалось, что вопросы внешней безопасности по-прежнему оставались вне компетенции местного правительства³⁷.

Получив предложения Комиссии накануне своего продолжительного сентябрьского путешествия по Финляндии, Александр I еще раз подтвердил статс-секретарю Р. Ребиндеру свое намерение не позднее 1820 г. собрать представителей сословий на заседание сейма.

Но выполнения этого обещания финляндская правящая элита так и не дождалась. Последняя попытка получить согласие Александра I на созыв сейма была предпринята в 1821 г., но и на этот раз пред-

³⁷ Можно отметить, что в марте 1820 г. член комиссии генерал-майор Й. Ф. Аминофф составил собственную записку, в которой также подчеркивал необходимость иметь собственные вооруженные силы. Они, по его мнению, рано или поздно должны будут принять участие в обороне Российской империи.

ставленное императору прошение осталось без ответа³⁸. Надежды финляндских правящих кругов на законодательное укрепление автономного статуса княжества в составе империи не оправдались. Напротив. Последние годы правления Александра I были отмечены ужесточением финляндской политики, содержание которой было связано с ограничением прав, предоставленных Финляндии ранее.

На рубеже 1820-х гг. внутренняя политика Александра I начала переживать кризис конституционной ориентации³⁹, связанный в значительной мере с ростом антиконституционных настроений в российском обществе, резким ростом оппозиционных проявлений в самой Польше, где в сентябре 1820 г. был созван очередной сейм, который отверг некоторые законопроекты, противоречащие местным законам. Именно сейм как властный институт становится в глазах Александра I угрозой стабильному положению государства. Усилилось наблюдение за «неблагонадежными лицами», в 1822 г. был издан указ о запрете всех «тайных обществ и масонских лож»⁴⁰. Поворот к реакции привел к ужесточению цензуры, к репрессивной политике в отношении университетов, из которых изгонялись «вольнодумцы». Происходившие в России изменения органически вписывались в тот политический курс, который в 1820-е гг. проводился Священным союзом в отношении национальных движений в Западной Европе, рассматривавшихся не иначе как откровенная «революция».

Естественно, что в этой обстановке рассчитывать на созыв финляндского сейма больше не приходилось. В одном из своих писем статс-секретарь Р. Г. Ребиндер сообщал Валлену весной 1825 г.: «Император не желает созывать сейм без крайней на то необходимости»⁴¹. Надо при этом отметить, что противники созыва сейма

³⁸ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. С. 482—484.

³⁹ Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 96.

⁴⁰ Корнеев В. Е. Вступительная статья: Масоны в жандармских донесениях (конец 20-х — начало 30-х гг. XIX в.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2003. С. 171—172. [Т. XII]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.runivers.ru/new_htmlreader/?book=5604&chapter=84038

⁴¹ Halila A. Porvoon valtiopäivät ja autonomian alkuaika // Suomen kansanedustulaitoksen historia. Osa I. Helsinki, 1962. S. 558.

имелись и среди политической элиты финляндского княжества, которые были удовлетворены своим положением и не стремились к каким-либо «неоправданным» преобразованиям.

Период конституционных ожиданий в Финляндии окончательно себя изжил в связи с назначением А. А. Закревского генерал-губернатором княжества.

Генерал-губернатор А. А. Закревский

«Повинуюсь и еду в Гельсингфорс...»

В период правления Николая I была отчасти реформирована система управления Великим княжеством Финляндским, остававшаяся неизменной практически до конца XIX в. Новшества были осуществлены в период правления генерал-губернатора А. А. Закревского (1823—1831), бурная деятельность которого «по наведению порядка» стала восприниматься в финляндском обществе как серьезная угроза автономному положению княжества.

Традиционно в исследовательской отечественной и зарубежной литературе его правление характеризовалось как время усилившихся позиций бюрократии, преследования инакомыслия, стремления ограничить сферу автономных прав Финляндии⁴².

Но в последнее время в финской историографии появились работы, которые вносят в устоявшиеся оценки новые нотки. В наиболее законченном и концентрированном виде ревизия концепций «старой школы» изложена в монографии финской исследовательницы Кристины Каллейнен «Генерал-губернаторство Финляндии. Положение и значение генерал-губернатора при представлении финляндских дел. 1823—1861»⁴³ а также в работах Осмо Юссила, среди которых наибо-

⁴² *Lilja A. A. Arsenijj Andrejevitj Zakrevskij. Helsingfors, 1948. 417 s.; Danielsson-Kalmari J. R. Arsenij Zakrevskijn kenraalikevernoörikauden alkuaajoilta // Historiallinen arkisto. Osa XXXIV. Helsinki, 1925. S. 1—76; Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen Senaatti 1809—1909. Osa I. Helsinki, 1915. S. 177—220; Osmonsalo E. K. Itsevaltiuden kausi / Korhonen A. (toim.). Suomen historian käsikirja. Osa 2. Helsinki, 1949. S. 130—133; Pohjolan-Pirhonen H. Op. cit. S. 398—405; Выскочеков Л. В. Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823—1831) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной международной конференции. СПб., 2004. С. 18—31.*

⁴³ *Kalleinen K. Suomen kenraalikuvernemantti. Kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä. 1823—1861. Helsinki, 1994. 390 s.*

лее полную характеристику А. А. Закревскому он дает в своей фундаментальной монографии «Великое княжество Финляндское. 1809—1917»⁴⁴. Кратко суть этих новых взглядов сводится к отрицанию каких-либо намерений А. А. Закревского, направленных к ограничению финляндских автономных институтов. Более того, он характеризуется как «строитель финляндской автономии» и ее защитник перед центральной властью⁴⁵. Весь период правления А. А. Закревского, по мнению Осмо Юссила, «был связан с явным укреплением автономии Финляндии»⁴⁶.

Показательно, что эти взгляды относительно политики А. А. Закревского органическим образом перекликаются с новыми оценками личности самого Николая I, его внутренней политики, появившимися в отечественной историографии за последние годы. Наиболее полный обзор историографических концепций по данной проблеме приводит Л. В. Выскочков⁴⁷.

Следует отметить, что изменившиеся оценки финляндской политики А. А. Закревского совершенно не связаны с появлением каких-то неизвестных ранее документов, которые могли бы послужить основанием для новой интерпретации данной проблемы. Объяснение, видимо, нужно искать в тех процессах, которые происходят в финской исторической науке в последние десятилетия, и объясняются они стремлением пересмотреть устоявшиеся постулаты старой школы по вопросу российско-финляндских отношений периода автономии в целом.

Арсений Андреевич Закревский (1786—1865) родился в Тверской губернии, в дворянской семье. Военное образование получил в Шкловском кадетском корпусе Зорича, находившемся неподалеку от Могилева, откуда был выпущен в 1802 г. в чине прапорщика. Собственно военная карьера началась в эпоху наполеоновских войн 1805—1807 гг., он отличился в сражениях под Аустерлицем и Прей-

⁴⁴ Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809—1917. Хельсинки, 2009. 844 с. (пер. с фин.).

⁴⁵ Jussila O. Suomen suuriruhtinaskunta. 1809—1917. Helsinki, 2004. S. 186, 193.

⁴⁶ Ibidem. S. 196.

⁴⁷ Выскочков Л. В. Император Николай I. Проблемы и итоги изучения николаевской эпохи (рос. историография последнего десятилетия, 1996—2005 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Вып. 4. С. 79—99.

сиш-Эйлау, зарекомендовав себя храбрым боевым офицером. Его первое знакомство с Финляндией состоялось во время русско-шведской войны 1808—1809 гг., в нескольких сражениях которой он принимал активное участие. Награжденный за храбрость золотой шпагой А. А. Закревский был произведен в капитаны и стал начальником канцелярии графа Н. Каменского, главнокомандующего русскими войсками в Финляндии. После окончания этой кампании мы видим его на полях сражений против Турции, против французов при Смоленске и Бородине. А. А. Закревский — участник заграничных походов русской армии в 1813—1814 гг. (сражения при Люцене, Бауцене, Лейпциге, Дрездене, Кульме)⁴⁸. Находился при штабе Александра I в качестве его генерал-адъютанта⁴⁹.

В итоге, начав с прaporщика в 1802 г., А. А. Закревский к 1813 г. (в свои 27 лет!) уже генерал-адъютант, награжденный к этому времени Св. Владимиром 4-й и 3-й степени, а также орденом Св. Анны 1-й степени. С 1815 по 1823 г. он занимает должность дежурного генерала Главного штаба, но которую был вынужден оставить под давлением могущественного А. А. Аракчеева, к которому А. А. Закревский, по его словам, «чувствовал всегда ужасную антипатию». А. А. Аракчеева в своей частной переписке он называл не иначе как «злодеем», «пресмыкающимся змеем»⁵⁰.

Весной 1823 г. в Финляндии стали циркулировать слухи о том, что Ф. Ф. Штейнгеля на посту генерал-губернатора княжества сменил генерал Опперман⁵¹. Но слухи не подтвердились. Не исключено, что именно А. А. Аракчеев через своего ставленника Дибича убедил Александра I отправить в Финляндию отставного генерал-лейтенанта А. А. Закревского⁵². Официальное назначение его на этот пост состоялось 30 августа 1823 г.

⁴⁸ Выскочеков Л. В. Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823—1831). С. 19.

⁴⁹ Краткое биографическое воспоминание о графе А. А. Закревском // Русский архив. 1865. 2-е изд. М., 1866. Стб. 1118.

⁵⁰ Архив А. А. Закревского. Переписка... // Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 173, 184 и др.

⁵¹ Danielson-Kalmari J. R. Arsenij Zakrevsij kenraalikuvernöörikauden alkuaajoilta. S. 3.

⁵² Lilja A. A. Arsenij Andreevitj Zakrevskij. S. 63; Бородкин М. История Финляндии. Время императора Николая I. Пг., 1915. С. 58; Письмо А. П. Ермолова А. А. Закревскому от 12 янв. 1824 г. // Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 421.

Надо отметить, что это решение Александра I было для самого А. А. Закревского полной неожиданностью, поскольку никаких предварительных разговоров с ним на эту тему не велось. Из доверительной переписки со своими единомышленниками видно, сколь болезненно реагировал А. А. Закревский на тот способ, которым было обставлено его новое назначение. В письме к графу П. Д. Киселеву, с которым он поддерживал дружеские отношения, А. А. Закревский сетует: «О моем новом назначении нечего говорить. Поступили со мною нельзя более гаже, не смотря, что лестное место»⁵³.

Сочувствие и удивление друзей было искренним и неподдельным. «Вчера по почте получил я, любезнейший друг Арсений Андреевич, приказ 30 августа, который меня совершенно поразил вашим назначением в Финляндию», — писал в сентябре 1823 г. из Парижа князь П. М. Волконский⁵⁴. По его мнению, «такое удаление из столь важного места, которые вы занимали...» было «непонятной для меня загадкой», о причинах которой князь П. М. Волконский (сам недавно получивший отставку с поста начальника Генерального штаба) предусмотрительно не стал распространяться. Осторожность была не лишней, поскольку выяснилось, что не все письма А. А. Закревского к князю П. М. Волконскому доходили до адресата. «Вы пеняете, что я ничего не пишу к вам...», — извинялся А. А. Закревский. — «Не моя вина, если вы не получаете моих писем: видимо им не позволено доходить к вам»⁵⁵.

Реакция генерала А. П. Ермолова на неожиданный поворот в судьбе А. А. Закревского была несколько запоздалой (он командовал военными операциями в Дагестане и ответил только в середине января 1824 г.), но, тем не менее, вполне определенно: «И так, ты в новом своем месте! Я скажу только, что досадно могло тебе быть..., что Государь чиновника близкого и давно при нем служащего мог бы определить, о том предупредивши»⁵⁶.

⁵³ Архив А. А. Закревского. Переписка... // Сб. РИО. Т. 78. СПб., 1891. С. 282. Показательно, что отставка А. А. Закревского с этого поста в 1831 г. также была произведена без всяких объяснений и личного свидания с императором.

⁵⁴ Там же. Т. 73. С. 79.

⁵⁵ Там же. С. 172.

⁵⁶ Там же. С. 421.

А. А. Закревский не скрывал своего разочарования новой должностью, которая отрывала его от привычной воинской среды, была связана с гражданской службой и длительным пребыванием в незнакомой окраине империи. «Ты знаешь меня хорошо, — писал он в ноябре 1823 г. графу П. Д. Киселеву, — я не люблю брать на себя обязанности, которых исполнить не могу; но сему Государь не внимает и желает, чтобы я ехал. Исполню его волю, хотя с огорчением поеду в Гельсингфорс...»⁵⁷. Эти жалобы А. А. Закревского рефреном звучат в его переписке. Даже в самом конце 1823 г. он все еще переживает за свое новое назначение, признаваясь князю П. М. Волконскому: «Я сам чувствую, что в сем месте я пользы принести не могу, а труда мне будет много. Незнание языка будет поставлять мне преграды на каждом шагу... Я все объяснял откровенно Государю, но Его Величеству непременно угодно было, чтоб я принял сие звание. Повинуюсь — и еду в Гельсингфорс...»⁵⁸.

Однако отъезд затянулся. Сначала он планировался на середину января 1824 г., но в связи с болезнью А. А. Закревского поездка отложилась. И лишь в начале марта новый генерал-губернатор с тяжелым чувством («в Финляндии мне будет трудно и скучно, но назначенное время вытерплю...») отправился к месту своей службы.

Первые впечатления А. А. Закревского от пребывания в Финляндии не добавляли ярких красок в его настроение. Он сразу оценил неудобства, связанные с незнанием шведского языка и необходимости общаться через переводчика. Причем не только по делам служебным, но и в приватной обстановке. «О моем здесь пребывании, — писал он в начале апреля П. Д. Киселеву, — ничего утешительного сказать не могу, и шагу нельзя сделать без переводчика, не будучи уверенным, то ли он пересказывает»⁵⁹. «Общества здесь для меня вовсе нет, ибо нет русских, — продолжал он. — Что же касается до здешних уроженцев, то ... частые сношения наши не могут быть приятны, находясь в необходимости вести таковые посредством третьего»⁶⁰.

⁵⁷ Там же. Т. 78. С. 282.

⁵⁸ Там же. Т. 73. С. 173.

⁵⁹ Там же. Т. 78. С. 285.

⁶⁰ Там же. С. 288.

Второй момент, который поразил А. А. Закревского, был связан с отчуждением финнов от русских. Причину этого он видел не столько «в чувстве прежней их самобытности», сколько в «бессмысленных поступках» генерал-губернатора Ф. Ф. Штейнгеля (1810—1823), политика которого «закореняла в финнляндцах вражду ко всему русскому»⁶¹. Новые впечатления лишь укрепили А. А. Закревского в намерении исполнить полученные свыше инструкции по сближению присоединенной окраины с остальной империей. В частности, он сожалел о том, что не может замещать должности ландсгевдингов (губернаторов) русскими чиновниками⁶².

И наконец он, как боевой генерал и командир Отдельного финляндского корпуса сразу же обратил внимание на бедственное положение русских офицеров «итак уже достаточно наказанных ссылочною их здесь жизнью». Положение офицеров, по словам А. А. Закревского, «ужасно и гораздо даже хуже солдатского». И дело было не только в постоянной материальной нужде. «Ты легко можешь себе представить, — писал он П. Д. Киселеву, — как таковое неимущее состояние их, отдаление от родных и совершенное лишение господства должны сильно действовать на их нравственность»⁶³.

Это неперпимое положение усугублялось тем, что русские офицеры, как о том писал А. А. Закревский, имели перед своими глазами финляндские войска, «которые собираются только на шесть недель в году», рядовые и офицеры «живут для себя и как хотят, в окладе четверном против жалованья, получаемого русскими».

Впечатления от первых месяцев пребывания в Финляндии лишь подпитывали его прежнее неудовольствие новой должностью, задерживаться на которой, как явствует из его переписки с друзьями, он не собирался. Уже в декабре 1824 г., пробыв в самой Финляндии немногим более полугода, А. А. Закревский просится в отставку⁶⁴, чем повергает в недоумение своих друзей. «Ты меня сразил известием, что просишься в отставку, — пишет ему петербургский почт-директор К. Я. Булгаков. — ...Не могу не сожалеть, что в цветущих еще

⁶¹ Там же.

⁶² Вигель Ф. Записки. С. 526.

⁶³ Архив А. А. Закревского. Переписка... // Сб. РИО. Т. 78. С. 289.

⁶⁴ Архив А. А. Закревского. Всеподданнейший рапорт финляндского генерал-губернатора // Сб. РИО. Т. 78. С. 456—457.

летах безвременно решаешься на покой, тогда как столько можешь быть полезным»⁶⁵.

Отставка в январе 1825 г. не была принята. И А. А. Закревский, который «довольно весело» провел непродолжительное время в столице империи, возвращается в Финляндию, где «снова привыкает к скучной и единообразной жизни, которая не так еще для меня привыкает от беспрерывных трудов»⁶⁶. Именно работа, по признанию самого А. А. Закревского, была для него спасением «от скуки несносной».

На своих подчиненных в Финляндии А. А. Закревский произвел неизгладимое впечатление колоссальной работоспособностью, помноженной на пристрастие к четко заведенному порядку. По характеристике его биографа князя Д. В. Друцкого-Соколинского А. А. Закревский отличался «феноменальной усидчивостью и добросовестностью. Он был глубоко убежден, что только одним руководительством всего и всех можно достичь успеха»⁶⁷. Медленная, неторопливая жизнь финляндской администрации с появлением нового генерал-губернатора пришла в движение. В своих частных письмах А. А. Закревский пишет, что управление краем он нашел «не в лучшем виде». Склонность самому вникать в каждую мелочь заставляла местные власти писать нескончаемые справки и отчеты, которые тут же приходилось переводить на русский язык. Над переводами в канцелярии генерал-губернатора трудились 14 переводчиков и один — в канцелярии прокурора⁶⁸. Работа в канцелярии генерал-губернатора заканчивалась не ранее 10 часов вечера.

В одном из своих писем сенатор И. В. Хисингер сообщал: «Нервы напряжены с утра до вечера... Он расспрашивает о самых разных вещах, всячески пытаясь в них вникнуть; спрашивает много и подробно, требует от каждого усердия и прежде всего проворства, запрашивает и получает всевозможные списки, напоминания сыплются направо и налево...»⁶⁹.

⁶⁵ Архив А. А. Закревского. Переписка... // Сб. РИО. Т. 78. С. 382.

⁶⁶ Там же. С. 291.

⁶⁷ Друцкой-Соколинский Д. В. Из моих воспоминаний. О графе А. А. Закревском // Русский архив. 1901. Кн. 1. № 4. С. 677.

⁶⁸ Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen Senaatti. 1809—1909. Osa I. S. 183.

⁶⁹ Danielson-Kalmari J. R. Arsenij Zakrevskijen kenraalikeverniörikauden alkuaajoilta. S. 23—24.

Ежегодные, продолжавшиеся по несколько месяцев инспекционные объезды финляндских губерний были неотъемлемой частью личного контроля А. А. Закревского за деятельностью местной администрации. Первая поездка состоялась уже в 1824 г. и была организована со свойственным А. А. Закревскому педантизмом. За две недели до ее начала губернаторам была выслана подробнейшая программа инспекции, расписанная по часам. Отчеты запрашивались от губернаторов, городских властей, учебных заведений, землемерных контор и т. д.⁷⁰ В поездке А. А. Закревского сопровождали прокурор Валлен, начальник и чиновники его канцелярии, адъютанты.

Одну из таких поездок (1825 г.) в своем личном письме (не без доли иронии) описал его адъютант Н. В. Путята⁷¹. «Вот уже около месяца, любезный Муханов⁷², как мы странствуем по Финляндии целим караваном. Герцог (т. е. Закревский) наш разъезжает по своим областям великолепнее всякого азиатского сатрапа: с ним толпа адъютантов, чиновников, дворовых рабов, и целый сераль женщин всех народов — англичанок, итальянок, шведок и пр.... Караван наш разделяется обыкновенно на две части: одна, в которой находится сам Герцог и мученики его аккуратности и мелочной деятельности... отправляется всегда вперед, приводит все в движение, опрятность и чистоту, ранжирует войско и старые дела в архивах во фронт. Между тем другая, под предлогом слабости и расстроенности нервов женского пола, остается в городах на роскошных квартирах под защищою графов и князей»⁷³.

⁷⁰ Подробнейшее описание инспекции 1824 г. см.: *Turja H. A. Zakrevskin tarkastusmatkoja v. 1824.* // HAIK. 1933. S. 124—157.

⁷¹ Путята Н. В. (1802—1877), смоленский дворянин, служил в гвардии; в 1830-е гг. в Финляндской паспортной экспедиции и в статс-секретариате Великого княжества Финляндского. В 1824 г. познакомился с Е. А. Баратынским, служившим близ Вильмастранда в Нейшлотском полку, а через него и А. С. Пушкиным, с которым в 1826 г. встречался в доме А. А. Закревского в Санкт-Петербурге.

⁷² Муханов А. А. (1802—1834), полковник, адъютант А. А. Закревского, приятель Е. А. Баратынского и П. А. Вяземского. Искал руки Авроры Шернваль-Валлен (Демидовой, Карамзиной), игравшей позднее видную роль в общественной жизни Финляндии.

⁷³ Письма Н. В. Путяты к А. А. Муханову 1825 г. // Русский архив. 1905. № 3. С. 527.

Какова же была первая реакция финской правящей элиты на нового генерал-губернатора, который прибыл в княжество по воле Александра I и вопреки своему желанию?

Первоначальные волнения высокопоставленных чинов финляндского правительства были связаны с тем, что новый начальник края совершенно не владел иностранными языками. Особенно переживал вице-председатель сената Карл Маннергейм, поскольку именно ему предстояло в первую очередь общаться с А. А. Закревским, который по должности являлся председателем местного правительства и должен был вести его заседания⁷⁴.

Сохранившаяся переписка тех лет свидетельствует о том, что среди «первых лиц» княжества стал даже обсуждаться вопрос о возможном переводе делопроизводства местной администрации на русский язык. В середине октября 1823 г. вице-канцлер Абоской Академии И. Ф. Аминофф пишет члену экономического департамента сената Г. фон Котену о необходимости разработать такое законодательное положение, которое «рано или поздно заставит высшие и низшие чины сената изучать русский язык, или же принудит их — по истечении некоторого срока, оставить свои места тем, кто русский язык знает»⁷⁵. Ответ Г. фон Котена был безутешен: кажется, пришло время, когда каждому из нас следует приложить усилия для овладения русским языком⁷⁶.

Проблема казалась неразрешимой, поскольку все понимали, что в сжатые сроки добиться этой цели невозможно. Высказывались даже соображения о рекрутировании чиновников из Выборгской губернии, где, по словам И. Эренстрёма, «к сожалению, говорят на русском, а не на шведском языке».

Крайне важны первые впечатления о А. А. Закревском статс-секретаря Великого княжества Финляндского Р. Г. Ребиндера, являвшего-

⁷⁴ Предвидя затруднения подобного рода, А. А. Закревский (еще до своего отъезда в Финляндию) испросил и 31 декабря 1823 г. получил согласие Александра I председательствовать только при обсуждении наиболее важных вопросов: *Pohjolan-Pirhonen H.* Op. cit. S. 402; *Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen Se-naatti 1809—1909. Osa I.* S. 182.

⁷⁵ *Lilja A. A. Arsenij Andreevitj Zakrevskij.* S. 62.

⁷⁶ Обстоятельное исследование о положении русского языка в Великом княжестве Финляндском: *Ketola K. Ryssän koulussa. Suomalaiset Venäjän stipendiaatit autonominian aikana 1812—1917.* Helsinki, 2007.

гося докладчиком финляндских дел перед императором и занимавшего в связи с этим особое положение в бюрократической иерархии княжества⁷⁷.

Описывая свои первые встречи с генерал-губернатором, статс-секретарь Р. Г. Ребиндер отмечал, что возвращение в столицу императора и двора не принесло ему столько работы, сколько появление А. А. Закревского. Его требования предоставлять ему необходимую информацию «немедленно, как будто бы он по-прежнему являлся дежурным генералом миллионной армии» особенно впечатлили Р. Г. Ребиндера⁷⁸.

Излагая в пространном письме от 26.11.1823 г. к своему старому другу прокурору К. Валлену свои первые наблюдения, статс-секретарь, конечно же, отметил и выправку А. А. Закревского («проста и солидна»), и его манеры — «обходительны, и не без достоинства». Р. Г. Ребиндер подчеркнул (особо оговорив возможные неточности устного перевода), что А. А. Закревский «не стремится казаться ни важным господином, ни светским человеком, а военным, прямота которого вызывает доверие»⁷⁹.

Как явствует из письма, в беседах с А. А. Закревским статс-секретарь получил ясное представление о политической линии нового генерал-губернатора, для которого «наиважнейшей» задачей было достижение единения между Россией и Финляндией, а также искоренение «семян ненависти», которые омрачают отношения двух сторон. Признавая несомненные деловые и организационные качества А. А. Закревского, Р. Г. Ребиндер, тем не менее, предвидел сложности в предстоящей работе, и вызваны они будут, по его мнению, не только языковыми проблемами. Статс-секретарь ставит под сомнение заявленную «самоуверенным» А. А. Закревским способность «принять участие в делах нашего правительства и контролировать общий ход управления»⁸⁰.

⁷⁷ Именно в этой сфере за право личных докладов императору и разгорелась несколько позднее борьба между статс-секретарем и генерал-губернатором, поскольку такое право давало возможность влиять на характер принимаемых решений.

⁷⁸ «Наша канцелярия работает днем и ночью, подготавливая все новые и новые сведения, которые он ежедневно запрашивает»: *Danielson-Kalmari J. R. Arsenij Zakrevsij kenraalikuvernöörikauden alkua joilta*. S. 8.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Ibidem. S. 9.

Аргументы Р. Г. Ребиндера лежали на поверхности. «Фактически он (А. А. Закревский. — Л. С.) не занимал ни одной руководящей самостоятельной должности, а лишь посты, где надо было исполнять поступающие военные приказы и держать в рабочем состоянии хорошо отлаженный механизм». В силу этого, отмечал Р. Г. Ребиндер, весь предыдущий опыт нового начальника края для него совершенно бесполезен. «Он цепляется за мелочи; скорее буквоедство и бюрократизм, а не широкий взгляд на вещи станут приметами его начинаящегося правления»⁸¹. Все, что А. А. Закревский говорит о стране, в которой он представляет императора, отмечает Р. Г. Ребиндер, «не оставляет (нам) никакой надежды».

Р. Г. Ребиндер особо подчеркивал К. Валлену доверительный характер сообщаемой информации, поскольку «даже малейший признак опасности может повергнуть наших друзей в состояние паники». Заключив, тем не менее, что А. А. Закревский «нелицемерен и желает добра», статс-секретарь видел все же основную гарантию особого положения Финляндии в самом монархе, «который не прекратит защищать нас, который знает наши нужды, недостатки и добродетели»⁸².

Эта защита, по мнению Р. Г. Ребиндера, самым недвусмысленным образом была продемонстрирована Александром I в начале 1824 г. «Случай ...пришел нам на помощь... — писал Р. Г. Ребиндер Валлену 6 января. — Провидение своей заботливой рукой воистину направляет судьбы Финляндии». И как следует из переписки Р. Г. Ребиндера, именно этот «случай» обострил отношения между статс-секретарем и генерал-губернатором.

Предыстория этого конфликта относится еще к 1822 г., когда остро стоял вопрос о возвращении некоторых карельских приходов Великого княжества Финляндского в состав России⁸³. Подготовленный по поручению Р. Г. Ребиндера проект об отделении этих приходов тогда Александру I представлен не был. И лишь теперь, на рубеже 1823—1824 гг., когда вполне обрисовалась «объединительная» программа нового генерал-губернатора, Р. Г. Ребиндер решил передать меморию на утверждение императору.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Ibidem. S. 9.

⁸³ Paloposki J. Rajajoen asetehtaanalueen liittäminen Venäjän keisarikuntaan v. 1864 // HAIK, 1967. S. 60—61.

Как пишет Р. Г. Ребиндер в своем письме К. Валлену 6 января 1824 г., «я дал ему (А. А. Закревскому. — *L. C.*) прочитать переведенный текст мемории, и постарался показать, сколь сильно это решение способствовало бы достижению гармонии интересов России и Великого княжества (предмет, о котором Его Превосходительство говорит с таким удовольствием)»⁸⁴.

Р. Г. Ребиндер сообщал Валлену, что А. А. Закревский был «в восторге от содержания нашей мемории, он побуждал, почти умолял меня представить ее без промедления; он обещал поддержать ее всеми своими силами, и он совершенно не сомневался в успехе»⁸⁵.

Но Александр I отверг представленный Р. Г. Ребиндером проект, что позволило последнему оценить решение всей этой территориальной проблемы как «превосходный для Финляндии результат». «Ты понимаешь, — писал Р. Г. Ребиндер в письме Валлену, — какое впечатление это решение произвело на генерала, который, кажется, уже был воодушевлен тайной надеждой обрушить нас полностью». Не скрывая эмоций, Р. Г. Ребиндер продолжал: «Никогда раньше я не видел такой вытянутой физиономии, как в тот момент, когда доложил ему (А. А. Закревскому. — *L. C.*) о результате своего доклада императору»⁸⁶.

Вполне можно предположить, что именно это фиаско генерал-губернатора было первым толчком к его намерению получить право прямых докладов императору по финляндским делам. До сих пор этим правом обладал только статс-секретарь Великого княжества Финляндского. Собственно по этому вопросу и разгорелся в ближайшее время серьезный конфликт А. А. Закревского — и с Комиссией финляндских дел, во главе которой стоял Р. Г. Ребиндер, и с финляндским сенатом.

Централизация управления в руках А. А. Закревского

Отношения между Р. Г. Ребиндером и А. А. Закревским приобретали все более напряженный характер. Генерал-губернатор ревниво следил за тем, чтобы никто, и в первую очередь сам Р. Г. Ребиндер, не посягал на его полномочия по управлению административными делами княжества. Все начиналось вроде бы с мелочей. А. А. За-

⁸⁴ *Danielson-Kalmari J. R. Arsenij Zakrevsijnen kenraalikuvernöörikauden alkuaajoilta*. S. 11.

⁸⁵ *Ibidem.*

⁸⁶ *Ibidem. S. 12.*

кревский потребовал от статс-секретаря прекратить прямые сношения с губернаторами княжества, посчитав эту практику ущемлением полномочий начальника края, который стремился поставить эту переписку под собственный контроль.

Позиция А. А. Закревского была продиктована не только нормами регламента 1812 г. о генерал-губернаторе, но и желанием уравнять свои реальные полномочия с теми правами, которыми обладали генерал-губернаторы в остальной империи. Р. Г. Ребиндеру, в конце концов, пришлось признать правомерность требований А. А. Закревского, что, однако, не нормализовало их взаимоотношения.

Уже в марте 1824 г. Р. Г. Ребиндер пишет: «Поведение генерал-губернатора день ото дня становится все более странным и в отношении меня все более оскорбительным. Кажется, он, не говорю уж о проявлениях его собственной невежливости, хочет любым способом подчеркнуть, что даже самое неформальное обсуждение дел со мною ему неприятно, хотя я привечал его с тем вниманием, которое прислуживает моей должности и моим воззрениям»⁸⁷.

Открытый конфликт А. А. Закревского с Комиссией финляндских дел и с местным правительством разразился весной 1825 г., когда генерал-губернатор вместо статс-секретаря представил на рассмотрение Александра I некоторые дела, добился их одобрения и проводил решение императора финляндскому сенату для исполнения⁸⁸. Последний отреагировал на это нарушение местных законов всеподданнейшим донесением⁸⁹, в котором уведомил Александра I о том, что он «был поражен тягостным чувством беспокойства и нашелся в затруднительном положении касательно способа, коим Вы сочайшая воля Вашего Величества была теперь сообщена Сенату»⁹⁰.

⁸⁷ Ibidem. S. 12—13. В своих воспоминаниях А. Ф. Тютчева также отмечает свойственную А. А. Закревскому грубость. См.: *Тютчева А. Ф. Воспоминания*. М.: Захаров, 2000. С. 273.

⁸⁸ В их числе были дела «о даровании прав особам, исповедующим греческую веру, получать места в Финляндии», «о новом разделении губерний», «об установлении русских верстовых столбов по всем большим дорогам Финляндии» и некоторые другие.

⁸⁹ По финляндским законам гражданские дела на рассмотрение императора мог представлять и сообщать о принятом решении только статс-секретарь, т. е. Р. Г. Ребиндер. Адрес был подписан всеми членами финляндского сената.

⁹⁰ Архив А. А. Закревского. Переписка… // Сб. РИО. Т. 78. С. 460—461.

В своем адресе императору, направленном ему *sub secreto* (от генерал-губернатора А. А. Закревского)⁹¹, сенат подчеркнул, что обстоятельство, о котором идет речь, «слишком важно для настоящего времени» и может иметь «неопределенное влияние на будущее»⁹². Сенат фактически приостановил исполнение императорских решений, полученных от А. А. Закревского, и просил Александра I, «отца отечества», указать ему «черту поведения, по коей он обязан следовать, дабы не действовать противу своей присяги».

Рассмотрение этой правовой коллизии, в связи со смертью Александра I, затянулось, и окончательная точка в этом споре была поставлена уже в правление Николая I.

Сообщение о кончине Александра I было доставлено в Гельсингфорс 29.11.(11.12.)1825 г. и генерал-губернатор, имея распоряжение срочно привести сенат, административные учреждения и финляндские сословия к присяге на верность Константину Павловичу⁹³, решительно приступил к исполнению этого повеления. Но в Финляндию, минуя комиссию финляндских дел и ее статс-секретаря Р. К. Ребиндера, была доставлена общая форма присяги, предназначавшаяся для обычных российских губерний и не учитывавшая особый статус Великого княжества Финляндского в составе империи.

Местный сенат, несмотря на робкие попытки обратить внимание генерал-губернатора на это несоответствие, тем не менее, 30 ноября (12 декабря) присягнул по общероссийскому присяжному листу и привел к присяге население княжества, о чем А. А. Закревский не замедлил послать соответствующий рапорт⁹⁴.

⁹¹ А. А. Закревский, тем не менее, через пять дней был проинформирован об адресе и о причинах, которые привели к его появлению: Всеподданнейшая записка графа А. Закревского // Архив А. А. Закревского. Переписка... // Сб. РИО. Т. 78. С. 469, 478—479.

⁹² Там же. С. 466.

⁹³ «Его Высочество (Николай Павлович. — Л. С.) желает, чтоб приведение к таковой присяге исполнено было в возможной скорости...». См.: Переписка А. А. Закревского с Петербургом и финляндским сенатом // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829). СПб., 1883. С. 473—479.

⁹⁴ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 13—14; Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen Senaatti. 1809—1909. Edellinen osa. Helsinki, 1915. S. 198—199.

Приведя финляндских подданных к присяге по общей русской форме, А. А. Закревский, как свидетельствует его биограф Друцкой-Соколинский, считал особое положение Великого княжества Финляндского в составе империи фактически ликвидированным⁹⁵. Поинтересовавшись у Р. Г. Ребиндера, по какому тексту присягнула Финляндия Константину Павловичу, великий князь Николай Павлович (будущий император Николай I) заметил, что форма не имеет никакого значения. Главное, чтобы «верно и нeliцемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего»⁹⁶.

Отказ Константина Павловича от престола привел к тому, что лишь 12 (24) декабря 1825 г. Николай объявил себя императором⁹⁷. В этот же вечер Р. Г. Ребиндер представил на подпись Николаю I манифест финляндских прав и привилегий, аналогичных тем, которые были в 1809 г. утверждены Александром I. Манифест был подписан Николаем I без каких-либо изъянов.

Повторная присяга на верность новому императору проводилась в Финляндии по двум присяжным листам. Русские войска и православное население присягали «по русскому листу». Чиновники, служители церкви и остальные жители лютеранского вероисповедания присягали по специальной форме, в которой не было упоминания о царе-самодержце⁹⁸.

Николаевская эпоха в истории России — это время тотального подавления общественных процессов, застоя социально-экономической жизни, регресса в военной сфере. Проведенная кодификация законов и реорганизация высших государственных учреждений, по сути, привели к дальнейшему укреплению основ самодержавия, убежденным сторонником которого был Николай I. Он сам признавал существование и необходимость деспотизма в России, «в нем самая суть моего правления»⁹⁹.

⁹⁵ Друцкой-Соколинский Д. В. Биографическая заметка о жизни графа А. А. Закревского // Сб. РИО. Т. 73. С. IX.

⁹⁶ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 16.

⁹⁷ Манифест о вступлении Николая I на престол был обнародован 14 (26) декабря.

⁹⁸ Lilja A. A. Arsenij Andrejevitj Zakrevskij. S. 219; Pohjolan-Pirhonen H. Op. cit. S. 414.

⁹⁹ См.: Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 283; Николай I: личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2007. 530 с.

В оценке современников Николай I предстает перед нами как личность холодная, нелюбимая, прежде всего преданная чувству долга, «в исполнении которого он был строг и к себе, и к другим»¹⁰⁰. Как писала в своих воспоминаниях А. Ф. Тютчева, Николай I на протяжении своего 30-летнего правления систематически душил в управляемой им стране всякое проявление инициативы и жизни. «Угнетение, которое он оказывал, не было угнетением произвола, каприза, страсти; это был самый худший вид угнетения — угнетение систематическое, обдуманное, самодовлеющее, убежденное в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть...»¹⁰¹.

Великое княжество Финляндское не осталось в стороне от основных веяний времени. Весь период николаевского правления был отмечен в Финляндии преследованием свободомыслия, ужесточением цензуры на местные и зарубежные издания, административным и негласным контролем над нарождающимися общественными организациями, удушливой идеальной атмосферой. Во главе этого политического курса в Финляндии стоял генерал-губернатор А. А. Закревский, полномочия которого в сфере административного управления были расширены.

В начале февраля 1826 г. генерал-губернатор А. А. Закревский направил Николаю I всеподданнейшую записку, в которой вернулся к делам годичной давности, когда возник конфликт сената и генерал-губернатора. Вкратце изложив свою позицию по тем делам, исполнение которых в 1825 г. сенат посчитал невозможным, А. А. Закревский объяснил причины возникшего конфликта тем, что члены сената не желают допустить к трону генерал-губернатора — единственное лицо в финляндской администрации, «чуждое шведам». Это не только сохраняет, по его мнению, односторонний характер получаемых императором сведений, «заранее ими предначертанный», но и ставит генерал-губернатора в некоторую зависимость от Комиссии финляндских дел, составленной «из их же соотчичей»¹⁰².

Усилия А. А. Закревского были направлены на то, чтобы роль комиссии финляндских дел, которая, по его словам, «не составля-

¹⁰⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 392.

¹⁰¹ Тютчева А. При дворе двух императоров. Воспоминания, Дневник. 1853—1882. Тула, 1990. С. 47.

¹⁰² Архив А. А. Закревского. Переписка... // Сб. РИО. Т. 78. С. 477.

ла собой инстанции ни правительственный, ни судебной», была бы сведена к минимуму. Она, по его мнению, была лишней преградой между генерал-губернатором и императором. А. А. Закревский в своем обращении исходил из необходимости его личных прямых докладов императору по финляндским делам, подчеркивая при этом, что, согласно секретному высочайшему рескрипту от 1810 г., деятельность местного правительства (с 1816 г. сената) должна протекать только под надзором генерал-губернатора¹⁰³.

Позиция А. А. Закревского в Санкт-Петербурге была поддержана. 17 (29) марта 1826 г. был обнародован манифест о ликвидации Комиссии финляндских дел, функции которой были возложены на Р. Г. Ребиндера. Период становления управленческой структуры, по мнению Николая I, подошел к концу, отныне сенат должен был самостоятельно готовить все дела для представления их императору. Вместо комиссии создавался статс-секретариат, полномочия которого были определены специальным регламентом¹⁰⁴, по которому статс-секретарь Р. Г. Ребиндер, лишенный права высказывать собственное мнение при докладе императору, должен был излагать позицию только сената и генерал-губернатора. В соответствии с регламентом российские власти должны были обращаться по правовым вопросам к статс-секретарю, по исполнительным — к генерал-губернатору¹⁰⁵. Делопроизводство в реорганизованной Канцелярии финляндских дел перевели с французского языка на русский¹⁰⁶.

Ликвидация комиссии финляндских дел вызвала в Финляндии противоречивые чувства. Многие сенаторы, и прежде всего вице-председатель К. Э. Маннергейм, приветствовали это решение Николая I, поскольку видели в Комиссии серьезного соперника на полеластных полномочий в княжестве. Другие, в их числе Р. Г. Ребиндер, усматривали в ее ликвидации угрозу автономному существованию Финляндии.

¹⁰³ Там же. С. 478—479.

¹⁰⁴ Подготовлен А. А. Закревским и Р. Г. Ребиндером. Его подробное содержание см.: *Kalleinen K. Suomen kenraalikuvernemantti*. S. 74—76.

¹⁰⁵ Выскочков Л. В. Финляндский генерал-губернатор А. А. Закревский. С. 25; Юссила О. Великое княжество Финляндское. С. 194.

¹⁰⁶ Юссила О. Великое княжество Финляндское. С. 198; *Pohjolan-Pirhonen H.* Op. cit. S. 421—422.

В целом проведенное преобразование административного управления укрепило, прежде всего, позиции генерал-губернатора как «начальника края», которому в июне 1826 г. к тому же было предоставлено право личных докладов императору, чего так настойчиво добивался А. А. Закревский. Через два года Николай I предоставил ему право решать некоторые вопросы от собственного имени¹⁰⁷. В ежегодном отчете III Отделения Е. И. В. канцелярии об общественных настроениях в империи А. Х. Бенкендорф отмечал, что А. А. Закревский в Финляндии распространяет «благоприятное нынешнему правительству мнение», но в силу местных условий влияние его здесь невелико¹⁰⁸. «Генерал-губернатора уважают за его справедливость и очевидное бескорыстие, но не одобряют его крутых и решительных мер, которые, конечно, всегда направлены к достижению общественного блага, но часто производят впечатление нарушения конституции»¹⁰⁹.

A. A. Закревский и общественная жизнь Финляндии

Пресса

В начале XIX столетия в Финляндии существовала единственная газета *Åbo Tidning*, которую после окончания русско-шведской войны по предложению пророссийски настроенного барона К. Э. Маннергейма сделали официальным органом местного правительства. Газета, сохранившая прежнего издателя и редакторов и получившая новое название *Åbo Allmänna Tidning*, должна была, помимо новостей, печатать официальные материалы Правительствующего совета, а также освещать российские события. В связи с этим вырос не только объем газеты, но и ее тираж до 500 экземпляров. На страницах газеты преобладал официоз, а победоносная война против Наполеона фактически превратила газету в издание, со страниц которого беспрестанно звучали славословия в адрес Александра I¹¹⁰.

¹⁰⁷ Kalleinen K. Suomen kenraalikuvernemantti. S. 89.

¹⁰⁸ Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. // Красный архив. 1929. № 6. С. 144.

¹⁰⁹ Там же. С. 155.

¹¹⁰ Tommila P. Yhdestä lehdestä sanomalehdistöksi. 1809—1859 // Suomen lehdistön historia.I. Kuopio, 1988. S. 83.

Несмотря на переезд местного правительства в 1819 г. в Гельсингфорс и учреждение там новой официальной газеты *Finlands Allmänna Tidning*, центр общественной и публицистической активности финляндского княжества вплоть до 1827 г.¹¹¹ оставался в его старой столице — городе Або. В этом университетском городе, на протяжении столетий развивавшемся под сильным политическим и культурным влиянием Швеции, в период правления Александра I возникло несколько новых периодических изданий. В 1819 г. стала выходить *Mnemosyne*; в следующем году — *Åbo Tidningar* (потерявшая свой «правительственный» статус и вернувшаяся в свое прежнее качество), а также финская газета *Turun Wiikko-Sanomat*; в 1821 г. основана первая общефинляндская газета *Åbo Morgonblad*; в 1824 г. — *Åbo Underrättelser*.

Это был краткий период так называемого Абосского романтизма, связанный с активным обсуждением на страницах прессы вопросов об исторических корнях народа, перспектив его национального и культурного развития. В первые годы после присоединения к России Финляндия практически не была знакома с цензурными ограничениями¹¹², хотя правящие круги империи с подозрением относились к прошведским настроениям и симпатиям, существовавшим в финляндском обществе. Эти тесные духовные и культурные связи со своей прежней метрополией были для властей нежелательны и по той причине, что в самой Швеции после 1809 г. была практически полностью отменена цензура на печатные издания. Швеция рассматривалась имперской администрацией как канал возможного проникновения в княжество нежелательной литературы и опасных идей, которые могли распространяться через финляндскую прессу.

Поэтому уже во время работы Боргоского сейма 17 (29) марта 1809 г. был учрежден специальный комитет¹¹³, в обязанности которого

¹¹¹ В 1827 г. Або был уничтожен огромным пожаром.

¹¹² В 1809 г. общие обязанности по цензуре были возложены на канцелярию Правительствующего совета. Религиозная литература по-прежнему контролировалась судебным капитулом в Борго и Абоской Академией. В 1810 г. надзор за поступлениями иностранной литературы поручили прокурору финляндского правительства.

¹¹³ Его членами являлись: епископ Яакко Тенгстрём, барон К. Маннергейм, Р. Г. Ребиндер, ассессор Гюлденстолпе и профессор Гадолин.

го входило наблюдение за литературой, учебными заведениями, типографиями, книжной торговлей. Регламент этого комитета, после одобрения его Сперанским, был утвержден Александром I 6 (18) августа 1809 г. Но надо отметить, что практическая значимость этого постановления была невелика, поскольку местная литературная жизнь и журналистика в княжестве находились в это время еще в неразвитом состоянии¹¹⁴. Главное внимание властей, как уже указывалось, было направлено, прежде всего, на пресечение бесконтрольного доступа иностранной литературы. Надзор за нею был поручен 70-летнему прокурору Финляндии Калониусу, который, исполняя эти обязанности до 1816 г., вскоре свел их к чисто представительским функциям. Контроль над ввозимой литературой осуществлялся таможенным ведомством, которое не было обременено особой работой ввиду сократившегося со времен Портана числа книжных лавок¹¹⁵, что отчасти объясняется полным разрывом контактов Финляндии со странами материковой Европы в период наполеоновских войн.

Но торговые и иные связи со Швецией сохранились. Именно оттуда в Финляндию поступал основной поток западной прессы, контроль над которой осуществлял начальник почтового ведомства, бывший аньялец Ладо (Ladau), снискавший себе дурную славу широко практиковавшейся перлюстрацией частной переписки и в особых случаях переправлявший добытые сведения самому императору¹¹⁶.

В полный рост проблема цензуры в Финляндии встала на повестку дня лишь в 1820-х гг., когда процесс учреждения газет вышел за пределы «столиц» и распространился на провинцию: в 1820-е гг. новые издания появились также в Выборге и Улеаборге. К концу десятилетия в княжестве насчитывалось уже 12 газет.

Практически все газеты выходили на шведском языке. Несмотря на то что две еженедельные финноязычные газеты (*Turun Wiikko-Sanomat* и *Oulun Wiikko-Sanomat*), а также немецкая *Wiburgs Wochentheater*

¹¹⁴ Nurmio Y. Suomen sensuuriolot Venäjän vallan alkuaikoina vv. 1809—1829. Helsinki, 1934. S. 26, 78—80; Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л.: Наука, 1979. С. 103—106.

¹¹⁵ Сразу после 1809 г. книжной торговлей в Або занимались И. Френкель, Л. Мозелли, Ф. Мейер. В остальных районах княжества книжная торговля стала разворачиваться только после 1818 г.

¹¹⁶ Nurmio Y. Suomen sensuuriolot Venäjän vallan alkuaikoina vv. 1809—1829. S. 71.

получили право на публикацию новостей, заметного влияния на общественную жизнь в 1820-х гг. они все же не оказывали. Основной «читающей публикой» была шведоязычная верхушка общества: чиновничество, провинциальное дворянство, священники, состоятельные горожане¹¹⁷.

Собственно политическая проблематика на страницах финляндской прессы впервые появилась в 1819 г. после публикации в официальной газете серии статей ее главного редактора Даниэля Мюренса, в которых он подвел итоги десятилетнего пребывания Финляндии в составе Российской империи. Переbrавшийся в 1812 г. из Швеции в Финляндию профессор права Д. Мюрен особо подчеркивал значение местного сената для политической жизни нации, выступая при этом против любой критики властей¹¹⁸.

Эти статьи Д. Мюренса, благосклонно встреченные высшей элитой княжества, заставили молодого доцента Абосского университета А. И. Арвидссона (1791—1858) взяться за перо и окунуться в обсуждение политических и общественных проблем Финляндии. Понимая опасность гласной критики, свою первую критическую статью о ситуации в княжестве он опубликовал под псевдонимом в ноябре 1820 г. в Швеции, в газете *Nya Extra Posten*. Арвидссон критиковал Боргоский сейм за его беспомощность в принятии нужных для Финляндии решений, полагал ошибкой ликвидацию финских воинских формирований, членов местного правительства считал непригодными для исполнения ими своих обязанностей, государство обвинял в вымогательстве у своих подданных¹¹⁹. Несмотря на предпринятые усилия, властям не удалось установить автора этой публикации, что позволило А. И. Арвидссону продолжить свою критику, но уже на страницах учрежденной им в январе 1821 г. еженедельной газеты *Åbo Morgenblad* — первой политической газеты Финляндии.

Своими статьями А. И. Арвидссон стремился приобщить читателей к обсуждению злободневных проблем финляндского общества, воспитать в них гражданскую позицию. Формулируя свое кредо,

¹¹⁷ *Tommila P. Suomen sanomalehdistön kehityslinjat // Suomen lehdistön historia. Osa 3. Kuopio, 1988. S. 488—489.*

¹¹⁸ *Tommila P. Yhdestä lehdestä sanomalehdistöksi. 1809—1859. S. 83.*

¹¹⁹ Подробное изложение статьи: *Такала И. Р. Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 34—35.*

он писал: «Мы решили сообщать о том, что считаем правильным и достоверным, и к этому мы будем стремиться с непременным тщанием и с беспристрастным взором».

За газетой был установлен усиленный надзор. Арвидссон должен был отсылать по экземпляру каждого номера не только в библиотеку университета, но и в сенат, прокурору и в Комиссию финляндских дел, находившуюся в Санкт-Петербурге. Крайнее неудовольствие властей вызывали статьи о свободе печати, о необходимости вести борьбу против бюрократизма и за расширение автономных прав Финляндии. «Можно ли позволить Арвидссону и его компании излагать на страницах открытых печатных изданий незрелые мысли и ложные теории?» — спрашивал прокурор Валлен статс-секретаря Р. Г. Ребиндера. Университет полон «безрассудной молодежи», — продолжал он, — которая верит в свое призвание улучшить этот мир и в то, что она может проповедовать своим современникам о правах народов и обязанностях правительства»¹²⁰.

Допуская некоторую свободу слова в «старых» странах, европейски образованный Валлен был все же против того, чтобы в финских условиях молодежь выступала в качестве наставника чиновничества и властей. Тем более что студенчество, по мнению Валлена, смотрело на Арвидсона как на полубога. Обвинив его в ложном понимании свободы печати, прокурор Валлен просил Р. Г. Ребиндера о том, чтобы император запретил эту газету¹²¹. В сентябре 1821 г. газета *Åbo Morgenblad*, которая просуществовала всего 9 месяцев, по указанию из Санкт-Петербурга была закрыта. Газете *Tiirun Wiikko-Sanomat*, которая дала небольшой материал об Основных законах Финляндии и напечатала экскурс в историю сословного представительства, запретили публикацию зарубежных новостей.

Пределы дозволенного были обозначены. Однако несмотря на низкий политический профиль финляндской прессы¹²², вполне усвоившей преподнесенный урок, несмотря на сервильный характер материалов официальной газеты *Finlands Allmänna Tidning* (1820—1848), новый генерал-губернатор А. А. Закревский посчитал положение с цензурой неблагополучным.

¹²⁰ *Tommila P. Yhdestä lehdestä sanomalehdistöksi. 1809—1859.* S. 94.

¹²¹ *Ibidem.*

¹²² В 1820-е гг. изредка печатались скучные заметки о парламентской жизни в Швеции, Норвегии и Англии.

Прежде всего, были ужесточены правила досмотра иностранной литературы, причем список недозволенных к привозу книг был расширен за счет произведений, запрещенных в самой России. В этой связи большой резонанс получил скандал (сентябрь 1826 г.) с прокурором Валленом, который выставил на продажу часть книг своей превосходной домашней библиотеки, в которой, как оказалось, имелись запрещенные в империи зарубежные издания¹²³. Источником информации, которая тотчас же была доведена до А. А. Закревского, был уже упоминавшийся почтовый директор Ладо, хотя надзор за иностранной литературой не входил в круг его обязанностей. Это была сфера прокурора, т. е. самого Валлена, административный промах которого А. А. Закревский пытался использовать для дальнейшего ужесточения цензурной политики в княжестве.

В своем представлении на имя Николая I он просил предоставить ему (а не прокурору) право верховного контроля над всей иностранной литературой в Финляндии¹²⁴. Не добившись желаемого, А. А. Закревский предпринял усилия к распространению на Финляндию только что введенного российского, т. н. «чугунного» цензурного устава (июнь 1826 г.), который, по отзывам современников, давал основание и «Отче наш» обвинить в якобинстве.

А. А. Закревский стремился к тому, чтобы вся печатная продукция подвергалась предварительной цензуре, которая, по его убеждению, еще «на дальних подступах» предотвращает появление вредных книг и статей. Позицию финляндского сената, пытавшегося апеллировать к шведскому закону 1774 г., в котором говорилось о предварительной цензуре лишь для религиозной литературы, генерал-губернатор категорически отверг¹²⁵.

Проект нового положения для Финляндии, предусматривавший введение предварительной цензуры для всех печатных изданий, был подготовлен уже к ноябрю 1826 г. Но он не успел вступить в силу, поскольку в России началась работа над новым положением о цензуре. Тем не менее наиболее впечатляющей жертвой новых цензур-

¹²³ Nurmio Y. Suomen sensuuriviranomaisten suhtautumisesta A. I. Arwidsonin julkaisuihin 1820-luvun lopulla // HAIK. 1931. S. 85.

¹²⁴ Nurmio Y. Suomen sensuuriolot Venäjän vallan alkuaikoina vv. 1809—1829. Helsinki, 1934. S. 244.

¹²⁵ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 596.

ных веяний стал писатель и публицист Яакко Ютейни (1781—1855), известный своими антиклерикальными выступлениями.

Тираж его книги «Мысли на разные темы», написанной с позиций просветительского рационализма, с критикой религии и социальных противоречий в финском обществе, подвергся в 1827 г. публичному сожжению на Ратушной площади Выборга¹²⁶. Показательно, что сведения об этой книге, которая так и не успела поступить в продажу (следовательно, была неизвестна широкому читателю), А. А. Закревский получил не от своих информаторов, а непосредственно от шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, профессиональный интерес которого к положению в княжестве, как будет показано далее, этим эпизодом не ограничился.

Этот инцидент с Я. Ютейни послужил для А. А. Закревского дополнительным аргументом в споре с местным сенатом о необходимости введения полной предварительной цензуры на все издания. Именно в этой редакции 2 (14) октября 1829 г. последовало высочайшее постановление «О цензуре и книжной торговле», нормы которого действовали в Финляндии до 1865 г.

Обращает на себя внимание аргументация нового постановления: имперская власть исходила из необходимости общих подходов при согласовании постановлений для Финляндского княжества и для всех остальных частей государства¹²⁷. Другими словами, налицо прямое вторжение в сферу собственно финляндского законодательства, по-коившегося на шведском правовом фундаменте.

По общей российской схеме в Финляндии учреждалось Главное управление по делам цензуры, членами которого были вице-канцлер университета, один из руководителей сената и прокурор. На них возлагалась ответственность за общее состояние цензуры. Помимо управления создавался цензурный комитет, который должен был следить за благонадежностью отечественной и иностранной литературы. Разрешения на выпуск газет выдавал Сенат, а также местные цензоры, появившиеся в Або, Выборге, Васа и Улеаборге. Иностранные прессы отслеживала специальная цензура при почтовом ведомстве¹²⁸.

Новый цензурный устав запрещал публиковать материалы, порочащие христианскую религию, императора, сенат и коренные зако-

¹²⁶ Карху Э. Г. Указ. соч. С. 113.

¹²⁷ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 598.

¹²⁸ Pohjolan-Pirhonen H. Op. cit. S. 430.

ны, а также «неуважительное или обидное» для держав, находившихся в дружественных отношениях с Россией, и в особенности для Священного союза.

Университет

Финляндская политика Александра I, направленная к быстрейшему замирению приобретенной в 1809 г. провинции, не обошла стороной и Або Академию — местный университет, поддерживавший на протяжении столетий теснейшие связи со Швецией. Накануне наполеоновского вторжения в Россию был существенно расширен бюджет университета, наполовину выросло количество профессоров и вдвое адъюнктов, что по обеспеченности преподавательскими кадрами сразу же вывело Абоский университет на европейский уровень¹²⁹. От 25 до 50 % было повышенено их содержание, увеличились выплаты нуждающимся студентам. На окончание строительства нового университетского корпуса были выделены существенные суммы. «Невероятно, сколько Император сыплет милостей и денег, как на страну, так и на частных лиц. Абоская академия, без сомнения, во всей Европе теперь наиболее обеспечена средствами», — писал в 1811 г. в одном из своих писем Г. М. Армфельт¹³⁰. Экономическое положение университета по сравнению со шведским периодом, когда его финансовое состояние напрямую зависело от оброка крестьян, к нему приписанных, намного улучшилось.

Но этого нельзя было сказать о научной и учебной деятельности, уровень которой со времен Портана заметно снизился. Председатель комиссии финляндских дел Г. М. Армфельт, ставший в 1812 г. после М. М. Сперанского канцлером университета, не скрывал своего критического отношения к «хорошо оплачиваемым лентяям», которые наряду со студентами не в меру предавались праздным увеселениям¹³¹.

После 1817 г. постоянные драки студентов с подмастерьями и стычки с солдатами русских гарнизонов¹³² стали предметом серьезной озабоченности университетского руководства, поскольку сведения об

¹²⁹ Autio V.-M. Yliopiston virkanimitykset. 1809—1852. Helsinki, 1981. S. 8, 300.

¹³⁰ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. С. 535—536.

¹³¹ Pohjolan-Pirhonen H. Op. cit. S. 347.

¹³² См. подробнее: Castren L. Turun ylioppilaat ja venäläinen varusväki 1810—20 luvuilla // НАИК. 1933. S. 106—123.

этих событиях доходили до Александра I и вызывали его сильное неудовольствие. Назначая осенью 1821 г. вице-канцлером университета генерала и графа И. Ф. Аминоффа, который сменил престарелого Тенгстрёма, Александр I особо подчеркнул необходимость усиления дисциплины среди студенчества, противодействия «распространению колобродных учений», дабы «предупредить порчу подрастающего поколения путем превратного учения и преувеличенного понятия о гражданских правах»¹³³. Одновременно вице-канцлер Аминофф стал председателем комитета, которому предстояло подвергнуть ревизии все академическое законодательство и подготовить новый устав университета, что, по словам А. И. Арвидссона, означало бы победу военного деспотизма¹³⁴.

Ситуация обострилась с появлением в княжестве генерал-губернатора А. А. Закревского, который видел опасность в традиционном «шведском» влиянии на студенчество. В 1824 г. введен запрет на поездки студентов в город Упсала, продолжавшийся почти полстолетия. В январе 1825 г. А. А. Закревский поручил своему адъютанту А. Муханову негласным образом выяснить «моральное» состояние студентов университета. И хотя студенческие беспорядки в отчете Муханова объяснялись не политическими причинами, а живым характером молодежи, А. А. Закревский, по словам Р. Г. Ребиндера, успокаиваться не собирался до тех пор, «пока университет не подчинится его власти»¹³⁵. Подтверждение этого мнения не заставило себя долго ждать: вскоре А. А. Закревский доложил императору как о непристойном поведении студенчества, так и о манкировании преподавателями университета своих обязанностей¹³⁶. Весной 1827 г. генерал-губернатор по его собственному ходатайству получил от Николая I дополнительные полномочия, позволявшие ему следить за уволенными из университета профессорами и студентами, что в конечном итоге привело к высылке в Вятку бывшего профессора Або Академии А. Э. Афцелиуса¹³⁷.

¹³³ Бородкин М. М. История Финляндии. Время Александра I. С. 543.

¹³⁴ Klinge M. Turun ajoista 1840-luvun aktivismiin. Ylioppilaskunnan historia. 1828—1852. S. 97.

¹³⁵ Ibidem. S. 122.

¹³⁶ Pohjolan-Pirhonen H. Op. cit. S. 354.

¹³⁷ Kalleinen K. Suomen kenraalikuvernemantti. S. 294—295.

Работа над новым университетским уставом, который был призван ужесточить порядки в Академии, завершилась к концу 1826 г. Новое положение о том, что университет помимо прочего должен формировать политические взгляды общества, было нацелено, прежде всего, на то, чтобы оторвать Академию от прошведской ориентации и в большей мере привязать к России. Показательно, что Николай I отказался утверждать новый устав до тех пор, пока он не будет рассмотрен в соответствующей комиссии при Министерстве народного просвещения, из чего следовало, что Академию Або планировалось энергичнее интегрировать в общеимперское университетское пространство.

Но эта работа закончилась, не успев начаться. 23—24 августа (4—5 сентября) 1827 г. Або был уничтожен огромным пожаром. В связи с этой катастрофой А. А. Закревский предложил перевести университет в новую столицу княжества — Гельсингфорс. Генерал-губернатор исходил из того, что это поможет предотвратить столкновения с русскими войсками, а самое главное, облегчит наблюдение за политическими настроениями студентов, в благонамеренность которых он не верил¹³⁸. Манифест о переводе университета, который отныне стал называться Александровским, был обнародован в октябре того же года.

A. A. Закревский и III Отделение Е. И. В. канцелярии

В одном из своих писем Р. Г. Ребиндер писал прокурору Валлену: «Не знаю, откуда это происходит, но генерал-губернатор знает все, что в вашей столице говорят и делают. Он к тому же несказанно любопытен до мелких подробностей семейной жизни»¹³⁹. Осведомленность генерал-губернатора находила простое объяснение: А. А. Закревский насаждал в Финляндии систему тайных информаторов, перлюстрацию личной переписки, от которой не были защищены даже самые высокопоставленные особы. В одном из своих писем прокурору Валлену статс-секретарь Р. Г. Ребиндер предупреждает его: «Не пиши мне по почте об этих делах, я заметил, что мои письма

¹³⁸ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 112.

¹³⁹ Danielson-Kalmari J. R. Arsenij Zakrevsijn kenraalikuvernöörikauden alkuaajoilta. S. 41.

стали вскрывать»¹⁴⁰. Некоторые письма Валлена Р. Г. Ребиндер сжигал по его же просьбе¹⁴¹.

Перлюстрация позволяла А. А. Закревскому, не имевшему в силу незнания чужеземных языков прямых контактов с финнами, получать «неофициальную» информацию о положении в обществе. Уже в 1823 г. благодаря рапортам Ладо генерал-губернатор узнал о существовании в Финляндии очень влиятельной тайной Лиги Маннергейма, в которую входили высокопоставленные члены местного правительства¹⁴². Об отношении этой Лиги к А. А. Закревскому Ладо подготовил для Николая I специальную меморию (октябрь 1826 г.), с которой позднее был ознакомлен и сам генерал-губернатор.

Эта Лига, по сведениям Ладо, правила по своему усмотрению. Пользуясь мягким характером предыдущего генерал-губернатора Штейнгеля, сообщал он в своей мемории, Лига полностью отстранила его от управления княжеством. Нечто подобное, как утверждает Ладо, обсуждалось и в отношении А. А. Закревского, с той лишь поправкой, что новый генерал-губернатор отличался твердым и независимым характером. Поэтому план сводился к тому, чтобы в той или иной форме отправить А. А. Закревского обратно в Россию¹⁴³.

Именно с 1826 г., когда А. А. Закревский на основании императорского распоряжения поручил начальнику почтового ведомства Ладо следить за всей перепиской жителей Финляндии, перлюстрация писем вошла в «установленную» практику. Отныне вскрывалась вся «входящая» и «исходящая» из княжества корреспонденция, сведения которой послужили для Николая I основанием установить негласный надзор за членом Лиги Маннергейма Эренстрёмом¹⁴⁴. И хотя по указанию свыше Ладо должен был хранить в тайне факт перлюстрации (прежде всего от финляндского сената и статс-сек-

¹⁴⁰ Ibidem. S. 52. Так же: *Kalleinen K.* Op. cit. S. 107.

¹⁴¹ Надо отметить, что такие же меры предосторожности предпринимались финнами в личной переписке и при Александре I.

¹⁴² По сведениям Ладо, в Лигу входили: граф Маннергейм, президент Абоского надворного суда Виллебранд, прокурор Валлен, вице-председатель сената Гюлденстолпе, граф Аминофф, граф Ребиндер, государственный советник Эренстрём и др.

¹⁴³ *Nurmio Y.* Suomen sensuuriolot Venäjän vallan alkuaikoina vv. 1809—1829. S. 233.

¹⁴⁴ Ibidem. S. 232.

ретаря Р. Г. Ребиндера)¹⁴⁵, для общества перлюстрация была тайной Полишинеля. И все же в сети Ладо попадали сведения, представлявшие интерес для начальника края¹⁴⁶.

После удаления А. А. Закревского в 1831 г. с поста генерал-губернатора в его канцелярии, по свидетельству сенатора Фишера, был обнаружен «целый архив шпионской системы Закревского. Князь Меншиков (генерал-губернатор Финляндии с 1831 г. — Л. С.) разрешил мне запечатать эти тюки, никогда не справляться с ними и забыть, что такая система существовала»¹⁴⁷.

Шпионил не только А. А. Закревский. В 1826 г. на него поступил донос о его политической неблагонадежности, после чего на протяжении нескольких лет генерал-губернатор находился под негласным наблюдением III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии¹⁴⁸, которое распространило свою деятельность и на Финляндию. В этом же 1826 г. один из сотрудников этого отделения некто А. Д. Хуммель¹⁴⁹ совершает продолжительную поездку по Финляндии и собирает информацию о политических настроениях в княжестве. До 1809 г. Хуммель являлся шведским подданным, занимался журналистикой и литературным творчеством. В начале столетия оказался в составе шведского посольства в Петербурге, но с окончанием русско-шведской войны принял российское гражданство и был определен в III Отделение Министерства внутренних дел России, откуда, в связи с реорганизацией системы, был переведен под начальство А. Х. Бенкендорфа.

В своем отчете о поездке в Финляндию (10.12.1826 г.) шефу жандармов и главному начальнику III Отделения А. Х. Бенкендорфу¹⁵⁰ он листил себя надеждой, что полученные благодаря своим широким

¹⁴⁵ Kalleinen K. Suomen kenraalikuvernemantti. S. 263.

¹⁴⁶ Подробнее о содержании писем см.: Nurmio Y. Suomen sensuuriolot Venäjän vallan alkuaikoina vv. 1809—1829. S. 230—233.

¹⁴⁷ Записки сенатора К. И. Фишера // Исторический вестник. 1908. Т. 111. № 1. С. 51; Т. 112. № 4. С. 76.

¹⁴⁸ Граф Закревский под надзором III отделения // Русская старина. 1889. № 2. С. 386; Выскочеков Л. В. Финляндский генерал-губернатор А. А. Закревский. С. 24—25.

¹⁴⁹ Подробно о нем: Tommila P. Muuan suomalaisten tuttava Pietarissa A. D. Hummel // Historiallinen Arkisto. Osa 59. Turku, 1964. S. 277—420.

¹⁵⁰ Отчет опубликован: Korhonen K. Poimintoja Venäjän salaisen tiedottajan huomioista Suomessa vuonna 1826 // Historiallinen Aikakauskirja. 1961. № 3.

связям и доверительным контактам с влиятельными лицами в княжестве сведения «могут быть полезны правительству». Наряду с характеристиками губернаторов, через чьи владения от Выборга до Або пролегал путь А. Д. Хуммеля, он приводит сведения и об общественных настроениях в Финляндии.

По его мнению, полное слияние шведской Финляндии с Выборгской губернией, которая имеет наиболее прочные связи с империей и в которой обнаруживается наибольшее почитание верховной власти, потребует не менее 20 лет. По словам Хуммеля, именно выборгский губернатор в сравнении с остальными чиновниками княжества наиболее благосклонно относится к А. А. Закревскому. Но стоит только переехать на территорию присоединенной Финляндии, как говорить о влиянии России уже не приходится: полное господство шведских порядков, русская речь не слышна, служба в пользу империи подвергается уничижению. В наибольшей мере эта отчужденность от России заметна в Або, добраившись до которого, чувствуешь себя, почти как в Швеции, отмечал Хуммель.

Что же касается Гельсингфорса, где, по мнению Хуммеля, должны бы лучше всего знать А. А. Закревского, то именно здесь о нем довелось слышать наиболее резкие суждения, которые во многом объясняются плохими взаимоотношениями генерал-губернатора с некоторыми авторитетными деятелями местной администрации. Последние, подчеркивает Хуммель, в глазах финнов всегда будут правы, поскольку их гордость ущемлена тем, что во главе княжества стоит русский генерал-губернатор, а не финской или какой-либо другой национальности¹⁵¹. «Все, кто говорил мне о генерал-губернаторе, воздерживались от его критики в делах гражданского управления; но все единодушно хвалят и благодарят его за ту особенную и идеальную дисциплину, которая его усилиями воцарилась в воинских частях, расквартированных в Финляндии; говорят, что ему не следовало бы вмешиваться ни во что иное»¹⁵².

Заключая свой просторный рапорт, А. Д. Хуммель уверяет А. Х. Бенкендорфа в том, что тайная цель его поездки, во время которой он не вел записей, предпринимал отвлекающие ходы, не вызвала никаких подозрений, собеседники были вполне откровенны. «Используйте

¹⁵¹ Ibidem. S. 216.

¹⁵² Ibidem. S. 217.

эти сведения во благо и по своему усмотрению. Надеюсь на Ваше благородство. Для того чтобы и впредь быть полезным моему правителью, я должен избежать даже малейшей компрометации», — закончил свой отчет А. Д. Хуммель¹⁵³.

Его имя, как явствует из документов, осталось в тайне. Но текст отчета, написанного по-французски, перевели на русский язык и передали Закревскому для ознакомления и ответа императору¹⁵⁴. Реакция генерал-губернатора была предсказуемой. В объяснительной записке (28.12.1826 г.) на имя Николая I А. А. Закревский прежде всего оспаривает суждения «составителя рапорта» о состоянии дорог, ямской (почтовой) службы, земельных отношений и пр., утверждая, что случайный наблюдатель, не знакомый со страной, не может составить о ней верного представления.

Он также отводит обвинения в том, что в Финляндии до сих пор не знают русский язык, внедрение которого в административную и общественную жизнь страны за столь короткий срок, по убеждению А. А. Закревского, было просто невозможно. Подавляющая часть финского населения, оправдываясь он, до сих пор не говорит по-шведски, несмотря на несколько столетий шведского правления.

А. А. Закревский, по его словам, совершенно равнодушен к тому, как о нем отзываются в княжестве¹⁵⁵. Пытаясь объяснить природу негативных о себе отзывов, он еще раз обращается к конфликту с финляндским Сенатом, который, по его словам, заботился только о том, «чтобы им было хорошо», тогда как сам А. А. Закревский как «истинно русский человек» стоял на страже интересов и Финляндии, и России.

В общем 1826 г. стал заметным рубежом в генерал-губернаторстве А. А. Закревского, влияние которого на Николая I заметно возросло после отставки Аракчеева, произошедшей годом ранее. К этому времени ему удалось ликвидировать Комиссию финляндских дел и этим самым серьезно ограничить влияние статс-секретаря Р. Г. Ребиндера на принимаемые решения. Он добился права непосредствен-

¹⁵³ Ibidem. S. 219.

¹⁵⁴ Примечательно, что в русском переводе смягчены критические формулировки в адрес А. А. Закревского: Kansallinen Arkisto. NL mikrofilmi 167. H. M. Keisarin kanslian III osaston salainen arkisto. Asia 935. «Kertomus Suomesta». Folio 7—16.

¹⁵⁵ Korhonen K. Poimintoja Venäjän salaisen tiedottajan huomioista Suomessa vuonna 1826. S. 222.

ных докладов императору (которые делались в обход местного правительства) и тем самым расширил свои возможности по оказанию давления на Сенат, председателем которого он являлся по должности. И хотя инструкция для статс-секретариата точно определяла перечень дел, по которым генерал-губернатор мог докладывать императору, А. А. Закревский и последующие генерал-губернаторы отходили от этих ограничений и, вторгаясь в сферу статс-секретаря¹⁵⁶, докладывали также по важным вопросам финляндской политики¹⁵⁷.

В период правления А. А. Закревского, как уже указывалось выше, усилилось давление на прессу, была ужесточена цензура в отношении зарубежных новостей и иностранных «романов», практически завершена работа над новым академическим уставом¹⁵⁷, усилившим контроль над университетом и студенчеством.

Характеризуя финляндскую политику Николая I, А. Х. Бенкендорф пишет о «стараниях русского правительства умалить там значение конституции»¹⁵⁸. Генерал-губернатор А. А. Закревский не раз подчеркивал, что наиважнейшей его задачей является «достижение единения» между Великим княжеством Финляндским и империей, трактуя это единение в объединительном духе.

В известной мере эта политика «единения» княжества и империи была продиктована опасениями сохранявшегося шведского влияния на общественные настроения в Финляндии. В секретном отчете о деятельности III Отделения его шеф А. Х. Бенкендорф писал о том, что «кинсинации шведских патриотов возбуждают недовольство и поддерживают надежду, что в случае общей европейской войны, Финляндия могла бы вновь быть присоединена к Швеции»¹⁵⁹. Надо отметить, что финляндская политика имперского центра на протяжении почти всего XIX в. проводилась с оглядкой на Швецию, на возможности шведского реванша, на реакцию прошведски настроенных слоев финского общества.

В апреле 1828 г. А. А. Закревский, сохранив за собой пост генерал-губернатора Великого княжества Финляндского, был назначен ми-

¹⁵⁶ Jussila O. Suomen suuriruhtinaskunta. 1809—1917. S. 195—196.

¹⁵⁷ Новый университетский устав был принят в 1828 г.

¹⁵⁸ Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. // Красный Архив. 1929. Т. 6. С. 166.

¹⁵⁹ Там же.

нистром внутренних дел империи. В связи с возвращением в Санкт-Петербург он стал меньше внимания уделять Финляндии. Но еще до своего отъезда успел провести важное решение, касавшееся вопроса о предоставлении православным жителям княжества, которых насчитывалось около 35 тысяч человек, равных прав с лютеранами при замещении административных должностей¹⁶⁰.

Предоставление этих прав было лишь частью более широкой и многообразной «православной» проблемы, которая присутствовала во внутренней жизни Финляндии на протяжении всего периода автономии. По финляндским законам, унаследованным со шведского времени, во главе государства мог стоять правитель только лютеранского вероисповедания. Это ограничение, тем не менее, не помешало Александру I в декабре 1808 г. провозгласить себя Великим князем Финляндским, его верховным правителем, что свидетельствовало, прежде всего, о том, что Санкт-Петербург в тот момент не рассматривал присоединяемую Финляндию как некое особое государственное образование. Император был правителем и других «великих княжеств» — Смоленского, Волынского, Подольского, статус которых в рамках Российской государства был номинален. Теория о рождении финляндского государства появилась значительно позднее.

Православная проблема в Финляндии к 1825 г. обострилась в связи с обсуждением местными лютеранскими иерархами планов по обращению православного населения в лютеранскую веру. Потребовалось вмешательство самого Александра I, после чего судебный капитул Борго и архиепископ Тенгстрём призвали епископов отказаться от подобных планов в отношении «наших братьев во Христе». Об этой своей позиции Тенгстрём сообщил А. А. Закревскому в октябре 1825 г.

Уравнение православных и лютеран при замещении административных должностей в Финляндии было той проблемой, которая еще при Александре I весной 1825 г. породила открытый конфликт А. А. Закревского и местного правительства. Николай I встал в феврале 1826 г. на сторону генерал-губернатора и указал сенату «искомую черту поведения». Сенат и прокурор княжества, тем не менее, обратили внимание А. А. Закревского на то, что вопросы церкви и вероиспо-

¹⁶⁰ О взаимоотношениях лютеранской и православной церквей в Финляндии в 1811—1826 гг. см.: *Danielson-Kalmari J. R. Tien varrelta kansalliseen ja valtiolliseen itsenäisyyteen. IV, Idän ja lännen taistelua Karjalassa. Porvoossa*, 1931. S. 137—182.

ведания относятся к категории основных законов Финляндии, изменение которых требует рассмотрения на сейме.

Вопрос о его созыве вновь стал предметом обсуждения на самом высшем уровне. Имперская власть, не уверенная в том, что депутаты сейма примут «правильное» решение об уравнении православных в правах с лютеранами, запросила от статс-секретаря Р. Г. Ребиндера соответствующих гарантий, которые он с некоторыми оговорками предоставил. В итоге решение вопроса было Николаем I отложено с резолюцией «до имеющего быть созыва Земских Чинов».

Сейм, на котором должны были присутствовать делегаты от всех палат (дворянской 250 человек, духовной 10, бюргерской 25, крестьянской 30 человек)¹⁶¹, планировалось провести в Выборге в конце 1826 г. или в начале следующего года. Николай I лично намеревался открыть его заседание. Но после личного доклада А. А. Закревского император от созыва сейма отказался («обязательства и попечения... не позволяют Нам ныне созвать Земских Чинов великого Княжества...»), и вопрос о гражданских правах православного населения был решен административным путем. Соответствующий манифест был подготовлен Р. Г. Ребиндером и обнародован 2 (14) августа 1827 г.¹⁶²

Как отмечал граф А. Х. Бенкendorф в своем ежегодном отчете о деятельности III Отделения, «указ о допущении православных к занятию должностей в Финляндии произвел неблагоприятное впечатление. Финны смотрят на него, как на нарушение своих привилегий и обеспокоены последствиями, которые может повлечь за собой преведение в жизнь идущих вразрез с их законами указов...»¹⁶³.

Вопрос о возможном созыве финляндского сейма окончательно был положен под сукно в связи с Французской революцией и польским восстанием 1830 г., после подавления которого Манифестом «О новом порядке управления и образования Царства Польского» Николай I отменил польскую конституцию и ликвидировал польский сейм.

¹⁶¹ Halila A. Porvoon valtiopäivät ja autonomian alkuaika // Suomen kansanedustuslaitoksen historia. Osa I. Helsinki, 1962. S. 560.

¹⁶² Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 548; Kalleinen K. Op. cit. S. 108.

¹⁶³ Гр. А. Х. Бенкendorф о России в 1827—1830 гг. // Красный Архив. 1929. Т. 6. С. 155.

Как уже отмечалось, многие высокопоставленные представители финляндской администрации сами не были заинтересованы в реанимации сеймовой деятельности. Они видели в ней угрозу своему авторитету и собственному положению в устоявшейся системе власти. С укреплением бюрократических основ управления, характерных для николаевской эпохи, расчеты на возобновление сеймовой деятельности в Финляндии становились все более призрачными, если не сказать — ненужными. Правящая верхушка видела в наступившей «стабильности» лучшую гарантию от каких-либо перемен, в том числе и тех, которые могли бы быть инициированы противниками финляндской автономии в самой империи.

В общественном мнении проблема народного представительства теряла свою былою актуальность, и полное торжество бюрократии воспринималось в Финляндии без протестов и какой-либо оппозиционной деятельности.

В итоге централизация управления Великим княжеством Финляндским была налицо. По справедливому замечанию О. Юссила, с А. А. Закревского в истории Финляндии начинается период сильных генерал-губернаторов, серьезно ослабивших позиции Сената, продолжавшийся до начала 60-х гг. XIX в.¹⁶⁴

Генерал-губернатор А. С. Меншиков и финляндская автономия

Став в 1828 г. министром внутренних дел империи, А. А. Закревский еще на протяжении трех лет, находясь в Санкт-Петербурге, исполнял обязанности финляндского генерал-губернатора. Отставка последовала 19 ноября (1 декабря) 1831 г.

Его преемником на этом посту стал светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков (1831—1854), который являл собою полную противоположность А. А. Закревскому. А. С. Меншиков получил прекрасное образование в Дрездене. Свободно владел несколькими иностранными языками. Свою служебную карьеру он начинает на российской дипломатической службе в Берлине, Лондоне, Вене, которая пришлась на период наполеоновских войн. В эти годы он знакомится со шведским генералом Г. М. Армфельтом (будущим влиятельным председателем Комиссии финляндских дел и одним из своих будущих

¹⁶⁴ Jussila O. Suomen suuriruhtinaskunta. 1809—1917. S. 385.

родственников)¹⁶⁵, а также с другими шведскими офицерами. Изучает шведский язык.

С 1809 г. А. С. Меншиков на военной службе, принимает участие в русско-турецких войнах первой трети XIX в., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. В 1829 г. в должности начальника Главного морского штаба он принял командование над морскими силами Российской империи, и назначение на должность финляндского генерал-губернатора (после несостоявшегося назначения на этот пост барона Толля) стало для А. С. Меншикова столь же неожиданным, как в свое время для А. А. Закревского. Разница заключалась лишь в том, что А. С. Меншиков не был освобожден от своих «морских» обязанностей и вынужден был совмещать эти должности¹⁶⁶.

А. С. Меншиков прекрасно понимал изъяны подобного решения и в одном из своих писем Р. Г. Ребиндеру [8 (20) августа 1832 г.] он писал: «Не могу, как следует, исправлять эту должность, так как невозможно управлять административным местом в Петербурге и быть генерал-губернатором в Финляндии, управляя ею в Петербурге. Не знаю, как согласовать эти две крайности»¹⁶⁷. Действительно, за все годы своего генерал-губернаторства А. С. Меншиков всего несколько раз бывал в Финляндии, и эти визиты были, как правило, связаны либо с пребыванием в княжестве особ царствующего дома, либо с поездками в Швецию по делам, к Финляндии отношения не имеющим. Поэтому для решения текущих дел при А. С. Меншикове в Санкт-Петербурге была создана специальная канцелярия по делам Финляндии, возглавил которую К. И. Фишер (1835—1851), оставивший пространные воспоминания о своей деятельности в этой должности¹⁶⁸. В самом княжестве заседания сената и всю текущую работу вел помощник А. С. Меншикова генерал-лейтенант А. А. Теслефф.

¹⁶⁵ Kalleinen K. «Isänmaani onni on kuulua Venäjälle» — vapaaherra Lars Gabriel von Haartmanin elämä. Helsinki, 2001. S. 99.

¹⁶⁶ Из воспоминаний Э. И. Стогова: «Кабинет его был в большой комнате, по стенам которой стояло много отдельных столов, заваленных бумагами. ... Каждый стол был назначен особому управлению, так как князь много имел должностей... Эта гениальная голова переходила от стола к столу и равно легко занималась самыми разнообразными предметами»: Записки Э. И. Стогова // Русская старина. 1903. Апрель. С. 138.

¹⁶⁷ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 168.

¹⁶⁸ Записки сенатора К. И. Фишера // Исторический вестник. 1908. Т. 111—114.

В отличие от А. А. Закревского, который находился в натянутых отношениях с влиятельными лицами финляндского княжества, А. С. Меншиков, обладавший деятельным умом и утонченным искусством светского общения, сумел быстро добиться их расположения, тем более что оно не требовало вмешательства переводчика. Новый генерал-губернатор, в отличие от своего предшественника, не был склонен принимать поспешных решений, особенно тех, которые могли иметь непредвиденные последствия. У Меншикова сложились нормальные рабочие контакты со статс-секретарем Ребиндером и его преемником на этом посту А. Армфельтом, с фактическим главой финляндского правительства бароном фон Гартманом и другими представителями местной правящей элиты. Она же видела в лице могущественного А. С. Меншикова¹⁶⁹, который был близок к императору и пользовался его благосклонностью, именно ту политическую фигуру, которая сможет обезопасить автономный статус Финляндии от возможных потрясений.

В 1833 г. А. С. Меншикову, не пробывшему в новой должности и двух лет, было предоставлено финляндское гражданство, которое, по одной из конспирологических версий¹⁷⁰, должно было теснее привязать его ко «второй родине» и побудить таким образом к более заинтересованному отстаиванию интересов княжества. При этом светлейший князь А. С. Меншиков занял первое место среди финляндского дворянства, поскольку в рядах последнего не было ни одного представителя подобного ранга.

Несмотря на кажущуюся отстраненность от Финляндии, А. С. Меншиков был хорошо информирован о положении в княжестве и крепко держал нити управления в своих руках. Показательно, что по распоряжению Николая I именно генерал-губернатор, а не министр статс-секретарь представлял на окончательное рассмотрение императора большую часть важнейших законопроектов, касавшихся торговли, таможни и финансов Финляндии¹⁷¹. Вице-председатель сената фон Гарт-

¹⁶⁹ В 1830 г. — член Государственного совета, 1833 г. — произведен в адмиралы, сопровождает Николая I в заграничных поездках и выполняет его дипломатические поручения. В 1832 г. награжден алмазными знаками к ордену Александра Невского, в 1833 г. — орденом Святого Владимира 1-й степени и пр.

¹⁷⁰ Jussila O. Suomen suuriruhtinaskunta. 1809—1917. S. 200, 203.

¹⁷¹ Kalleinen K. Suomen kenraalikuvernemantti. S. 168.

ман фактически стал экономическим советником генерал-губернатора. Этот тандем определял основные направления хозяйственной политики финляндского сената, вел курс на ограничение экономического присутствия Швеции на финляндском рынке и на переориентацию торговых связей княжества на Россию¹⁷².

А. С. Меншиков был знаком со шведским законодательством, действовавшим в Финляндии, и это помогало ему в дискуссиях с министрами и членами Госсовета в тех случаях, когда у них возникали поползновения распространить на княжество некоторые нормы российской административной системы. Благодаря прокурору Валлену, который представил А. С. Меншикову несколько справок о месте сейма в системе административного управления Финляндией, он имел полное представление также и о его полномочиях, хотя А. С. Меншиков, как и А. А. Закревский, был решительным противником представительной формы правления.

Вскоре после вступления в должность А. С. Меншикову в 1832 г. была подана записка, в которой неназванный автор писал о «живейшем желании нации» восстановить естественную связь между нею и монархом, поскольку нация по своей конституции имеет священное право, чтобы ее выслушали¹⁷³. Робкие надежды на созыв сейма, который не собирался с 1809 г., высказывались и в середине 1830-х гг.

Записка неизвестного автора об аристократических партиях в Финляндии (1832 г.)

«Аристократическая партия.

Разные дворянские фамилии при присоединении Финляндского княжества к Российской империи достигли до первых должностей по управлению края, в скором времени составили там аристократическую партию, которая, к сожалению, занимаясь только личными, нередко жертвовала выгодами правительства. Вся их родня и лица, разделявшие с ними преимущества родства или состоявшие в других с ними связях, были предпочтительно определены по службе, и вес их в первом правительственном месте простирали их влияние и на все отрасли управления.

¹⁷² Подробнее см. главу об экономике Финляндии.

¹⁷³ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 330.

.....
Аристократия должностных лиц.

Граф Закревский тотчас по принятии управления Великим княжеством, с решимостью, но без пристрастия, уничтожил сию дворянскую партию, но аристократический зародыш нельзя было совсем удушить, и составилась мало по малу другого рода партия, аристократия должностных лиц, которая старается присвоить всякое влияние на управление края исключительно чиновникам и нередко во уважение собственной пренебрегает общую пользу.

Аристократия сия, которая всегда исподволь распространяется, может со временем сделаться не менее опасною, как первая, для благосостояния края, если не будет благовременно устранена».

Документ РГА ВМФ опубликован: *Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире. С. 86—87.*

Но самой серьезной попыткой такого рода следует считать официальное мнение (1838 г.) возглавлявшегося фон Гартманом комитета, который, придерживаясь основных законов княжества, видел в созыве сейма единственную возможность увеличить доходы княжества¹⁷⁴. Однако расчеты на созыв сословий, принимая во внимание судьбу польского сейма и отношение Николая I к представительной форме правления¹⁷⁵, потерпели полный провал, что, естественно, не могло не вызвать приглушенного недовольства в обществе.

Задача А. С. Меншикова сводилась к тому, чтобы ситуация в Финляндии не стала предметом беспокойства и озабоченности в прави-

¹⁷⁴ Новые налоги были прерогативой сеймовых сословий.

¹⁷⁵ Пространные высказывания Николая I о различных формах правления хорошо известны. Во время беседы с французским маркизом де Кюстином в 1839 г. он говорил: «Мне понятна республика, это способ правления ясный и честный, либо, по крайней мере, может быть таковым; мне понятна абсолютная монархия, ибо я сам возглавляю подобный порядок вещей; но мне непонятна монархия представительная. Это способ правления лживый, мошеннический, продажный, и я скорее отступлю до самого Китая, чем когда-либо соглашусь на него». В своей знаменитой книге де Кюстин дословно приводит слова императора: «Я сам возглавлял представительную монархию и в мире знают, чего мне стоило нежелание подчиниться требованиям ЭТОГО ГНУСНОГО способа правления... Больше я никогда не буду конституционным монархом»: Кюстин А. Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 1. С. 211.

тельственных сферах империи и, прежде всего, у самого Николая I. Один из основных принципов генерал-губернатора А. С. Меншикова по управлению княжеством заключался, по его словам, в том, что «из Финляндии не должно быть слышно ни хорошего, ни плохого»¹⁷⁶. Он внимательно следил за тем, чтобы всплеск негативных общественных настроений в княжестве не был спровоцирован какими-либо действиями российских чиновников.

Наиболее серьезной угрозой автономному статусу княжества могла стать кодификация финляндских законодательных актов на основе систематизации только что составленного Свода законов Российской империи, который вступил в силу в январе 1835 г. Фактически эти планы, разработанные ради «сближения местных постановлений с общеимперскими», вели к пересмотру основных законов Финляндии, которые уходили корнями в шведское законодательство предыдущих столетий.

В июне 1835 г. кодификационной комиссии Валлена было поручено приступить к сбору и систематизации многочисленных, разбросанных по ведомствам и эпохам актов, которые необходимо было свести в единый, удобный для пользователя Свод финляндских законов¹⁷⁷. Граф Д. Н. Блудов (в 1830-е гг. он стоял во главе как Министерства внутренних дел, так и Министерства юстиции) считал нынешнее законодательство Финляндии устаревшим и запутанным¹⁷⁸.

Предложения комиссии были готовы к 1840 г., после чего они по распоряжению А. С. Меншикова подверглись оценке специально созданного ревизионного комитета, который нашел, что подготовленный проект полностью разрушает привычную и устоявшуюся систему финляндского законодательства. Комитет, апеллируя к обещанию Николая I сохранять «в ненарушимой и непреложной силе» финские законы, просил его оставить Общий закон 1734 г. в неприкосновенном виде, подчеркивая, что всякие его изменения требуют к тому же созыва сейма.

¹⁷⁶ Jussila O. Suomen perusutuslait... S. 162.

¹⁷⁷ Kekkonen J. Suomen oikeuden historiallisia kehityslinjoja. Helsinki, 1999. S. 17; Краткая предыстория кодификации: Blomstedt Y. Rikoslakireformin ensimmäiset vaiheet vuoden 1866 osittaisuudistuksiin saakka. Hist. Arkisto. Osa 59. Turku, 1964. S. 421—426.

¹⁷⁸ Kalleinen K. Suomen kenraalikuvernemantti. S. 174—175.

Началось затяжное бюрократическое противостояние *pro et contra*, в котором генерал-губернатор А. С. Меншиков встал на сторону финляндского княжества. Его аргументы, если кодификация будет проведена по российской образцу, были из арсенала возможных неблагоприятных для России общественно-политических последствий. В 1841 г. в секретном письме министру юстиции Д. Н. Блудову А. С. Меншиков писал, что «в делах, касающихся финляндских законов, необходима особенная осторожность, дабы не потрясти недавно укоренившегося доверия и сим не отдалить времени нравственного Финляндии с Империо единства, к которому она уже столь пристально продвинулась»¹⁷⁹. А. С. Меншиков особо подчеркивал лояльность Финляндии имперскому трону в обстановке, когда «во многих нациях и даже в завоеванных Россиею областях отзывались более или менее внушениям пропаганды».

Здесь следует отметить, что позиция А. С. Меншикова, продиктованная тактическими соображениями, сформировалась не без влияния высокопоставленных чинов финляндской администрации — Р. Г. Ребиндера, А. Армфельта, фон Гартмана, которые убедили генерал-губернатора в том, что кодификация вызовет волнения и ослабит расположение финнов к императору¹⁸⁰. Именно этот аргумент А. С. Меншикова, донесенный им до Николая I, оказался решающим. В январе 1847 г. он повелел приостановить кодификацию законов Финляндии на неопределенное время¹⁸¹. Новые попытки кодификации, предпринятые во второй половине XIX в., также оказались безуспешными, и законодательство шведского времени было отменено в Финляндии лишь в 1919 г.

¹⁷⁹ Цит. по: *Бородкин М.* История Финляндии. Время императора Николая I. С. 342.

¹⁸⁰ *Jussila O.* Suomen perustuslait... S 204—207.

¹⁸¹ В одном из своих писем 1847 г. Я. К. Грот писал П. А. Плетневу: «...финляндцы благословляют кн. Меншикова за пришедшее недавно известие, что составление свода финляндских законов Высочайше повелено прекратить»: *Грот Я. К.* Переписка Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. III. С. 14. Именно за эту услугу финны подарили А. С. Меншикову имение Аннала: *Kalleinen K.* «*Isänmaani onni on kuulua Venäjälle*» — *vapaaherra Lars Gabriel von Haartmanin elämä*. S. 165.

Отказ от кодификации финляндских законов, тем не менее, не уберег Финляндию от обострения общественно-политической ситуации, которая была спровоцирована не внутренними, а внешними факторами — европейскими революциями 1848 г. Борьба имперского центра и генерал-губернатора А. С. Меншикова против «деморализующих учений», опасных для устоев господствовавшего общественного порядка, будет рассмотрена в следующей монографии.

Глава 3

Экономика автономной Финляндии

Экономическая политика в русле умиротворения Финляндии

Политика Александра I по умиротворению Финляндии не ограничилась предоставлением ей особого автономного статуса в административно-управленческой сфере. Необходимо было привлечь на свою сторону не только дворянские круги Финляндии, но и остальные, непривилегированные сословия княжества, которые в разных формах были связаны с его хозяйственной жизнью.

Поэтому еще в июньском манифесте 1808 г. к финскому народу, обнародованном в самый разгар военной кампании, Александр I посчитал нужным особо остановиться на экономических перспективах Финляндии: «Земледелие ваше, торговля, промыслы, все источники народного богатства и благосостояния воспримут новую жизнь и расширение. Мы познаем вскоре все ваши нужды и не умудлим простирасть вам руку помощи и облегчения»¹. В первую очередь следовало успокоить основную массу населения — финское крестьянство, составлявшее к тому же значительную часть регулярных частей, боровшихся против русских войск, и принимавшее участие в спонтанных сражениях «народной войны».

Призывая финских солдат (по сути, крестьян) скорее покончить со службой в шведских войсках, Александр I был готов принять их «как верных подданных Наших и заблуждения их навсегда изгладить из памяти Нашей...»². Уже на начальном этапе войны в Финляндии были ликвидированы так называемые «внутренние таможни», которые взыскивали с крестьян пошлину, когда они приезжали в города для продажи своих товаров. Крестьяне были также освобождены от чрезвычайных налогов, первоначально предназначавшихся для уплаты шведского государственного долга, но сохранившихся в Финляндии на протяжении всего периода автономии. Положение

¹ Манифест о присоединении Финляндии 5 (17) июня 1808 г. // Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 133—134.

² Там же.

крестьян было облегчено списанием с них всех недоимок за прошлые годы.

По мере того как к исходу 1808 г. стала формироваться новая политическая линия в отношении будущего устройства финляндских дел, Александр I помимо заверений о сохранении старых шведских законов, религии и привилегии сословий обещал также не вводить в Финляндии крепостническую систему, чего более всего опасались финские крестьяне, никогда крепостничества не знавшие.

После известной аудиенции у императора в конце ноября 1808 г. финская депутация представила Александру I составленную в эти же дни петицию о первоочередных мерах по нормализации положения в Финляндии. Именно экономические просьбы составляли подавляющую часть прошения, что было вполне естественно, принимая во внимание состояние хозяйственной жизни в условиях войны. Среди высказанных пожеланий значились: возмещение ущерба, причиненного русскими войсками; продолжение выплат прежних зарплат и пенсий; более равномерное распределение ямской и подводной повинности; организация постоянной армии и торговли солью; создание специальной конторы по обмену бумажных рублей и зерновых складов на случай голодных лет. Особый раздел составляли просьбы о возвращении из плена финских солдат и помиловании тех, кто служил в шведской армии и хотел бы вернуться на родину³.

Эта петиция, после ее изучения и одобрения специально сформированным комитетом в составе военного министра А. Аракчеева, генерал-губернатора Г. М. Спренгтпортена и графа А. Н. Салтыкова, была представлена Александру I, который утвердил мнение комитета о необходимости решить перечисленные проблемы.

Из четырех вопросов, обсуждавшихся на Боргоском сейме, проблемы экономики — о взимании податей и о монетной системе — составляли половину утвержденной повестки дня⁴. При этом надо отметить, что, несмотря на отсутствие у сейма права принимать собственные постановления, рекомендации депутатов, тем не менее, имели определенный политический вес, поскольку их реализация центральной властью закладывала основу для формирования национальной экономики Финляндии.

³ Jussila O. Suomen suuriruhtinaskunta. S. 62—63.

⁴ См. раздел «Высочайшие манифести и собрание сословий в Борго».

Рождение местного правительства в октябре 1809 г., в структуре которого хозяйственный департамент и подчиненные ему центральные административные учреждения играли главную роль, не означало, однако, что финляндские власти получили полную свободу при определении экономической политики княжества. Основные направления этого курса — денежная политика, таможенные установления, внешняя торговля — зависели от решений, принимавшихся в Санкт-Петербурге, прежде всего в недрах министерства финансов империи. Во внутренних хозяйственных делах деятельность местного правительства (с 1816 г. — Сената) находилась под контролем генерал-губернатора.

Именно денежная и таможенная политика имперского центра в наибольшей степени формировала экономические параметры финляндской автономии. Еще в условиях продолжавшейся войны российские ассигнации были объявлены законным платежным средством. На Боргоском сейме делегаты признали русский серебряный рубль («пока Финляндия не обзаведется своей валютой») основной денежной единицей княжества. Но имперское правительство, несмотря на стремление всячески ослабить связи Финляндии с ее бывшей метрополией, все же было вынуждено допустить хождение шведского риксталера. Отказ от него привнес бы дезорганизацию в вековые торговые связи со Швецией, которая оставалась важным торговым партнером Финляндии еще продолжительное время.

Важным условием формирования национальной экономики Финляндии было предоставленное ей право оставлять все доходы, получаемые казной от предпринимательской деятельности и налогообложения, в распоряжении местного правительства и не перечислять их в имперскую казну.

Вопрос о монете был решен высочайшим манифестом от 17 (29) декабря 1809 г., по которому российский серебряный рубль становился главным платежным средством в Великом княжестве Финляндском. Шведский риксталер, принимавшийся для частных расчетов в торговой и предпринимательской сфере, не мог использоваться для уплаты казенных платежей. Через год последовал, однако, новый указ, который полностью выводил шведский риксталер из обращения. Но житейские реалии были сильнее административных постановлений. Сохранявшаяся торговля со Швецией делала свое дело, и в конце 1812 г.

центральная власть вынуждена была отменить свои прежние запреты, и талер имел законное хождение в Финляндии вплоть до 1840 г. Наступивший «монопольный» период русского рубля был непродолжительным, поскольку уже с 1860 г. в Финляндии в оборот вводится своя национальная денежная единица — финская марка. Таким образом, путь к ней занял несколько десятилетий. Но первый кирпич в фундамент финансовой автономии княжества был заложен все же значительно раньше.

Делегаты Боргоского сейма, как указывалось ранее, высказались за создание собственного банка. Вопрос о нем был решен в декабре 1811 г. учреждением «вексельно-заемно-депозитной конторы для Великого княжества Финляндского» с уставным капиталом в два миллиона рублей. Через некоторое время «контора» была переименована в «Учётно-сохранно-займный банк», который был подчинен хозяйственному департаменту финляндского правительства. Его задача заключалась в оказании содействия частным лицам в погашении ими своих долгов в Швеции, в поддержке сельского хозяйства и торговли. Но на деле в первые десятилетия XIX в. контора все же не стала финансовым центром экономической жизни княжества. Она была не в состоянии кредитовать промышленность, торговлю и сельское хозяйство. Эти функции взяли на себя крупные торговые дома.

Торговые дома

Вторая четверть XIX в. — время расцвета торговых домов, которые появились в Финляндии еще в XVIII в. и поначалу являлись лишь посредниками между производителями и покупателями товаров. Но со временем, в условиях неразвитости банковской системы, торговые дома стали играть роль кредитных организаций, они становятся крупными собственниками торгового флота, начинают приобретать лесопильные и иные промышленные предприятия.

Местный Сенат проводил унаследованную со шведского времени политику меркантилизма с ее привилегиями отдельным торговым домам и массой ограничений для свободного предпринимательства. Получение разрешений на ведение торговли напрямую зависело от решений финансовой комиссии Сената, влиятельные чиновники которой нередко сами были доверенными лицами торговых домов и крупными землевладельцами.

В итоге к середине XIX в. торговые дома Финляндии владели 86 % тоннажа всех финских судов, они кредитуют такие крупные производства, как Фискарс, Форсса и т. д. Большая часть активов торгового дома Петтера Мальма была вложена в заграничные облигации, в капиталы компаний в Лондоне, Стокгольме и Петербурге.

Одна из важнейших задач «финского банка» заключалась в вытеснении из финансовой сферы княжества шведского риксталера, что постепенно достигалось с помощью российских займов. Но несмотря на частичные успехи (лишь с начала 1820-х гг. сбор налогов и содержание чиновников полностью стали обеспечиваться русским рублем), процесс шел с большими трудностями из-за сопротивления торгового и купеческого капитала, заинтересованного в шведском риксталере⁵.

Окончательно он был вытеснен из Финляндии в 1840 г., что положительно сказалось на развитии страны, поскольку она обрела единообразное платежное средство, оказавшее позитивное влияние на интеграционные процессы в экономической жизни княжества. Торговые связи со Швецией окончательно перешли в разряд «внешней торговли», принципы и направления которой определялись Санкт-Петербургом.

Обсуждая внешнеторговые дела, делегаты Боргского сейма выразились за сохранение старого шведского меркантилистского торгового законодательства 1724 г., разрешавшего ввозить товары только на кораблях той страны, где эти товары были произведены (знаменитый закон о Продукт-плакате). Они также призывали к сохранению системы особых (стапельных) прав, предоставляемых городам для ведения внешней торговли. В бургерском сословии Боргского сейма крупный предприниматель Петер Иохан Блад ратовал за широкие внешнеторговые права Финляндии и за введение отдельного для нее таможенного тарифа⁶. О сохранении прибрежного крестьянского каботажного плавания и расширении его до российских портов ходатайствовали делегаты дворянского и крестьянского сословий.

⁵ Åström S.-E. Suomen talouspolitiikka ja valtionalous 1809-1860 // Suomen taloushistoria. 1. Agraarinen Suomi. Helsinki, 1980. S. 340—342.

⁶ Joustela K. E. Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809—65. Helsinki, 1963. S. 32.

О значении шведской торговли для экономики Финляндии говорит тот факт, что условия взаимного товарообмена были специально оговорены статьей Фридрихсгамского мирного договора. Эти условия по инициативе Стокгольма были пролонгированы в 1811 г. и еще раз подтверждены в российско-шведском союзном договоре 1812 г.

**Мирный трактат,
заключенный в Фридрихсгаме
5 (17) сентября 1809 г.**

Ст. XVII. «Поелику Области, присоединенные к Российской Империи, по силе сего Трактата, имеют со Швецией по торговым отношениям связь, которую долговременная привычка, соседство и взаимные нужды сделали почти необходимой, то Высокие договаривающиеся стороны, равномерно желая сохранить для их подданных сии сношения, взаимно им полезные, положили принять надлежащие меры к утверждению оных. Но доколе не будет сей предмет с точностью и обоюдно определен, Финляндцам позволяет из Швеции вывозить руды, железо в крицах, известь, камни для строения плавильных печей и вообще всякие другие произведения земли сего Королевства.

Во взаимство того Шведы могут из Финляндии вывозить скот, рыбу, хлеб, холст и смолу, доски, деревянную всякую посуду, строевой и дровянной лес и вообще все другие произведения земли сего Великого княжества.

Сия торговля будет восстановлена и в точности соблюдена до 1/13 октября 1811 года, на том самом основании, на каком она была до войны; она не будет ни под каким предлогом запрещаема, ниже отягощаема какою либо пошлиной, кроме той, какая могла быть наложена до последней войны, за исключением, однако, ограничений, кои политические отношения обоих народов могут сделать необходимыми».

Цит. по: Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 117—124.

Из текста договора видно, что Финляндия могла по-прежнему ввозить высококачественную шведскую руду для своих металлургических предприятий, поставляя взамен продукты животноводства и зерновые, в которых нуждалась Швеция.

Организация таможенной службы финляндского княжества с учетом изменившихся условий началась сразу же после подписания Фридрихсгамского мирного договора. Первые проекты стали разрабатываться уже осенью 1809 г. в специально созданной таможенной комиссии Э. Тулленберга, рекомендовавшей, помимо прочего, даже отказ от меркантилизма в экономической политике и от Продукт-плаката 1724 г. во внешней торговле. Но эти либеральные идеи, опережавшие время и не совместимые с обстановкой в охваченной войной Европе, были отвергнуты — не в последнюю очередь из-за протеста министра финансов Д. А. Гурьева. Рекомендации Боргоского сейма о сохранении в Финляндии старых шведских установлений легли в основу таможенной политики имперского центра⁷.

Правительство Александра I сохранило за 13 финляндскими статевыми городами их право вести самостоятельную внешнюю торговлю; остальные прибрежные города Финляндии по-прежнему могли торговать в акватории Балтийского моря; сохранялась и прибрежная каботажная торговля финского крестьянства товарами собственного производства. Торговые связи со Швецией, несмотря на желание официального Петербурга всячески ослабить прошведскую ориентацию финляндского княжества с его бывшей метрополией, продолжали сохраняться. Но неблагоприятная для Финляндии торговая политика Швеции, которая стала ограничивать беспошлинный привоз финских продуктов сельского хозяйства, сама способствовала переориентации финляндской торговли на восток⁸. По торговым соглашениям (1817, 1834 и 1838 гг.) условия шведской торговли в княжестве были существенно ограничены, а с 1844 г. можно говорить о том, что с прежним привилегированным положением Швеции на финляндском рынке было полностью покончено.

Но шведская проблема, естественно, не могла заслонить собой необходимость урегулирования русско-финляндских торговых отношений, вставших на повестку дня в связи с присоединением Финляндии к Российской империи. Еще на раннем этапе войны 1808—1809 гг. командующий русскими войсками в Финляндии генерал фон Буксгев-

⁷ Joustela K. E. Op. cit. S. 36.

⁸ Korpisaari P. Suomen ulkomaan kaupasta vv. 1812—25. Kauppahistoriallinen tutkimus. Kotkassa, 1911. S. 71.

ден излагал Александру I и министру иностранных дел графу Н. П. Румянцеву свое мнение о той заметной роли, которую может сыграть Финляндия с ее лесными богатствами и развитым судостроением для экономической жизни России и торговли Санкт-Петербурга⁹. 26 февраля 1808 г. был издан императорский указ «О снятии в Финляндии состоящих на прежней границе таможен и таможенных застав»¹⁰. Судоходство между портами России и Финляндии было объявлено беспрепятственным. Товарообмен между империей и княжеством стал, таким образом, совершенно свободным¹¹. *Все эти меры лишний раз свидетельствовали о том, что на этом этапе имперское правительство не планировало предоставления Финляндии какого-либо особого статуса. Все говорило о том, что Финляндия полностью инкорпорируется в состав Российской государства в качестве завоеванной провинции.*

Однако уже в ближайшее время обнаружилась отрицательная сторона такого «бесконтрольного» финляндского ввоза на российский рынок. Беспошлинный транзит иностранных товаров, прежде всего шведских, через территорию Финляндии в Россию заставил имперское правительство в ноябре 1811 г. восстановить таможенную цепь, которая располагалась между Выборгом и Кексгольмом, а после присоединения Выборгской губернии к «шведской» Финляндии перенести ее на российскую сторону.

Эти меры имели своим следствием образование в княжестве собственного таможенного ведомства (1812 г.) и превращение Финляндии в особую таможенную территорию в рамках империи. Финская сельхозпродукция и кустарные изделия допускались на российский рынок беспошлинно и без количественных ограничений. Остальные товары ввозились на основе предоставленных финляндской стороны свидетельств об их «местном происхождении». В 1830 г. финские суда были уравнены с русскими в их правах при заходе в российские гавани и порты.

⁹ Osmonsalo E. Suomen valtion perustaminen // Suomen historian käsikirja. Osa II. Helsinki, 1949. S. 103.

¹⁰ Указатель узаконений, относящихся до Великого княжества Финляндского. 1649—1808. СПб., 1901. С. 53.

¹¹ Harmaja L. Suomen tullipolitiikka Venäjän vallan aikana. Edellinen osa vuoteen 1859. Helsinki, 1920. S. 657—658.

Практически все тарифы, регламентировавшие внешнюю торговлю финляндского княжества, были слепками с имперских калек, которые видоизменялись применительно к конкретным местным условиям. Но, как отмечал К. Раухала, в период правления Александра I при разработке имперских тарифов и их модификаций для княжества центральная власть принимала во внимание пожелания финляндских властей и даже отказывалась от некоторых своих проектов, если они нарушали предоставленные Финляндии права¹².

Возможности финского экспорта на российский рынок были существенно расширены тарифом 1835 г., после чего доля России во внешней торговле Финляндии выросла до 40 %. В середине столетия, когда финская промышленность сделала определенные успехи в развитии ряда отраслей производства (металлургия, текстильная промышленность и др.), в Финляндии стали звучать голоса о новом пересмотре условий русско-финляндской торговли. Наиболее четко эта позиция проявилась в 1856 г., во время работы т. н. «промышленного комитета» Финляндии¹³, который обратил внимание на четырехкратное превышение российского импорта в княжество над вывозом финляндских товаров в Россию. После того как Александр II отметил эти диспропорции финляндско-российской торговли, очередной пересмотр ее условий состоялся в 1858 г. Новый русско-финляндский торговый тариф предоставил Финляндии практически неограниченные экспортные возможности, поскольку даже сохранившиеся квоты превышали производственные мощности промышленных отраслей Финляндии¹⁴.

Основные этапы экономической политики Сената

Унаследованные со шведского времени принципы меркантилизма определяли, правда с небольшими отклонениями, характер деятельности финляндского правительства на всем протяжении первой половины XIX в. В первые десятилетия после присоединения Финляндии, когда основой ее экономики было сельское хозяйство, забота

¹² Rauhala K. W. Tullisuhteiden järjestämisestä Suomen ja Venäjän välillä vuosina 1808—1817 // HAIK. 1910. № 4. S. 126.

¹³ Kovero M. Suomen kotimarkkinateollisuus. Helsinki, 1928. S. 302.

¹⁴ Суни Л. В. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX в. (1858—1885). Тарту, 1963. С. 42—43, 50—51 и др.

о его благополучии и поддержке составляли суть административных усилий финляндского Сената, поскольку земельный налог был основным источником пополнения казны¹⁵. Все остальные отрасли экономики рассматривались не иначе, как необходимые условия для развития аграрного сектора экономики.

В период правления генерал-губернатора А. А. Закревского, с появлением в княжестве первых крупных промышленных заведений, прежняя политика Сената претерпевает некоторые изменения: вводятся высокие таможенные барьеры и как результат — сокращение внешнеторговых оборотов и финансовых поступлений в казну, рост контрабандной торговли.

Заканчивается первая половина XIX в. эпохой Ларса Габриэля фон Гартмана (1789—1859), одного из наиболее влиятельных руководителей финляндского Сената николаевского времени. Убежденный консерватор и аристократ, прекрасно образованный (в том числе и в экономической области), Л. Г. фон Гартман в 1841 г. становится вице-председателем хозяйственного департамента финляндского Сената, фактически — главой местного правительства. С его именем ассоциируется абсолютное торжество меркантилистских принципов в экономической политике княжества¹⁶. Выступая за расширение хозяйственной автономии Финляндии, Л. Г. фон Гартман в то же время был приверженцем самых тесных политических связей с Россией, что обеспечило ему поддержку со стороны влиятельных деятелей имперского правительства, прежде всего генерал-губернатора А. С. Меншикова. Именно с именем фон Гартмана связаны разработка и осуществление в 1840-х гг. широкой программы экономического развития, в которой неизмеримо возрастила роль государства. При Л. Г. фон Гартмане была окончательно преодолена крайняя торговая зависимость от Швеции, упрочены позиции финляндского банка, усилилась поддержка промышленных предприятий казенными субсидиями, началось строительство каналов и иных путей сообщения, возникли первые профессиональные училища¹⁷. Но поражение России

¹⁵ Åström S.-E. Op. cit. S. 336.

¹⁶ Исследование о личности и деятельности Л. Г. фон Гартмана: *Kalleinen K. «Isänmaani onni on kuulua Venäjälle» — vapaaherra Lars Gabriel von Haartmanin elämä*. Helsinki, 2001. 345 s.

¹⁷ Åström S.-E. Op. cit. S. 338.

в Крымской войне, непосредственным образом затронувшей экономику Финляндии, начавшееся освобождение хозяйственной жизни от оков меркантилизма привели в 1858 г. к отставке Л. Г. фон Гартмана, который оставил о себе память жесткого и авторитарного политика.

Таким образом, оформленные после 1809 г. административно-правовые рамки финляндской автономии были в первой половине XIX в. дополнены решениями, которые на имперском экономическом пространстве постепенно выделили Финляндию в территорию, где стала формироваться своя национальная экономика. Особую роль в этом процессе играли постановления в области таможенного законодательства и финансовой системы княжества. С развитием внутренней и внешней торговли хозяйственныe связи стали скреплять воедино различные регионы страны, и в этом смысле они в не меньшей мере, чем административные преобразования, создавали представление о Финляндии как об отдельной части метрополии со своими законами и нормами экономической жизни. Все это закладывало основу для рождения общественных процессов, которые, в свою очередь, стали формировать идеологию особого, отдельного финляндского государства в составе Российской империи.

Аграрная Финляндия

Мир финского крестьянина

В начале XIX в. в Финляндии насчитывалось около одного миллиона жителей, к 1870 г. численность населения, достигнув 1.770.000 человек¹⁸, почти удвоилась. В первой половине столетия Финляндия переживала демографический бум, шесть-семь детей в крестьянской семье было обычной нормой. Рождаемость на протяжении всех лет превышала смертность, исключения составляли лишь 1833 и 1836 гг., когда Финляндию посещал очередной неурожай, оказывавший на положение дел в финской деревне самое губительное воздействие¹⁹.

¹⁸ Suomen taloushistoria. Osa 3. Historiallinen tilasto / Toim. K. Vattula. Helsinki, 1983. S. 17—18.

¹⁹ Huurre M., Turpeinen O. Leipä luonnosta. Helsinki, 1992. S. 117—129; Suomen taloushistoria. Osa 3. Historiallinen tilasto. S. 38—39.

Этот общий рост народонаселения шел главным образом за счет сельских жителей и характеризовался своеобразием, связанным с неравномерным процессом в разных социальных группах. Наибольший прирост наблюдался в беднейших слоях деревенских жителей, к которым относились различные категории безземельного населения: торпари, батраки, подсобные работники и т. д.

Сословная структура финляндского общества

Социальная структура финляндского общества, унаследованная со шведского времени, после 1809 г. осталась без каких-либо существенных изменений. В своих манифестах Александр I неоднократно подчеркивал мысль о сохранении прежних привилегий за традиционными сословиями, которые формировали облик финляндского общества на протяжении всего XIX столетия.

Немногочисленное **дворянское** сословие (около 2,5 тысяч человек в начале XIX в., что составляло всего 0,19 % от всех жителей княжества) занимало господствующие позиции во всех сферах управления Финляндией. Привилегированное положение дворянства покоилось на старом шведском законодательстве 1723 г., по которому только у «лучших людей» было право на замещение высших государственных должностей и на владение землей, свободной от налогообложения. Новый закон, введенный в 1789 г., открыл путь к высшим должностям представителям других сословий, но поколебать позиции дворянства он все же не смог. Система университетского обучения в Финляндии в 1820—30-х гг. была реорганизована таким образом, чтобы затруднить проникновение в сферу управления образованным молодым людям из иных общественных классов. Позиции дворянства подпитывались возведением в это привилегированное сословие лиц недворянского происхождения (прежде всего, чиновников). Этим монархи отмечали их безупречную службу империи. В итоге к середине XIX в. численность финляндского дворянства возросла до 2600 человек, но удельный вес этого сословия в финском обществе, ввиду быстрого роста населения в целом, снизился еще — до 0,15 %.

Довольно замкнутую касту представляло собой **духовное** сословие, ряды которого пополнялись только через церковную должность и, как правило, по семейной линии, от отца к сыну. Наличие

в Финляндии только двух епархий и небольшого числа приходов сдерживало количественный рост священников. За более чем столетний период (с 1730 по 1860 г.) число служителей культа в Финляндии выросло всего на 115 человек (с 540 до 655), что объяснялось практически полным застоем по учреждению новых приходов как в XVIII в., так и в первой половине XIX в. Лишь со второй половины столетия открытие новых приходов пошло такими темпами, которые заставили церковь, испытывавшую острый дефицит в пасторах, искать священнослужителей за пределами своего традиционного круга.

Бюргерское сословие было представлено состоятельными городскими жителями, имевшими права на ведение торговых операций, на занятия промышленным производством или ремесленным трудом, т. е. лицами, которые обладали бюргерскими правами. Жители финляндских городов, не отвечавшие данным критериям, а также военнослужащие, лица, находившиеся в служении у третьих лиц, к городскому сословию не принадлежали. Бюргерские права выдавались магистратом, который состоял из выбранных ратманов во главе с бургомистром. При этом получение прав было обставлено множеством требований формального характера: опасаясь появления новых конкурентов, бюргеры сами старались регулировать численность своего сословия. Лишь обладатель бюргерских прав мог владеть недвижимостью в городах и принимать участие в управлении городскими делами.

В отличие от дворянского и духовного сословий количество бюргеров в первой половине XIX в. почти удвоилось (в 1820 г. — 6700 человек, в 1860 г. — 11 500), что было естественным результатом экономического развития Финляндии. Доля лиц, обладавших бюргерскими правами, в общей массе городского населения составляла в 1860 г. 10,4 %. Значительное количество ремесленников (в 1820 г. — 10 300 человек, в 1860 г. — 17 300 человек) проживало в сельской местности, но все они находились за рамками бюргерского сословия.

Крестьянское сословие состояло только из полноправных земельных собственников, количество которых в первой половине XIX в. выросло незначительно: с 80 230 человек в 1825 г. до 81 550 человек в середине столетия. Крестьяне — арендаторы земельных

участков — членами сословия не являлись. Его ряды пополнялись путем наследования, покупки или создания самостоятельного на- логооблагаемого хозяйства. К середине XIX в. крестьянское сосло- вие в Финляндии насчитывало всего около 80 тысяч человек (5,3 % сельского населения княжества).

Таким образом, традиционные сословия включали лишь незна- чительную часть населения финского общества. Это положение справедливо, прежде всего, по отношению к крестьянскому сосло- вию. Но эта оценка применима и к бургерскому сословию, по- скольку в городах рождался новый непривилегированный класс «господ» в лице чиновников, офицеров, врачей, учителей, журна- листов, которые, не обладая бургерскими правами, в социальном плане стояли выше, чем столь же бесправные, жившие в городах подмастерья. Новая непривилегированная господская прослойка в 1860 г. насчитывала около 24 тысяч человек.

По своей структуре финское общество становилось все более сложным и многообразным, и узкая сословная организация посте- пенно становится предметом критики уже в первой половине XIX в., когда начался процесс размывания сословных границ.

В одном случае ряды природного дворянства разбивались ли- цами, получавшими дворянское звание за «верную и безупречную» службу, в другом — сами дворяне начинали заниматься предпри- нимательской деятельностью, стирая грани межсословных разли- чий. В сельской местности различия между привилегированными собственниками земель и состоятельными владельцами «неблаго- родного» происхождения также стали уменьшаться. Особую роль в этом процессе играли масонские ложи, члены которых, представ- ляя разные социальные группы, при взаимном общении демон- стративно игнорировали предписанные нормы поведения.

Экономическое положение различных групп земледельческого на- селения финской деревни на протяжении XIX в. было неодинако- вым, и эти различия непрерывно возрастили.

Среди арендаторов на самой высокой социальной ступени на- ходились лампуоти, которые арендовали целое хозяйство со всеми постройками, пашней, лугами. Это была довольно состоятельная группа лиц, которая стала арендовать казенные хозяйства, бывшие шведские коронные «бостели», отмененные после 1809 г. В этой

группе «полных» арендаторов появились офицеры и даже дворяне. Но общее число лампootи оставалось небольшим, всего около 2—3 % населения, занятого в сельском хозяйстве²⁰.

Более многочисленной была другая группа арендаторов — торпары. Они имели в своем распоряжении лишь какую-то часть хозяйствской земли. Как правило, это были неудобицы, расположенные вдали от основного двора, которые торпары получал в аренду на условиях отработок и натуральной оплаты. На этом участке он строил небольшой домик, приводил землю в порядок и с нее получал хлеб свой насущный. Лес в аренду торпарю, как правило, не выдавался, и поэтому его эксплуатация ограничивалась лишь домашними потребностями. Исключения из этого правила были очень редки.

В отличие от шведского периода, когда торпары получал арендованную землю в «вечное пользование», в XIX в. срок аренды ограничивался жизнью самого арендатора, после смерти которого торпары могла передаваться «по наследству» одному из сыновей. Поскольку торпары нельзя было делить между всеми наследниками и многие из них в связи с этим оставались без средств к существованию, относительное перенаселение финской деревни становится фактом уже в первой половине XIX столетия. Несмотря на почти двукратный рост торпарских хозяйств (38 116 в 1825 г. и 61 864 в 1860 г.)²¹, желающих ее получить было еще больше. А это создавало условия для ужесточения условий аренды, которые обычно оговаривались в устной форме и могли произвольно меняться по прихоти хозяина.

Известный историк XIX в. И.-С. Ирьё-Коскинен характеризовал положение торпаря как рабство, поскольку хозяин «мог по собственному желанию в любое время выселить торпаря и присвоить плоды многолетнего труда арендатора»²². В первой половине XIX в. торпары составляли 11—12 % земледельческого населения Финляндии.

Еще более низким социальным статусом в финской деревне обладали лица, не занимавшиеся земледелием как таковым. Эта категория жителей делилась на две группы: постоянные работники данного хозяйства (прислуга, батраки и вдовы, питавшиеся наряду с хо-

²⁰ Soininen A. M. *Vanha maataloutemme*. Helsinki, 1974. S. 32—33.

²¹ Rasila V. *Torparikysymyksen ratkaisuvaihe*. Helsinki, 1970. S. 13.

²² Цит. по: Лайдинен А. П. Торпарская система аренды земли в Финляндии. Л.: Наука, 1987. С. 84.

зяевами в этом же доме) и временные работники, которые различались между собой «жилищными условиями». В наиболее благоприятном положении среди них были т. н. «мякитупалайсет», владевшие небольшим домиком на арендованной земле, но вынужденные зарабатывать пропитание работой на хозяина. «Итселисет» не имели собственного жилья и вынуждены были его арендовать. «Лойсет» не имели и этой возможности и вынуждены были скитаться по углам, старым баням. Все эти категории сельского населения жили случайными заработками, которые были привязаны к сезонным циклам сельхозработ. Трудовые отношения носили временный характер, оплата труда была поденной и, как правило, продуктами (зерном)²³.

Удельный вес разных групп этого населения в различных регионах Финляндии был неодинаков. В восточных районах страны, где доминирующей формой земледелия была пожога, связанная с постоянной миграцией семей, преобладали лица, лишенные вообще какой-либо собственности. Они вели полукочевой образ жизни, перебивались заработками при освоении новых земель под посевы. В западной Финляндии, где господствовало пашенное земледелие, соответствующая категория оседлого населения была представлена торпарями и так называемыми «мякитупалайсет».

В целом рост безземельного населения имел место практически во всех регионах Финляндии. С 1825 по 1875 г. число безземельных крестьян возросло в губернии Уусимаа с 8,8 до 13,3 %, губернии Турку и Пори с 7,6 до 14,5 %, губернии Хяме с 7,6 до 19,1 %²⁴. А в целом по стране удельный вес безземельных в общей массе сельского населения Финляндии за этот же период вырос с 15,2 до 27,9 %²⁵.

По условиям ведения сельского хозяйства, его направленности и результативности Финляндия делилась на три крупных района: южный регион, восточная Финляндия и, наконец, северная часть страны. Все они отличались не только климатическими условиями, но и традиционными методами ведения сельского хозяйства, которые сохранились вплоть до XIX в.

²³ Soininen A. M. Vanha maataloutemme. S. 40—45.

²⁴ Pitkänen K. Väestörakenteen muuttuminen ja väestönkehitys // Suomen taloushistoria. Osa 1. Helsinki, 1980. S. 383.

²⁵ Лайдинен А. П. Развитие капитализма в промышленности Финляндии. Л.: Наука, 1979. С. 116.

Сельское хозяйство в первой половине XIX столетия оставалось основой экономики Финляндии. В 1811 г. был составлен первый финансовый баланс княжества, из которого следовало, что 95 % поступлений казна получала от налогообложения крестьянства.

В целом сельское хозяйство Финляндии в первой половине XIX в. переживало серьезные трудности, которые, в свою очередь, вызывали изменения в его структуре. Основная причина заключалась в том, что объемы сельскохозяйственного производства, которое велось экстенсивными методами, стали отставать от реальных потребностей быстро возраставшего населения.

Еще в XVIII столетии шведские власти стали организовывать в Финляндии так называемые «хлебные магазины», в которые сдавалась часть выращенного зерна, предназначенного для использования только в неурожайные годы. Эта практика продолжилась и после присоединения Финляндии к России. К середине XIX в. создание этих магазинов стало обязательным для всех сельских общин и в их деятельности появились новые функции. Теперь они становились не только хранилищем семян, подспорьем для бедного населения, но и своеобразной ростовщической конторой, выдававшей зерновые ссуды под определенный процент²⁶.

В наиболее острой форме кризисные явления в сельском хозяйстве Финляндии проявили себя в Восточной Финляндии, в районах Карьяла, Саво, Миккели, где в отличие от западных районов страны не было удобных участков для пашенного земледелия и где местное население традиционно занималось подсекой. Здесь даже в нормальные годы выращенного зерна не хватало для пропитания, тем более в нем стали испытывать острую нехватку в условиях демографического бума первой половины XIX в.²⁷

К кризису подсечного земледелия привело, прежде всего, сокращение необходимых для него лесных массивов. Уже на рубеже XVIII—XIX вв. в связи с выделением из сельской общины самостоятельных хозяйств и передачи им в собственность участков леса, а также из-за

²⁶ Myllytaus T. Suomen talouspolitiikka ja valtionlaitos 1809—1860. Suomen talous historia. Osa 1. Helsinki, 1980. S. 333—366.

²⁷ В 1820—30-е гг. «подсечное зерно» составляло от 25 до 50 % потребностей. См.: Katajala K. Karjala ja Savo käännyvät kaakkoon // Itä-Suomi ja Pietari. Joensuu, 1997. S. 53.

политики шведских властей, которые ограничивали пожогу ради сохранения леса для нужд металлургии, крестьянин начинает сталкиваться с нехваткой «свободных» лесов.

Обычно цикличность подсеки в лиственных лесах составляла 30—40 лет. Но нехватка новых площадей для подсеки заставляла крестьян преждевременно возвращаться на старые участки уже через 15 лет, когда новый лес не успевал достичь нужной готовности. Усиливаясь эксплуатационная нагрузка на землю, что, в свою очередь, вело к снижению урожайности. Если в XVIII в. урожай на подсеке составлял в среднем сам-15, то в 30-х гг. XIX столетия сам-6²⁸. При этом надо учитывать, что трудоемкость в получении конечного продукта была несравнима, по некоторым оценкам, в четыре раза выше, чем в пашенных районах Финляндии. Крестьянин вынужден был вести извечную борьбу с лесом, который в его глазах вплоть до середины XIX столетия не представлял какой-либо ценности²⁹.

Наиболее древний вид подсеки — «хуухта», требовал четырех лет изнурительного труда, прежде чем можно было снять урожай. В районе предстоящей пожоги сначала возводилось небольшое временное жилье, которое позволяло жить в нем продолжительный период времени. Подготовка площади начиналась осенью, когда вырубался подлесок. Следующей весной валились более крупные деревья, которые укладывались рядами. Самые большие, «трудоемкие» деревья оставляли стоять, но их отесывали, и дерево, не получая питания, постепенно засыхало и умирало. Еще через год, в летний период, когда не было дождей, срубленный лес сжигался, и пожога оставалась «отдыхать» до следующего лета. С его наступлением несгоревшие стволы деревьев собирались в кострища и поджигались. Лишь после этого, не позднее Якова дня (25 июля), приступали к посеву, а урожаем можно было воспользоваться только через год. Результаты этого многолетнего труда могли быть сведены на нет не только погодными катаклизмами (как правило, ранними заморозками), но и обычным северным дождливым летом, когда сваленный лес просто-напросто не горел³⁰.

²⁸ Soininen A. Maatalous. Suomen taloushistoria. Osa 1. Helsinki, 1980. S. 391.

²⁹ Об этом см.: Virtanen L. «Suomen kansa on aina vihannut metsiään» // Kalevalaseuran vuosikirja 73. Helsinki, 1994. S. 134—140.

³⁰ Huurre M., Turpeinen O. Op. cit. S. 145—146.

Урожай с этой площади снимался только один раз. После этого надо было переходить на новые участки, которые находились все дальше от дома.

В XVIII в. получают распространение новые, более быстрые приемы подготовки земли под посевы, которые, как уже указывалось выше, вели к истощению почвы и снижению урожайности. Производительность подсеки в Восточной Финляндии уменьшилась с конца XVIII в. до 1830-х гг. почти в два раза. Традиционные занятия земледелием уже не могли обеспечить население средствами к существованию, тем более что после 1809 г. в восточные районы Финляндии стало поступать дешевое зерно из России³¹, которое сбивало цену и делало местное производство нерентабельным.

Положение усугублялось тем, что на Старую Финляндию (Выборгскую губернию, с 1721 по 1811 г. находившуюся в составе России) не распространялось шведское законодательство, запрещавшее делить хозяйство между всеми наследниками. В результате со смертью главы семьи хозяйство дробилось на столь мелкие наделы, что они не могли обеспечить пропитание его новому владельцу и его семье.

Все это понуждало крестьян Восточной Финляндии искать иные пути выживания, среди которых на первое место выступает торговля. Кризис подсечной системы земледелия пришелся как раз на тот период, когда стали налаживаться торговые отношения с Россией, и в первую очередь с Петербургом. У восточнофинляндского крестьянства появились возможности для вывоза леса, лесопродуктов, дров, продажи масла, тем более что российская столица предъявляла на все эти товары повышенный спрос³². На проданные масло и дрова покупали хлеб. Началась подспудная переориентация с подсечного земледелия на животноводство.

Кризис подсечной системы земледелия и переориентация на животноводство означали новые тяготы для безземельного населения Восточной Финляндии, ибо существенным образом уменьшалась потребность в рабочей силе, ранее занятой на пожоге. Положение безземельных, которые ранее работали на подсеке, становилось безыс-

³¹ Привоз зерна с 1820 по 1840 г. вырос в 3,2 раза. См.: *Soininen A. M. Vanha maataloutemme*. S. 189—190.

³² *Kaukainen Y. Kauppiamiesten Karjala // Karjala. Historia, kansa, kulttuuri / SKS. 1998. S. 144—148.*

ходным. В сельской местности лавинообразно возрастало количество обездоленных людей, живших по углам и баням, скитавшимся по приходам в поисках пропитания. Решение возникшей в первой половине XIX в. остройшей социальной проблемы Восточной Финляндии перешло во вторую половину столетия.

Иная ситуация наблюдалась в южных и западных губерниях страны. Аграрная реформа 1775 г. привела к появлению хуторских хозяйств с наделами, пригодными для пашенного земледелия. В отличие от Восточной Финляндии в западных губерниях производство зерна было избыточным и его хватало для пропитания местного населения даже с учетом его заметного роста в первой половине XIX в. Но возраставшие объемы производства объяснялись не повышением урожайности, а расширением запашки, которая, «съедая» поля и луга, сокращала возможности для развития животноводства.

В середине XIX в. в Финляндии пришли к выводу, что для нормального развития пашенного земледелия нужно иметь соотношение пашня — луг в пропорции 1:3. Такая пропорция давала бы возможность нормально унавозить пашню. И если в конце XVIII в. в Южной Финляндии это соотношение было близко к норме (1:2,8), то в 1870-х гг. оно упало до показателя 1:1,7 и продолжало падать в последующие десятилетия.

Диспропорция между возраставшей площадью зернового клина и скромными объемами вносимых удобрений имела своим следствием истощение земли и падение урожайности.

В Южной и Западной Финляндии значительный прирост населения, как и в целом по стране, наблюдался опять-таки в низших социальных слоях общества. Старое шведское законодательство, запрещавшее дробить хозяйства между многочисленными наследниками, а также застывшая на месте торпарская аренда земли увеличивали на селе количество свободных рабочих рук, готовых браться за любой труд по самым низким расценкам.

Избыток свободной и дешевой рабочей силы в немалой степени объясняет быстрое обогащение землевладельцев юго-западного региона Финляндии, довольных своим положением и не стремившихся к каким бы то ни было новшествам.

В Северной Финляндии, в редконаселенном регионе Эстерботния, условия для развития сельскохозяйственного производства заметно отличались от юга страны. Здесь было больше полей и лугов, что

позволило значительно увеличить запаску под зерновые, производство сельхозпродукции росло в такт с ростом населения. Крестьяне Эстерботнии традиционно вывозили хлеб на шведский рынок, наряду с сельским хозяйством они занимались выгонкой смолы и судостроением. Эта продукция находила сбыт за пределами Финляндии. После 1809 г., когда торговля со Швецией была подчинена таможенным правилам и шведский рынок для смолокурения и судостроения оказался закрытым, все большее число крестьян переключается на сельское хозяйство. Именно этим в значительной мере объясняется тот факт, что в Эстерботнии, по сравнению с другими регионами страны, наблюдается наибольший прирост не только торпарских хозяйств (с 604 в 1815 г. до 3,7 тысяч в 1870 г.), но и числа новых земельных собственников (с 7,6 до 11,5 тысяч соответственно)³³.

Новые налогооблагаемые хозяйства возникали как на отдаленных казенных землях, так и путем неоднократного деления старого хозяйства между наследниками, что приводило к его измельчанию и нерентабельности. Это, в свою очередь, толкало крестьян к аренде земли и превращению их в торпарей, социальное положение которых в Эстерботнии было не столь безысходным, как в южных и восточных районах страны.

Для сельского хозяйства Эстерботнии, где было больше лугов и полей, а климат был холоднее, чем в Южной Финляндии, было характерно также развитие животноводства.

Как уже указывалось выше, в южных районах страны содержание скота диктовалось лишь одним соображением: необходимостью обеспечить пашню нужным количеством удобрений. Самое главное, сохранить от падежа в зимний период полуголодных коров, для которых заготавливались ровно столько кормов, чтобы они «дотянули» до следующей весны. Молочного животноводства как такового не существовало: удои от коровы в начале XIX в. в Южной Финляндии составляли не более 400—500 литров в год!

В восточных районах страны, как уже указывалось выше, животноводство стало развиваться в связи с кризисом подсечной системы земледелия. Заброшенные пожоги теперь становились лугами и выпасами для скота. Петербургский рынок и хорошие цены стимулиро-

³³ Подробные данные см.: *Jutikkala E. Suomen talonpojan historia*. Helsinki, 1958. S. 340, 351, 354.

вали развитие молочного животноводства, прежде всего на Карельском перешейке. Это развитие требовало решительного сокращения непродуктивного поголовья крупного рогатого скота, проведения племенной работы и разведения молочной породы коров, которых на первых порах выписывали из-за границы. Наиболее адаптированной к суровым северным условиям оказалась айрширская порода, позволившая к середине XIX в. поднять удои до 1000 литров молока от коровы.

Но настоящий прорыв в развитии животноводства произошел только после неурожаев 1862—1867 гг. и страшного голода 1868 г., после чего в Финляндии решили отказаться от односторонней ориентации на зерновую направленность сельского хозяйства.

Оценивая условия, в которых крестьянину приходилось вести свое хозяйство, надо отметить, что после 1809 г. Финляндия вступила в продолжительный период мирного развития. Финские крестьяне, которые в шведский период должны были не только содержать шведское войско, но и сами участвовать во всех военных кампаниях Стокгольма, теперь были освобождены от воинской повинности, а сама поселенная организация войска была заморожена на неопределенный срок. В рамках политики умиротворения Финляндии, проводившейся имперской властью с 1808 г., крестьяне были освобождены от всех долгов за прошлые годы.

В своей экономической политике Сенат не мог рассчитывать на изменение налогового законодательства, поскольку введение новых налогов относилось к компетенции финляндского сейма, который не собирался до 1863 г.

Поэтому вся старая система налогообложения осталась в неприкосновенности. Довольно сложная система, уходившая корнями в шведские времена и основанная на оценке качества и количества земли, крепости самого хозяйства, после 1809 г. не претерпела никаких изменений.

Налоги, установленные по шведскому законодательству 1789 г. «на вечные времена», оставались неизменными в первой половине XIX в. даже в том случае, если в своем хозяйстве землевладелец вводил в оборот новые участки пашни или расширял луга. Налоговая нагрузка на расширяющееся хозяйство не возрастала. Занятия животноводством и лесными промыслами оставались вообще вне на-

логообложения. Во всяком случае, в первой половине XIX в. имперская власть не ввела в Финляндии ни одного нового налога³⁴.

На протяжении первых двух десятилетий XIX в. сельское хозяйство являлось доминантой экономической политики Сената, исходившего в своих решениях из принципов аграрного меркантилизма, цель которого заключалась не столько в развитии самого сельского хозяйства, сколько в поддержании стабильных цен на зерно. То внимание, которое правительство уделяло сельскому хозяйству, в значительной мере объяснялось финансовыми соображениями, поскольку налоговые поступления от земельных собственников составляли важную доходную статью бюджета.

Основные поступления бюджета давал взимаемый с крестьян ежегодный поземельный налог³⁵. Но он, естественно, был не единственным. Помимо него с землевладельца бралась десятая часть урожая, из которой треть шла в пользу пасторов. Подушный налог платили с 15-летнего возраста. Кроме этого, существовало множество иных платежей: лагманский и судебный налоги, налог на мосты и за право охоты, взимались деньги для поездок судей на судебные разбирательства, а также за «бытовые излишества» (оконное стекло, карманные часы и пр.). Все эти «старые» шведского времени налоги в первой половине XIX в. оставались в неизменном виде, и поскольку они не росли, то казне приходилось искать дополнительные финансовые поступления вне сельского хозяйства, главным образом в сфере таможенных сборов. Их доля к 40-м гг. XIX столетия выросла до 40 %³⁶. Еще более существенные изменения в структуре налогообложения стали происходить в Финляндии во второй половине XIX столетия³⁷.

Сельскохозяйственная политика Сената отличалась известной противоречивостью. С одной стороны, самостоятельные крестьянские хозяйства были основной базой финансовых поступлений казны. Но в то же время Сенат противился созданию новых хозяйств, поскольку они, по его мнению, стали бы источником дополнительного роста сельского населения, которое в условиях существовавшего запрета

³⁴ *Vahtola J.* Op. cit. S. 296—298.

³⁵ *Rasila V.* Talonpojan verot ja muut maksut 1850-luvulla // V. Rasila ym. Suomen maatalouden historia. Osa I. Helsinki, 2003. S. 456.

³⁶ *Kalleinen K.* «Isänmaanni onni on kuulua Venäjälle». S. 165.

³⁷ Подробное изложение см.: *Kuusterä A.* Verotus autonomianajan Suomessa // Historian päivät 1988. Helsinki, 1989. S. 150—160.

на дробление хозяйства неминуемо пополнило бы ряды бедноты и безземельных жителей финской деревни.

По своему уровню финское сельское хозяйство 1820—30-х гг. значительно отставало от уровня западноевропейских стран. Если внедрялись какие-то новшества в культуру земледелия, то это имело место только в хозяйствах крупных собственников. Крестьянские наемы обрабатывались по дедовской технологии.

Чтобы в какой-то мере сдвинуть дело с мертвой точки, с конца 1820-х гг. в некоторых губерниях Финляндии стали создаваться сельскохозяйственные общества, руководство которыми находилось, как правило, в руках «горожан». Вся их деятельность протекала на шведском языке, которого финский крестьянин практически не знал, и поэтому эффективность этих обществ опять-таки ограничивалась хозяйствами крупных собственников³⁸.

Начиная с 1840 г. стали открываться первые сельскохозяйственные школы, но перелом наступил только со второй половины 1860-х гг., когда Сенат постановил основать (в дополнение к уже существовавшему сельскохозяйственному училищу Мустиала, пользовавшемуся значительной финансовой поддержкой казны) семь сельскохозяйственных школ и учредить должность губернских агрономов.

Сельская торговля в Финляндии еще со шведского времени находилась под строгим контролем властей и практически была запрещена. Чтобы сбыть свою продукцию, крестьянину надо было отправляться в город, платить при пересечении городской черты т. н. «малую пошлину» или дожидаться единственного дня в году, когда было разрешено проводить сельские ярмарки.

Естественно, что эти запреты и ограничения крестьянин в своей повседневной жизни пытался обойти, и запретительное законодательство постепенно начинало давать трещины. Еще в конце XVIII в. была разрешена сельская торговля зерном и картофелем, рыбой, крестьянин получил право покупать лошадь, продавать свой скот на мясо.

Сразу же после войны 1808—1809 гг. были отменены внутренние, т. н. «малые таможни», которые обременяли крестьянство при поездках в город для продажи своей продукции³⁹. Легальная тор-

³⁸ Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. Helsinki, 1958. S. 318—319.

³⁹ Myllyntaus T. Suomen talouspolitiikka ja valtionlaitos 1809—1860. Suomen taloushistoria. Osa 1. Helsinki, 1980. S. 334.

говля продолжала существовать наряду с нелегальной. Получают распространение новые формы торговых операций, среди которых следует отметить коробейничество и появление в финской деревне закупщиков, приобретавших крестьянский товар для последующей перепродажи в городах. Постепенно эти состоятельные крестьяне-посредники превращаются в агентов крупных торговых домов, получают от последних кредиты для проведения закупочных операций, выдают ссуды своим крестьянам-поставщикам и т. д. В итоге торговля на селе в известной мере попадает под контроль крупного тorgово-промышленного капитала Финляндии.

Скупка крестьянского товара в сельской местности была легализована только в 1842 г.: по сути, закон признал сложившуюся в предыдущие десятилетия практику. Обратное движение товара — из города в деревню, при фактическом запрете сельской торговли, стало возможным опять-таки благодаря перекупщикам, которые привозили из города «своим» крестьянам «господские» вещи.

На протяжении первой половины XIX в. финляндский Сенат проводил противоречивую политику в отношении сельской торговли. В 1821 г. была закрыта большая часть местных ярмарок, во всей Финляндии их осталось около дюжины. Планы, связанные с рассмотрением вопроса о сельской торговле на финляндском сейме в 1822 г., остались нереализованными в силу того, что неоднократно обещанный императором Александром I созыв сословий так и не состоялся. Но власти вынуждены были все же идти на частичные уступки: в 1842 г. разрешена торговля солью, поскольку прекратился ее привоз из Швеции, в 1859 г. позволено открывать сельские магазины (но не ближе 50 верст от города). Окончательно сельская торговля была приравнена к городской и с нее были сняты все ограничения только в 1868 г.

Финский крестьянин и петербургский рынок

Как отмечалось выше, кризис подсечной системы земледелия в восточных районах Финляндии заставил местное крестьянство переориентировать свое хозяйство на обслуживание потребностей Санкт-Петербурга, огромного мегаполиса, предъявлявшего повышенный спрос на продукты питания — мясо, масло, рыбу. Городу требовалось дрова для отопления зданий, сено для лошадей, солома для конюшен и иных нужд. Строители нуждались в камне, песке, строевом лесе; все это надо было доставить за десятки, порой сотни кило-

метров, что открывало перед крестьянами Карельского перешейка совершенно новые перспективы, связанные с извозом.

Постепенный поворот торговых связей Финляндии на восток поддерживался имперской властью, которая после 1809 г. расширяла список свободно привозимых сельскохозяйственных товаров в Россию. Дополнительным аргументом в пользу переориентации от шведского к петербургскому рынку были финансовые потери для тех крестьян, которые вели торговлю со шведами⁴⁰. Это было вызвано тем, что все налоги в Финляндии приходилось платить только «русскими деньгами», и крестьяне немало теряли при курсовом обмене шведских риксталеров на рубли.

Как правило, в поездку крестьяне Карельского перешейка отправлялись небольшим караваном на подводах. Из районов Северного Приладожья и более отдаленных уездов Восточной Финляндии путь до столицы империи лежал через систему внутренних озер и Ладогу. В связи с этим уже в 1819 г., во время посещения Финляндии Александром I, впервые был поднят вопрос о строительстве Сайменского канала. В 1826 г. с этой же просьбой крестьяне губернии Саво-Карьяла отправили в Санкт-Петербург ходоков, которые были приняты Николаем I, поддержавшим идею строительства. Но пожар 1827 г., уничтоживший Або, переориентировал ресурсы финляндской казны на восстановление города. По мере промышленного развития княжества идея Сайменского канала находила все большую поддержку среди купцов, предпринимателей и в правительстве Финляндии. Решение о начале строительства, которое продолжалось 12 лет, было принято в 1844 г.

Формы крестьянской торговли поначалу были достаточно примитивными. На рынках Санкт-Петербурга она велась прямо с телег и лодок. Лишь в 1843 г. строительством складских помещений и специального «дома крестьянина» на Гончарной улице, вмещавшего одновременно до 400 приезжих финнов, была предпринята попытка централизации крестьянской торговли, которая, тем не менее, оказалась неудачной.

Главным продуктом крестьянского экспорта было масло. По мере того как возрастили объемы этой торговли, постепенно менялись ее организационные формы. В 1820-х гг. в районах Северо-Западного

⁴⁰ Katajala K. Op. cit. S. 57.

Приладожья, а позднее даже в Эстерботнии и в Лапландии появляются заготовители («войсаксы»), которые, передвигаясь из деревни в деревню, скупали у крестьян масло для его последующей отправки в Санкт-Петербург. Первые достоверные сведения об объемах этой торговли относятся только к 30—40-м гг. XIX в. Из одного лишь уезда Рауталампи (Северное Саво) ежегодно вывозилось до 5 тыс. лиспундов масла (42,5 тонны)⁴¹, которое было основной экспортной животноводческой продукцией отдаленных районов.

Крестьяне же Карельского перешейка, проживавшие в непосредственной близости от мегаполиса, ежедневно привозили на городские рынки скоропортящиеся продукты — молоко, сметану, сливки, творог. Масло составляло лишь незначительную часть этой торговли⁴². По данным торговых агентов, в 40-е гг. XIX в. из Восточной Финляндии ежегодно вывозилось в Россию 500—700 тонн масла⁴³, что составляло половину общефинляндского экспорта. Практически все масло направлялось в Санкт-Петербург. Восточная Финляндия к середине XIX в. стала крупнейшим регионом княжества по экспорту масла, оттеснив с этих позиций провинцию Эстерботния, которая ранее традиционно ориентировалась на шведский рынок.

Для самого крестьянина переориентация на молочное животноводство не требовала непомерных затрат. Бывшие подсечные участки были хорошими выпасами для скота. Петербургский рынок самым непосредственным образом вынуждал к отказу от подсеки, поскольку в районы Восточной Финляндии (и не только) стало поступать дешевое российское зерно, делавшее занятия подсечным земледелием абсолютно бесперспективным⁴⁴. Выборгская губерния в первой половине XIX в. уже полностью жила за счет привозного российского зерна, поставки которого достигали 70 тысяч «финских» бочек ежегодно⁴⁵ (в пересчете на русские «сороковые» — 23 475 бочек).

⁴¹ Ibidem. S. 60. Лиспунд равен 8,5 кг.

⁴² Из всей Выборгской губернии за 1842—1844 гг. вывезли только 33,6 тонны масла, меньше, чем за один год из уезда Рауталампи.

⁴³ Soininen A. M. Vanha maataloutemme. S. 236.

⁴⁴ Ibidem. S. 189; Kauppinen P. Itä-Suomesta Venäjälle. Eräitä piirteitä väestön liikkuvuudesta 1856—1858 // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikin riitamaalla. Joensuu, 1994. S. 89—90.

⁴⁵ Hämynen T. Tavaravirrat itärajalla // Itä-Suomi ja Pietari. Joensuu, 1997. S. 227; бочка — финская мера зерна в XIX в., равнялась 165 литрам.

Из непродовольственных товаров, поставлявшихся крестьяна-ми в Санкт-Петербург, прежде всего следует выделить дрова. До 1809 г. эта традиционная для финского крестьянина, проживавшего вдоль западного побережья Финляндии, торговля была ориентирована в основном на Стокгольм, отчасти на Або. В новых геополитических условиях экспорт в Швецию постепенно приходит в упадок, а пере-ориентация западно-финляндского крестьянина на восточную тор-говлю была невозможна из-за большой протяженности морских ком-муникаций. Постоянно возраставшие потребности Санкт-Петербурга в дровах стали обеспечиваться крестьянами Карельского перешейка и Восточной Финляндии, которые доставляли свой товар на лодках по Ладожскому озеру и Финскому заливу.

В связи с тем что Карельский перешеек после 1809 г. быстро пре-вращался в оживленную транзитную зону российско-финляндской тор-говли, многие крестьяне вообще стали рассматривать занятия сель-ским хозяйством как дополнение к своему основному доходу, полу-чаемому от обслуживания торговых операций⁴⁶. Среди них перевозка всевозможных грузов — на подводах и лодках — становится наиболее распространенной формой такой деятельности⁴⁷. Извоз давал крестья-нам Карельского перешейка и Приладожья в 1830-е гг. до 60—80 % их годового дохода. Когда Финляндию в 1830-х гг. посетили оче-редные неурожаи, именно извоз, как отмечали современники, помог крестьянам пережить трудные времена⁴⁸.

Влияние Санкт-Петербурга сказалось и на положении безземель-ного населения Карельского перешейка, которое устремилось в сто-личный регион в поисках работы. Крестьянский труд также широко использовался при строительстве оборонительных сооружений на перешейке.

Как отмечает финский исследователь Тапио Хямянен, созданная довоенной финляндской историографией картина упадка и хозяйствен-ной отсталости Старой Финляндии не подтверждается фактическим материалом. Экономическое влияние Санкт-Петербурга распростра-

⁴⁶ Katajala K. Op. cit. S. 68.

⁴⁷ О подробной характеристике транспортных артерий см.: Hämynen T. Tava-ravirrat itärajalla. S. 195—199.

⁴⁸ Katajala K. Op. cit. S. 69—70.

нялось далеко за пределы Карельского перешейка, и оно не ограничивалось только сельскохозяйственной сферой⁴⁹.

Промышленная Финляндия

Металлургия

Уровень промышленного развития Финляндии в начале XIX в. был настолько низким, что правительство в своей экономической политике не уделяло этому сектору экономики сколько-нибудь серьезного внимания. Лишь металлургическая отрасль, которая пользовалась поддержкой властей, развивалась относительно устойчиво.

Почти все из существовавших в начале столетия девяти плавильных и 17 железоделательных мануфактур княжества располагались в Юго-Западной Финляндии⁵⁰. Эти предприятия были в полной зависимости от поставок шведского сырья, которое привозилось с рудников Седерманланда. И хотя масштабы производства были невелики (всего 3 % аналогичного производства Швеции), а техническая оснащенность низкой, именно эти предприятия стали той базой, на которой развивалась «металлическая» промышленность княжества в первой половине XIX в.

Крайняя зависимость финляндской металлургии от шведского сырья заставила правительство России уже в тексте Фридрихсгамского мирного договора предусмотреть его беспошлинные поставки в Финляндию, которые затем неоднократно возобновлялись. Однако столь очевидная зависимость от Швеции в условиях, когда имперская власть стремилась всячески ослабить прошведские тенденции в княжестве, была явно ненормальной. Поэтому на казенные средства (частный капитал привлечь не удалось) был предпринят широкий поиск железорудных месторождений в самой Финляндии, ознаменовавшийся открытием залежей руды в юго-западном регионе. Но обнаруженные запасы были невелики и в 1830-е гг. многие рудники были закрыты.

В 1821 г. было разработано специальное Положение о горной промышленности и мерах по подъему этой отрасли, которые преду-

⁴⁹ Hämynen T. Venäläinen pääoma leventää leipää // Itä-Suomi ja Pietari. Joensuu, 1997. S. 80.

⁵⁰ Voionmaa V. Suomen talousmaantieto. Porvoo, 1913. S. 84, 94; Kovero M. Suomen kotimarkkinateollisuus. Helsinki, 1928. S. 135.

сматривали выдачу беспроцентных ссуд местным предпринимателям⁵¹. Было создано Горное управление для проведения геологической разведки, организации работ по добыче руды и пр. Правительством ставилась задача к 1830 г. полностью обеспечить железоделательное производство местным сырьем, которая, однако, в полном объеме реализована не была. Местная руда ни по запасам, ни по качеству не отвечала потребностям и нужным кондициям, поэтому в 1840-х гг. Горное ведомство в своих отчетах вновь стало указывать на необходимость импорта высококачественной руды из Швеции⁵². Финляндский Сенат лишь в середине столетия стал сомневаться в целесообразности огромных финансовых затрат на поиск местного сырья для отечественной металлургии, что привело к двукратному сокращению финансирования поисковых работ и расширению импорта шведского чугуна.

Поскольку промышленная политика финляндского Сената в первой половине XIX в. исходила из признания ведущей роли металлургии и металлообработки, то в интересах горнозаводчиков были сохранены старые шведские законы, ограничивавшие строительство лесопилен и объем ежегодных рубок, что должно было обеспечить сохранность лесных массивов, необходимых для выжигания древесного угля⁵³.

Особое отношение правительства Финляндии к металлургии объяснялось и личной заинтересованностью членов Сената, которые после 1809 г. владели немалой долей в этом «металлическом» производстве. Так, А. Х. Фальк, который был председателем финансовой комиссии правительства и одним из наиболее влиятельных лиц в княжестве, владел с 1812 г. железоделательным заводом. Член Сената и с 1816 г. Комиссии по финляндским делам А. Г. Меллин приобрел в 1817 г. предприятие Фредриксфорс, в 1832 г. стал владельцем литейного производства Нормарк, а в 1836 г. стал совладельцем аналогичных предприятий в Ванта⁵⁴.

Уже упоминавшаяся ранее «лига Маннергейма» представляла собой широкий круг породнившихся между собой высокопоставлен-

⁵¹ Лайдинен А. П. Развитие капитализма в промышленности Финляндии. С. 15.

⁵² Laine E. Suomen vuoritoimii 1809—1884. Osa 1. Helsinki, 1950. S. 179.

⁵³ Meinander N. Vesisahan tarina. Helsinki, 1945. S. 213—221, 237—240.

⁵⁴ Ibidem. S. 430.

ных чиновников, которые стояли у руля экономической политики Финляндии и в то же время владели промышленными предприятиями княжества. Наиболее влиятельными членами «лиги» являлись сам вице-председатель хозяйственного департамента Сената К. Э. Маннергейм, прокурор К. И. Валлен, вице-председатель Сената Л. Г. фон Гартман, сенатор К. Ф. Рихтер, верховный интендант горного ведомства Н. Г. Норденшёльд (с 1823 г.)⁵⁵.

Эта влиятельная правительственные группировка уже в 1820-х гг. была готова пересмотреть условия торговли со Швецией, прекратить ввоз шведской руды и железа, поскольку эти товары, поступавшие на финский рынок по льготным пошлинам, составляли сильную конкуренцию собственно финскому производству. Но решение по ограничению шведского импорта все же принято не было, т. к. это привело бы к сокращению экспорта финских сельхозпродуктов в Швецию.

В целом в первые десятилетия XIX в. железноделательная промышленность Финляндии развивалась медленными темпами. По своему техническому уровню она намного отставала от уровня развитых европейских стран. На семь десятилетий позже в Финляндии стали применять метод пудлингования и использовать прокатные станы. Первые структурные перемены в металлопромышленности Финляндии начались во второй половине 30-х гг. XIX в., когда аптекарь из Або И. Я. Юлин после поездки в Англию, где он знакомился с передовыми технологиями, основал в 1837 г. завод в Фискарсе. Здесь стали делать невиданные ранее в Финляндии изделия: воздуходувные аппараты для домен, водяные турбины, токарные станки — вплоть до паровых машин, которые устанавливались на финские корабли. В 1844 г. Фискарс изготовил первую финскую паровую машину для суконной фабрики Литтойс. В 1842 г. бывшими работниками и акционерами Фискарса было основано второе механическое предприятие Крайтон, в производственной программе которого, помимо прочего, значились молотилки и иные сельскохозяйственные орудия. Финляндский Сенат в 1840-е гг. оказывал металлургическому производству и металлообработке поддержку в виде выгодных казенных займов.

Потребность в металле стал возрастать с 1850-х гг., когда началось строительство Сайменского канала и первой железнодорожной

⁵⁵ Ibidem.

линии Гельсингфорс — Тавастгус, что привело к значительному увеличению производства железа и изделий в княжестве.

Развитие metallurgического и механического производства с 1820 по 1870 г. представлено в таблице 1⁵⁶.

Таблица 1

Количество рабочих на предприятиях					
	1820 г.	1830 г.	1840 г.	1850 г.	1860 г.
Железоделательные мануфактуры	600	590	820	950	1250
Механические мастерские	50	20	50	170	1030
Всего	650	610	870	1120	2280
Произведено продукции (тыс. рублей серебром)					
Железоделательные мануфактуры	80	80	110	120	620
Механические мастерские	10	0	10	20	230
Всего	90	80	120	140	850

Новые механосборочные предприятия появились уже во многих регионах страны — в Гельсингфорсе, Выборге, Або.

Настоящий прорыв в производстве металла и изделий из него, как это видно из вышеприведенной таблицы 1, произошел только к 1860 г., когда старые metallurgические и железоделательные предприятия стали уступать место новым механосборочным и машиностроительным заводам.

Лесопиление

Несмотря на обилие лесов в Финляндии, которые составляли ее основное богатство, лесопиление в первой половине XIX в. не являлось ведущей отраслью экономики. Причина, как уже указывалось выше, заключалась в политике финляндского Сената, стремившегося всячески сохранить лесные запасы для нужд metallurgического производства в княжестве.

⁵⁶ Schybergson P. Teollisuus ja käsiteö. Suomen taloushistoria. Osa 1. Helsinki, 1980. S. 420.

Тем не менее эксплуатация лесов, несмотря на незначительные объемы лесопиления, была большой. Лес использовался для строительства домов как в сельской местности, так и в городах. Он был необходим в крестьянском быту для всевозможных хозяйственных построек, для нужд сельского хозяйства, заготовки дров, изготовления орудий труда и для промыслов. Огромные массивы леса вырубались для смолокурения.

Что же касается лесопиления, то оно было ярко выраженным сезонным производством, которым можно было заниматься на водяных лесопильнях лишь в летнее время, пока не замерзали реки. Они были и источником энергии, и путями транспортировки пиленой древесины к морскому побережью, откуда продукция отправлялась на европейские рынки.

Политика шведского периода, нашедшая отражение в лесном законе 1805 г. с его многочисленными ограничениями в области лесного хозяйства, оставалась в силе до середины XIX в. Несмотря на прошения финских лесопромышленников разрешить строительство новых лесопилен, финляндский Сенат, как правило, подобные просьбы отклонял. В редких случаях разрешения после длительной бюрократической процедуры, занимавшей до пяти-шести лет, выдавались на ручную распиловку бревен или на строительство водяных «мельниц».

В 1841 г. была создана сенатская комиссия для выработки нового лесного закона, проект которого предполагал новые драконовские меры в отношении лесопильной отрасли производства. Паровые лесопильни (не привязанные к водным источникам энергии и способные работать круглый год и в силу этого производить значительно больше продукции) оказались под полным запретом. Широкая критика законопроекта со стороны предпринимателей, судовладельцев и Финского экономического общества, казалось бы, возымела действие.

Но новый, более мягкий, вариант законопроекта на этот раз был подвергнут критике в 1848 г. со стороны вице-председателя Сената фон Гартмана, для которого интересы металлургического производства стояли на первом месте. Составленный лично им вариант лесного устава получил силу закона в 1851 г. Он еще сильнее сковал возможности развития отрасли, полностью запретив строительство паровых лесопилен и ограничив деятельность водяных мельниц⁵⁷.

⁵⁷ Mustelin O. Nils Ludvig Arppe Karjalan teollisuuden perustaja. Helsinki, 1973. S. 162.

На этом общем запретительном фоне бросаются в глаза послабления, касавшиеся восточных районов Финляндии, что в немалой степени было связано с острыми социальными проблемами региона, которые были вызваны кризисом подсечной системы земледелия. После того как в 1816 г. был отменен указ Павла I, запрещавший лесопиление в Старой Финляндии⁵⁸, в восточные районы княжества устремился русский капитал для организации лесопильного производства. Пик строительства водяных лесопилок русскими предпринимателями (Пётр Чусов, Тимофей Тиханов, Ефим Никифоров и др.) приходится на 1830—1840-е гг. В середине 1830-х гг. они владели шестнадцатью лесопилками, на которых трудилось 156 человек, что составляло 43 % всех рабочих, занятых в лесопильном производстве Восточной Финляндии⁵⁹.

Финляндскому банку с 1840 г. было разрешено предоставлять кредиты для строительства лесопилен в окрестностях Выборга и Северного Приладожья, где наряду с русскими промышленниками наиболее крупными предпринимателями были представители немецкого капитала Хакман, финско-шведского — Нильс Людвиг Арппе. Последний владел лесопильнями по берегам Ладожского озера, скупал лесные массивы для обеспечения собственного производства сырьем, организовал транспортировку леса огромными плотами по Сайменской водной системе. Выборг к середине XIX в. превратился в крупнейший центр Финляндии по экспорту пиломатериалов.

Рост спроса на внешних рынках на продукцию лесопиления побуждал предпринимателей к массовым нарушениям запретительно-го лесного устава 1851 г. Действенный контроль за деятельностью лесопромышленников установить не удавалось. Понимание Сенатом неэффективности проводимой политики привело к тому, что в 1857 г. было разрешено строительство паровых лесопилен, а через два года последовала отмена вывозных пошлин, которые сдерживали экспорт продукции финляндского лесопиления. Специально созданный комитет в 1860 г. пришел к мнению, что существующие ограничения в лесопиленении противоречат интересам общества, и вы-

⁵⁸ Это право было предоставлено только высокопоставленным российским собственникам донационных владений.

⁵⁹ Mikkola J. Venäjältä tulleet teollisuuden harjoittajat Suomessa 1808—1880 // Venäläiset Suomessa. 1809—1917. Helsinki, 1984. S. 228—231.

сказался за полное освобождение лесопромышленности ото всех оков. В 1861 г. новое положение, упразднившее систему запретов, привилегий и регламентаций, вступило в силу. Отныне лес можно было пилить круглый год и без всяких ограничений.

Точная статистика о динамике всего лесопильного производства первой половины XIX в. отсутствует, поскольку не поддается анализу тот объем продукции, который заготовлялся в рамках кустарного промысла. Данные о размерах экспорта леса и лесоматериалов для характеристики финляндского лесопиления также весьма условны. Поэтому имеющиеся сведения (табл. 2) отражают состояние дел лишь на тех лесопильнях, которые имели официальное разрешение на производство.

Таблица 2
Количество рабочих и объем производства в 1820—1860 гг.⁶⁰

Год	Рабочих	Продукция (в тыс. рублей серебром)
1820	880	70
1830	740	60
1840	1130	260
1850	1350	320
1860	2440	330

Превращение лесопиления в одну из ведущих отраслей экономики Финляндии пришлось на вторую половину XIX в., когда после отмены запретительного лесного устава 1851 г. были также сняты все ограничения на предпринимательскую деятельность.

Текстильная промышленность

Среди немногочисленных отраслей финляндской промышленности особым покровительством правящих кругов пользовалось текстильное производство, существовавшее в Финляндии как в форме централизованной, так и рассеянной мануфактуры.

Местный Сенат учреждением различных премий и иными мерами побуждал предпринимателей к развитию льнопрядения и ткачества,

⁶⁰ Schybergson P. Op. cit. S. 418.

получившими преимущественное развитие в юго-западных районах страны. Уже в 20-е гг. приобретает распространение кредитование непосредственно производителя, работавшего на дому, необходимым количеством пряжи и другого сырья, стоимость которого оплачивалась после продажи результатов собственного труда.

Накануне русско-шведской войны 1808—1809 гг. в Финляндии насчитывалось 18 текстильных мануфактур с 222 работниками⁶¹. Начало промышленного текстильного производства связано с именами Дж. Финлейсона и Джона Паттерсона, английскими предпринимателями, которые в 1819 г. обратились к Александру I с просьбой разрешить им строительство текстильной фабрики на знаменитых таммерфорсских порогах. Фабрика Финлейсона смогла возникнуть и существовать только при большой финансовой поддержке российского правительства. Предприниматели получили не только огромный беспроцентный заем, но и освобождение от налогов и массу иных привилегий, поскольку продукция этой фабрики должна была сбываться в России⁶².

К этому следует добавить, что финляндский Сенат в 1821 г. объявил Таммерфорс вольным городом (статус продлен в 1855 г.), что предполагало беспошлинный ввоз машин, оборудования и сырья. В 1823 г. для завершения строительства крупнейшей в те времена фабрики Финлейсона казна предоставила еще один заем, и первые партии хлопчатобумажной пряжи вскоре были отправлены в Санкт-Петербург. Только благодаря этим чрезвычайным мерам фабрика преодолела серьезные экономические затруднения 1820—1830-х гг., простиравшие из недостатка капиталов, узости внутреннего рынка и отсутствия квалифицированной рабочей силы.

У дешевой хлопчатобумажной пряжи был хороший сбыт на Северо-Западе России⁶³, куда из-за плохих дорожных условий с трудом проникала аналогичная продукция из центральных районов империи. Постепенно расширялся сбыт и в самой Финляндии. Местное

⁶¹ Annala V. Suomen varhaiskapitalistinen teollisuus Ruotsin vallan aikana. Helsinki, 1928. S. 325.

⁶² Штукенберг И. Ф. Статистические труды. Т. 2. СПб., 1860. С. 69; Kovero M. Suomen kotimarkkinateollisuus. S. 289.

⁶³ В середине XIX в. до 75 % произведенной в Финляндии хлопчатобумажной продукции сбывалось в России.

население повсеместно заменяло более дорогую шерстяную пряжу продукцией нового предприятия, которое уверенно расширяло масштабы своего производства. Если в первые годы своего существования фабрика насчитывала около 500 работников, то к 1860 г. их численность выросла до 3 тысяч человек.

По своей технической оснащенности фабрика Финлейсона стояла в одном ряду с аналогичными предприятиями Англии, а ее продукция демонстрировалась на Всемирной промышленной выставке 1851 г. в Лондоне⁶⁴. Фактически можно говорить об империи Финлейсона в Таммерфорссе, которая была своеобразным «государством в государстве». У фабрики имелись свой жилой квартал, своя больница и школа, пожарная команда и даже свой приход со своей церковью. Но это была империя женского и детского труда, в которой женщины и дети составляли 2/3 всей рабочей силы, занятой на производстве. Фабрика Финлейсона внесла немалый вклад в формирование промышленного облика города, который приобрел славу «финского Манчестера», сосредоточившего на своих предприятиях в середине XIX в. до 35 % всех рабочих Финляндии. Построенные в 1840-х гг. фабрики Дж. Баркера в Турку и Акселя Варена в Форсса вместе выпускали продукции намного меньше, чем одно предприятие Финлейсона, которое сохраняло свои лидирующие позиции до 1920-х гг.

Текстильные предприятия по производству льняных и шерстяных изделий не занимали в Финляндии столь доминирующих позиций, как хлопчатобумажные фабрики. Отчасти это объяснялось широко распространенным домашним ткачеством, основанным на переработке льна и шерсти. Отчасти тем, что льняные и шерстяные ткани фабричного производства стоили значительно дороже хлопчатобумажных изделий, которые успешно завоевывали местный рынок благодаря своей дешевизне. Несмотря на постоянные усилия финляндского правительства по стимулированию производства льняных и шерстяных тканей, в стране в середине XIX в. действовали только три льняных мануфактуры, на которых трудилось 52 рабочих⁶⁵, и 12 суконных предприятий, из которых своими размерами выделялись только фабрики в Лийиттоис и в Таммерфорссе. Но и они в начале 1860-х гг.,

⁶⁴ Лайдинен А. П. Развитие капитализма в промышленности Финляндии. С. 102.

⁶⁵ Там же. С. 81.

не выдержав конкуренции с хлопчатобумажной отраслью, обанкротились.

Подводя итог краткому обзору экономической ситуации в Финляндии в первой половине XIX в., надо, прежде всего, отметить общие условия хозяйственной жизни, сложившиеся в Финляндии после 1809 г. С окончанием войны 1808—1809 гг. территория княжества перестала быть ареной беспрестанных русско-шведских военных конфликтов, и с этого времени финляндская экономика стала развиваться в условиях длительного мира. Будучи освобожденной на пятьдесят лет от содержания воинских формирований и военных расходов, Финляндия получила вместе с тем право использовать собственные доходы от торговли и налогообложения на внутренние потребности княжества, не производя отчислений в бюджет империи. К 40-м гг. XIX в. была преодолена крайняя зависимость от шведского рынка и началась переориентация на рынки Российской империи. Все это содействовало поначалу медленному, но неуклонному хозяйственному прогрессу, который шаг за шагом вел к формированию национальной экономики Финляндии.

Заключение

Итоги русско-шведской войны 1808—1809 гг. знаменовали начало нового этапа в историческом развитии Финляндии, которая на протяжении 109 лет находилась в составе российского государства в качестве Великого княжества Финляндского. Этот номинальный статус, которым Финляндия обладала и в составе шведской монархии, на этот раз — в отличие от шведского времени — стал наполняться конкретным содержанием, составившим суть широкой внутренней автономии Финляндии.

Сохранившиеся старое шведское законодательство и лютеранская религия были дополнены решениями, которые привели к формированию независимой от Кабинета министров империи системы административного управления: финляндский Сенат был подотчетен только российскому императору. Унаследованная традиция сословного представительства, предполагавшая участие депутатов четырехсословного сейма в решении целого ряда вопросов внутренней жизни, также выделила Финляндию на самодержавном общероссийском фоне.

Причины, побудившие Александра I предоставить Финляндии широкую внутреннюю автономию, были продиктованы необходимостью скорейшего умиротворения Финляндии, которая не должна была стать оппозиционным регионом в условиях обострившихся русско-французских отношений и приближавшегося столкновения с Францией. Мотивы экономической безопасности лежали в основе решений, которые предоставили финляндскому княжеству особый таможенный статус. Более чем столетний период мирного развития, право оставлять все доходы местного правительства внутри Финляндии (не перечисляя их в общеимперскую казну), учреждение собственного банка, а позднее и национальной денежной системы создали благоприятные условия для формирования национальной экономики Финляндии.

Но вся эта автономия покоилась на весьма непрочном фундаменте личных монарших заверений «сохранять и оберегать» права Великого княжества Финляндского. Параметры автономии не были закреплены в российском законодательстве, что сохраняло потенциальную угрозу если не полной ее ликвидации, то тех или иных ограничений, проводимых с целью «единения империи и княжества». В первой половине XIX в. централизаторские усилия имперской власти не привели к каким-то серьезным нарушениям автономного статуса. Сообра-

жения о сохранении общественного спокойствия и лояльности новых подданных перевешивали возникавшие планы по унификации. Но избежав ее в той или иной форме, Финляндия в период правления Николая I, тем не менее, вступила в период замороженной автономии, когда генерал-губернатор взял верх над Сенатом, оттеснил на вторые роли министра статс-секретаря, а финляндский сейм вообще не созывался. По сути, становление автономии Финляндии в первой половине XIX в. представляло собой процесс формирования административных институтов княжества, управленческая деятельность которых свидетельствовала о полном торжестве бюрократии, ее удовлетворенности достигнутой стабильностью и нежеланием подвергать себя риску ради торжества некоторых норм основных законов финляндского княжества. Именно в этот период были заложены основы особой политической линии финляндской правящей элиты, направленной на достижение личной благосклонности императора в обмен на лояльность и отказ от какой-либо фронды. Эта тактическая линия стала определяющей почти для всего XIX в.

Первые перемены, связанные с оживлением финляндской автономии, наступают только после смерти Николая I и вступления на престол Александра II, который открыл эпоху буржуазных преобразований, затронувших как сферу экономики, так и общественно-политической жизни Финляндии.

Список источников и литературы

Документы

- Архив А. А. Закревского. Переписка... // Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 73; 1891. Т. 78.
- Архив князя Воронцова. Кн. 38. М., 1892.
- Борениус Г.* Акты для выяснения политического положения Великого Княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1890.
- Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000.
- Всеподданнейший рапорт финляндского генерал-губернатора // Архив А. А. Закревского // Сб. РИО. Т. 78. СПб., 1891. С. 456—457.
- Гр. А. Х. Бенкendorф о России в 1827—1830 гг. // Красный архив. 1929. № 6.
- Граф Закревский под надзором III отделения // Русская старина. 1889. № 2. С. 386.
- Грот Я. К.* Переписка Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. II—III.
- Друцкой-Соколинский Д. В.* Биографическая заметка о жизни графа А. А. Закревского // Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 73.
- Друцкой-Соколинский Д. В.* Из моих воспоминаний. О графе А. А. Закревском // Русский архив. 1901. Кн. 1. № 4.
- Дубровин Н.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829). СПб., 1883.
- Записки сенатора К. И. Фишера // Исторический вестник. 1908. Т. 111—114.
- Исторические документы из времен царствования Александра I. Т. 24. СПб., 1880.
- Николай I: личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2007.
- Краткое биографическое воспоминание о графе А. А. Закревском // Русский архив. 1865. 2-е изд. М., 1866.
- Об учреждении особенной Комиссии для Финляндских дел, вместо прежней, указом 1802 мая 19 назначенной // ПСЗ. XXXI. 1810. № 24.302.
- Письма Н. В. Путяты к А. А. Муханову 1825 года // Русский архив. 1905. № 3.
- Соглашение о перемирии в Олкайоки // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1965. Сер. первая. Т. 4.

Тютчева А. При дворе двух императоров. Воспоминания, Дневник. 1853—1882. Тула, 1990.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2000.

Указатель узаконений, относящихся до Великого княжества Финляндского. 1649—1808. СПб., 1901.

Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903.

«Kertomus Suomesta». Kansallinen Arkisto. NL mikrofilm 167.

H. M. Keisarin kanslian III osaston salainen arkisto. Asia 935. Folio 7—16.

Suolahti G. Kun Historiallinen Aikakauskirja alkoi. (25-vuotismuisto) // HAIK. 1928. S. 1—6.

Литература

Андерссон И. А. История Швеции. М., 1951.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. Пг., 1915.

Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001.

Выскочков Л. В. Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823—1831) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной международной конференции. СПб., 2004.

Выскочков Л. В. Император Николай I. Проблемы и итоги изучения николаевской эпохи (рос. историография последнего десятилетия, 1996—2005 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2005. Вып. 4.

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. СПб.: Наука, 2001. Т. 2.

Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002.

Император Александр I и Армфельт // Русская старина. 1896. Октябрь.

Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л.: Наука, 1979.

Клинге М. Хельсинки город мира и моря. Хельсинки, 1999. 155 с.

Корнеев В. Е. Вступительная статья: Масоны в жандармских донесениях (конец 20-х — начало 30-х г. XIX в.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; РОС. Архив, 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.runivers.ru/new_htmlreader/?book=5604&chapter=84038

Корнилов Г. Д. М. М. Сперанский и Финляндия // Вопросы истории Европейского Севера. Россия и Финляндия от Средневековья до середины XX века. Петрозаводск, 2007.

Кайвяряйнен И. И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965.

Лайдинен А. П. Развитие капитализма в промышленности Финляндии. Л.: Наука, 1979.

Лайдинен А. П. Торпарская система аренды земли в Финляндии. Л.: Наука, 1987.

Майков П. Финляндия, ее прошедшее и настоящее. СПб., 1905.

Минаева Н. В. Сперанский в воспоминаниях современников. Конец XVIII — первая половина XIX в. М., 2009.

Подвиги русских солдат в войну 1808—09 гг. в Финляндии. СПб., 1886.

Приходько Н. И. Исследовательские периоды в изучении русско-шведской (финляндской) войны 1808—1809 гг. в отечественной историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002.

Луото Р., Талвитее Х., Висури П. Русско-шведская война 1808—1809. Эспоо, 2009.

Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805—1815. М., 2012.

Смусин Л. С. К вопросу о характере внешней политики Швеции 1800 — весны 1808 годов // Скандинавский сборник. Таллинн, 1978. Т. 23.

Суни Л. В. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX в. (1858—1885). Тарту, 1963.

Сухтелен П. К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну в 1808—1809 гг. СПб., 1832.

Сюрюэ В.-М. Георг Магнус Спренгтпортен // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / Под ред. Тимо Вихавайнена; Перевод — Илья Соломещ. Хельсинки, 2004. С. 622—629.

Такала И. Р. Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии. Петрозаводск, 2006.

Такала И., Соломещ И. «‘Неизвестная война’? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808—1809 годов» // Отечественная история. 2009. № 3.

Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире. СПб., 2008.

Хенттиля С. От власти сословий к власти народа // Парламент Финляндии. Хельсинки, 2000. С. 20.

Шведская война 1808—1809 гг. Сост. Военно-историческим отделом Шведского генерального штаба. Ч. 2. СПб., 1907.

Штуценберг И. Ф. Статистические труды. Т. 2. СПб., 1860.

Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809—1917. Хельсинки, 2009 (пер. с фин.).

Annala V. Suomen varhaiskapitalistinen teollisuus Ruotsin vallan aikana. Helsinki, 1928.

Autio V.-M. Yliopiston virkanimitykset. 1809—1852. Helsinki, 1981.

Castren L. Turun ylioppilaat ja venäläinen varusväki 1810—20-luvuilla // HAIK. 1933. S. 106—123.

Danielson-Kalmari J. R. Arsenij Zakrevskijn kenraalikevernöörin aikana alkuajoilta // Historiallinen arkisto. XXXIV. Helsinki, 1925.

Danielson-Kalmari J. R. Tien varrelta kansalliseen ja valtiolliseen itsenäisyyteen. IV, Idän ja lännen taistelua Karjalassa. Porvoossa, 1931.

Halila A. Porvoon valtiopäivät ja autonomian alkuaika // Suomen kansanedustuslaitoksen historia. Osa I. Helsinki, 1962.

Harmaja L. Suomen tullipoliitikka Venäjän vallan aikana. Edellinen osa vuoteen 1859. Helsinki, 1920.

Hämynen T. Tavaravirrat itärajalla // Itä-Suomi ja Pietari. Joensuu, 1997.

Hämynen T. Venäläinen pääoma leventää leipää // Itä-Suomi ja Pietari. Joensuu, 1997.

Huurre M., Turpeinen O. Leipä luonnosta. Helsinki, 1992.

Joustela K. E. Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuolisella vuosikymmenellä 1809—65. Helsinki, 1963.

Juntunen A. Olette saaneet meiltä kaiken // Kanava. 2008. № 1.

Jussila O. Maakunnasta valtioaksi. Helsinki, 1987.

- Jussila O.* Suomen suuriruhtinaskunta. 1809—1917. Helsinki, 2004.
- Jussila O.* Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaiste tulkintojen mukaan. 1808—1863. Helsinki, 1969.
- Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. Helsinki, 1958.
- Juvelius E. W.* Suomen kansan aikakirjat. Osa VI. Helsinki, 1932.
- Kaukainen Y.* Kauppiamiesten Karjala // Karjala. Historia, kansa, kulttuuri / SKS. 1998.
- Kauppinen P.* Itä-Suomesta Venäjälle. Eräitä piirteitä väestön liikkuvudesta 1856—1858 // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikin riitamaalla. Joensuu, 1994.
- Kalleinen K.* Suomen kenraalikuvernementti. Kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä. 1823—1861. Helsinki, 1994.
- Kalleinen K.* «Isänmaani onni on kuulua Venäjälle» — vapaaherra Lars Gabriel von Haartmanin elämä. Helsinki, 2001.
- Katajala K.* Karjala ja Savo kääntyvät kaakkoon // Itä-Suomi ja Pietari. Joensuu, 1997.
- Kekkonen J.* Suomen oikeuden historiallisia kehityslinjoja. Helsinki, 1999.
- Ketola K.* Ryssän koulussa. Suomalaiset Venäjän stipendiaatit autonominian aikana 1812—1917. Helsinki, 2007.
- Killinen K.* Sprengtportenin linja. Suomen turvallisuuspolitiikan alkuvaiheita. Loviisa, 1988.
- Klinge M.* Ylioppilaskunnan historia. Osa 1. 1828—1852. Turun ajoista 1840-luvun aktivismiin. Vaasa, 1978.
- Korhonen K.* Suomen asiain komitea. Helsinki, 1963.
- Korhonen K.* Poimintoja Venäjän salaisen tiedottajan huomioista Suomessa vuonna 1826 // Historiallinen Aikakauskirja. 1961. № 3.
- Korpisaari P.* Suomen ulkomaan kaupasta vv. 1812—25. Kauppahistoriallinen tutkimus. Kotka, 1911.
- Kovero M.* Suomen kotimarkkinateollisuus. Helsinki, 1928.
- Kuusterä A.* Verotus autonomianajan Suomessa // Historian päivät 1988. Helsinki, 1989.
- Laine E.* Suomen vuoritoimi 1809—1884. Osa 1. Helsinki, 1950.
- Lappalainen J., Ericson L., Pylkkänen A.* Suomen sodan historia 1808—1809. Helsinki, 2008.
- Lilja A. A.* Arsenijj Andrejevitj Zakrevskij. Helsingfors, 1948.
- Meinander N.* Vesisahan tarina. Helsinki, 1945.
- Mikkola J.* Venäjältä tulleet teollisuuden harjoittajat Suomessa 1808—1880 // Venäläiset Suomessa 1809—1917. Helsinki, 1984.

Mustelin O. Nils Ludvig Arppe Karjalan teollisuuden perustaja. Helsinki, 1973.

Myllyntaus T. Suomen talouspolitiikka ja valtionlaitos 1809—1860. Suomen taloushistoria. Osa 1. Helsinki, 1980.

Nurmio Y. Suomen sensuuriviranomaisten suhtautumisesta A. I. Arwidssonin julkaisuihin 1820-luvun lopulla // HAIK. 1931. S. 81—108.

Nurmio Y. Suomen sensuuriolot Venäjän vallan alkuaikoina vv. 1809—1829. Helsinki, 1934.

Osmonsalo E. Suomen valtion perustaminen // Korhonen A. (toim.). Suomen historian käsikirja. Osa 2. Helsinki, 1949.

Osmonsalo E. K. Itsevaltiuden kausi // Korhonen A. (toim.). Suomen historian käsikirja. Osa 2. Helsinki, 1949.

Paloposki J. Rajajoen asetehtaanalueen liittäminen Venäjän keisarikuntaan v. 1864 // Historiallinen Aikakauskirja. 1967.

Pitkänen K. Väestörakenteen muuttuminen ja väestönkehitys // Suomen taloushistoria. Osa 1. Helsinki, 1980.

Pohjolan-Pirhonen H. Kansakunta löytää itsensä // Kansakunnan historia. Osa 3. WSOY. 1973.

Rasila V. ym. Suomen maatalouden historia. Osa I. Helsinki, 2003.

Rasila V. Talonpojan verot ja muut maksut 1850-luvulla // V. Rasila ym. Suomen maatalouden historia. Osa I. Helsinki, 2003.

Rasila V. Torpparikysymyksen ratkaisuvaihe. Helsinki, 1970.

Rauhala K. W. Tullisuhteiden järjestämisestä Suomen ja Venäjän välillä vuosina 1808—1817 // Historiallinen Aikakauskirja. 1910. № 4.

Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen senaatti. 1809—1909. Edellinen osa. Helsinki, 1915.

Schybergson P. Teollisuus ja käsityö. Suomen taloushistoria. Osa 1. Helsinki, 1980.

Soininen A. M. Vanha maataloutemme. Helsinki, 1974.

Soininen A. Maatalous. Suomen taloushistoria. Osa 1. Helsinki, 1980.

Solomeshch I. Suomen sota 1808—1809 Venäjän imperiumin historian osana // Carelia. 2008. № 5.

Suomen taloushistoria. Osa 3. Historiallinen tilasto / Toim. Kaarina Vattula. Helsinki, 1983.

Takala I. Suomen sota — tuntematon sota // Carelia. 2007. № 11.

Tommila P. Muuan suomalaisten tuttava Pietarissa A. D. Hummel // Historiallinen Arkisto. Osa 59. Turku, 1964.

Tommila P. Suomen sanomalehdistön kehityslinjat // Suomen lehdistön historia. Osa 3. Kuopio, 1988.

Tommila P. Yhdestä lehdestä sanomalehdistöksi. 1809—1859 // Suomen lehdistön historia. Osa I. Kuopio, 1988.

Torvinen T. Autonomian ajan senaatti // Valtioneuvoston historia. 1917—1966. Osa I. Helsinki, 1977.

Turja H. A. Zakrevskin tarkastusmatkoja v. 1824 // Historiallinen Aikakauskirja. 1933.

Virtanen L. «Suomen kansa on aina vihannut metsiään» // Kalevalaseuran vuosikirja. 1994. № 73.

Voionmaa V. Suomen talousmaantieto. Porvoo, 1913.

Åström S.-E. Suomen talouspolitiikka ja valtionalous 1809—1860 // Suomen taloushistoria. Osa 1. Agraarinen Suomi. Helsinki, 1980.

Научное издание

Суни Лев Вальтерович

**Великое княжество Финляндское
(первая половина XIX в.).
Становление автономии**

Редактор *O. B. Обарчук*
Художественный редактор *A. C. Авласович*
Оформление обложки *E. B. Ермолаевой*

Подписано в печать 20.12.2013. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. 7,0 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 48
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ISBN 978-5-8021-1625-8

9 785802 116258